

издательство **НОВЫЙ**
ХРОНОГРАФ

М.П. Крылов

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ
РОССИИ**

Серия
СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Редакционная коллегия:

Алексеев Александр Иванович, проф., д.г.н.,
Веденин Юрий Александрович, проф., д.г.н.,
Пилясов Александр Николаевич, проф., д.г.н.,
Тишков Аркадий Александрович, проф., д.г.н. (председатель),
Трейвиш Андрей Ильич, д.г.н.,
Филиппов Александр Фридрихович, проф., д.с.н.,
Шупер Вячеслав Александрович, проф., д.г.н.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Geography
Russian Institute for Cultural and Natural Heritage

M.P. Krylov

**REGIONAL IDENTITY
IN THE EUROPEAN RUSSIA**

Moscow • NEW CHRONOGRAPH • 2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт географии
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного
наследия им. Д. С. Лихачева

М.П. Крылов

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ**

Москва • НОВЫЙ ХРОНОГРАФ • 2010

УДК [172.15.023.36:303.425.6](470)(035.3)
ББК 60.033.11+60.033.145.2+66.3(235),15
К85

Утверждено к печати Ученым Советом Института географии РАН

Ответственные редакторы:

*доктор географических наук, профессор Ю. А. Веденин,
доктор географических наук, профессор В. А. Колосов*

Рецензенты:

*доктор экономических наук, профессор И. П. Рязанцев,
кандидат географических наук В. Н. Стрелецкий*

Рис. на титуле ко второй части – *И.Н. Волкова*

К85 **Крылов М.П.**

Региональная идентичность в Европейской России / М.П. Крылов - М.:
Новый хронограф, 2010 – 240 с., ISBN 978-5-94881-109-3

В монографии «региональная идентичность» рассматривается как совокупность пространственно выраженных социокультурных отношений, связанная с понятием «малая родина» и отражающая местную географическую специфику. Региональная идентичность включает пространственную самоидентификацию и местный патриотизм. Рассматривается методология и методика изучения региональной идентичности. Показаны основные черты региональной идентичности в Европейской России, ее пространственная организация и взаимосвязь со средой обитания.

Для географов, социологов, этнографов.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-109-3

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева

© Институт географии РАН

© М. П. Крылов

© Издательство «Новый хронограф»

ВВЕДЕНИЕ	7
Исходные концептуальные подходы	7
Методика и информационная база исследования, модельный полигон	20
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	33
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИДЕНТИЧНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	35
1.1. Пространственная морфология социума и региональная идентичность	35
1.2. Идентичность как фактор устойчивости и изменчивости социальных систем	48
1.3. Региональная идентичность и некоторые проблемы современной России: методологический аспект	56
1.4. Региональная идентичность: местный патриотизм, укорененность и пространственная самоидентификация	67
ГЛАВА ВТОРАЯ. ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ	84
2.1. Генезис регионального устройства Европейской России и проблема исторических провинций	84
2.2. Историко-географические границы и современная региональная идентичность в Европейской России	103
2.3. Обобщение результатов историко-географического анализа проблемы региональной идентичности в Европейской России	107
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОЦИОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ	113
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ	125

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФОКУС РОССИЙСКОГО СОЦИУМА	127
ГЛАВА ПЯТАЯ. ФОРМЫ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ	150
5.1. Феномен «местных»: позитивная и негативная самоидентификация	150
5.2. Ценностные установки позитивной и негативной самоидентификации	155
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	164
6.1. Пространственная самоидентификация населения в Европейской России	164
6.2. Элементы структуры общественно-географического пространства Европейской России в контексте региональной идентичности	170
6.3. Феномен стресса соседства	181
6.4. Взаимосвязь региональной идентичности и российского патриотизма	184
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СРЕДА ОБИТАНИЯ	186
7.1. Региональная идентичность и отношение населения к местным экологическим движениям	186
7.2. Региональная идентичность и восприятие культурного пейзажного разнообразия	197
7.3. Региональная идентичность как антропоэкологический феномен ..	199
ВЫВОДЫ	204
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
ЛИТЕРАТУРА	217
ABSTRACT	232

ВВЕДЕНИЕ.

Исходные концептуальные подходы

На протяжении столетий в России создавалось универсальное централизованное государство – империя, сводившее к минимуму или даже уничтожавшее различные местные особенности, прежде всего в пределах славянских территорий. Парадоксальным или же закономерным образом этот процесс стал более жестким, жестоким и всесторонним в советское время, особенно в Российской Федерации. Армия Петра Великого уничтожила не только гетманский Батурин, но и казачий Новохоперск. Иван Грозный разгромил Новгород, Тверь и Торжок, Красная Армия – Ярославль, НКВД и ГПУ – Санкт-Петербург, воинствующие безбожники – Кадом и Нижний Ломов. Советские архитекторы до неузнаваемости «преобразили» Липецк, в котором теперь на порядок меньше старинных зданий, чем в разрушенном во время Великой Отечественной войны Воронеже. Централизованное государство искореняло память о былой силе местной традиции, о былой славе рязанцев, новгородцев, тверичей, о свободолюбивых тамбовских крестьянах и павловских умельцах, и о многом другом. Местные особенности игнорировались, забывались и высмеивались. Хороший детский писатель М.П. Лоскутов писал: «Тарабайские собаки лучше всех других собак» («Рассказ о говорящей собаке»). Это должно было казаться смешным. Публично говорить о «малой родине» стало считаться (и совсем до недавнего времени считалось) неприличным. Если свои местные особенности подспудно могли проникать в сознание людей, то в целом по России их могли знать и изучать лишь с тем, чтобы «преодолевать». И сейчас российские студенты - географы (к сожалению, и не только студенты) имеют смутное представление о том, что такое «краеведение» (хотя педагоги знают учебный предмет – краеведение – нечто типа туризма для школьников) и особенно о том, кто такие краеведы. В отечественной художественной литературе местом действия, если это не Москва и Ленинград-Петербург и не деревня, имя кото-

рой обычно сохраняется, всегда или почти всегда является некий обезличенный город NN, лишенный каких-либо примет, позволяющих «вычислить» первоисточник. (Единственное известное автору исключение – прекрасная детская книга В.С. Витковича, Г.Б. Ягдфельда «Сказка среди бела дня», 1959, в которой все происходит в Ярославле, а в готической Знаменской башне XVII в. скрывается не желающий уходить и останавливающий время некий антипод Деда Мороза – Старый год).

Целостность, самостоятельность и размеры государства позволили создать развитую, оригинальную и всеобъемлющую культуру, возможно, планетарного масштаба, но во многом это было «куплено» очень дорогой ценой, которая включала в себя и ослабление местного самосознания и самоорганизации, и отрыв остатков местной традиции от «большого общества» (термин А.С. Ахиезера). Однако в культуре и психологии людей не все поддается государственному вмешательству, а многое, к счастью, соответствует формуле: «сила действия равна силе противодействия». За пределами государственного регулирования оставались многие важные структуры общества (об этом писал еще А.П. Шапов, хотя он имел в виду лишь эпоху Смутного времени и предшествующую ему), и многие процессы в обществе «шли своим путем», в том числе связанные с исторической памятью – ядром культурного генотипа общества. Например, для советского времени характерно повсеместно происходившее «самовосстановление» краеведения – процесс, ни в коей мере не инспирировавшийся «сверху», но обусловленный исключительно местной исторической памятью (1956 и последующие годы – после разгрома краеведения в 1927 – 1931 гг.). До сих пор сохранилось самосознание и самоназвание жителей и уроженцев «московской» и «старожильческой» частей села Троицкого Новохоперского района Воронежской области (называющих себя, соответственно, «троицкими» и «троецкими») и память о своем происхождении и разделительном временном рубеже – царствовании Алексея Михайловича. Жители «московской» части переселились из центральных районов России после постройки Белгородской засечной черты и уже тогда застали ста-

рожилов Троицкого. В Острогожске сохранилась память о пребывании там гетмана Мазепы; к 300-летию встречи Мазепы и царя Петра в 1997 г. был установлен монумент на Острогожском Майдане – бывшем центре казачьего Острогожска.

В послехрущевскую эпоху тема «малой родины» в контексте исторической памяти звучала в «Письмах из Русского музея», других статьях и интервью В.А. Солоухина, а также О.В. Волкова и не переведенном на русский язык «Соборе» О. Гончара. Однако идеи *малой родины* и *местного патриотизма* в ту и все последующие эпохи в лучшем случае оставались достоянием публицистики, находясь *вне научного*, в том числе *теоретического, осмысления*. И сейчас *историческая память* как теоретическое понятие пока еще осознана совершенно недостаточно и часто используется почти как метафора. Рефлексия этого понятия предпринята недавно А.Е. Левинтовым. Человек оставляет после себя разнообразные «следы» – культуру и памятники культуры; их интерпретация восстанавливает или даже сохраняет духовную жизнь тех, кто оставил эти следы, создает иллюзию бессмертия. «Разрушая их, мы добровольно и сознательно делаем себе прививку склероза, мы занимаемся самоубийством» (Левинтов, 2006, с. 62). Такая позиция близка многим идеям Н.Ф. Федорова (духовное наследие которого осваивается пока лишь в контексте «русского космизма»).

Сейчас российские обществоведы пытаются осмыслить сложившуюся ситуацию, однако в умах некоторой их части перепутались внезапно появившийся интерес к местной специфике с прежним советским, имперским, снобистским снисходительным отношением к «провинции» и «провинциалам», а также с псевдодемократическим подозрительным отношением к местному, идентичности, «корням», которые иногда связываются с «трайбализмом», «национализмом» или с чем-то подобным. Впрочем, провинция в духе советской традиции все еще часто воспринимается как чистый лист бумаги, на котором можно рисовать «земли», «регионы», и куда следует привносить видимые из центра адекватный имидж и понимание своих задач.

Далеко не все определились в том, чем являются для России «провинция» и «периферия» – тормозом или пока игнорируемым ресурсом развития. Для части интеллектуалов российские провинциалы являются чем-то непонятным, чуждым – достаточно экзотической частью соотечественников, обладающей «неправильным менталитетом». Иллюстрацией к такому восприятию провинциалов может быть недавно опубликованный рассказ писателя Дмитрия Быкова «Можарово», в котором идея «непохожести» провинциалов доведена до трагигротескного образа внутри-русской культурной резервации.

Вопреки распространенному мнению, местные власти не всегда, не везде и не очень заботятся о местной специфике; местная специфика, региональные интересы, интересы населения и интересы местной власти по-прежнему не всегда совпадают друг с другом. Поэтому в России местная специфика больше отражена в истории, природе и умонастроении жителей, чем в новых маркерах культурного и политического ландшафта, на которые обращают внимание столичные наблюдатели. Гораздо важнее, что осознание местной специфики стимулирует местный патриотизм и вообще значительно повышает тонус местной жизни, уважение людьми самих себя, определяя «критическую массу» местного социального капитала.

Сейчас в российской интеллектуальной среде стало популярным понятие «*гений места*» (см., например, у А.Е. Левинтова, 2006, с. 101–107). Однако эта конструкция основана на взгляде извне и в чем-то носит «потребительский» оттенок. Получается, что важно не место само по себе, а лишь как фон к биографии интересующего приезжего (допустим, жителя столицы) «гения», который приехал поклониться гению, но не месту – и, таким образом, смысл места не в самом месте, а в гении. Не место одухотворено само по себе, а его одухотворяет и оплодотворяет «гений». Конечно, и местным жителям важно, кто относится к их знаменитым землякам, и осмысление этого всегда содержится в местном самосознании, но здесь «гении» важны как земляки, а не (только) как гении, да и как земляки важны не только «гении».

Проблема «гения места» в новых российских условиях связана с борьбой мест за своих гениев между собой и со своим начальством. Тамбов пока с трудом «отбивается» от Саранска (память о недавно канонизированном адмирале Ушакове) и сохраняет в неведении для окружающих память о Луке – лауреате Сталинской премии В.Ф. Войно-Ясенецком – главе Тамбовской епархии в 1944 – 1946 гг. Н.Ф. Федоров «передан» Рязанской области, однако Серафим Саровский по-прежнему в Тамбове считается своим (но не нижегородским). Елецкие краеведы имеют претензии к Воронежу и Тамбову в связи с попытками присвоения памяти о И.А. Бунине и Е.И. Замятине. Однако поэт С.Я. Маршак не почитается в Острогжске, хотя память о нем сохранилась. В Тамбове почитается и всегда почитался А.М. Жемчужников, но в разгар «перестройки», несмотря на активное сопротивление общественности, был уничтожен всем известный в городе «Дом Козьмы Пруткова». Власти Хвалынска пока не идут навстречу краеведам и жителям города в их желании видеть у себя памятник К.С. Петрову-Водкину.

А.Е. Левинтов (там же, с. 105) пишет, что в большинстве (стандартизированных) американских и советских (осовеченных) городов нет «гения места». Там, разумеется, ослаблено и местное самосознание. Однако вряд ли он прав, говоря о том, что в «Богом забытых местах» скучно и тоскливо – *смотря кому*, и неверно, что они «неодухотворены» (там же, с. 105 – 106). Эти места забыл не Бог, а человек (но не местный житель), и там живут люди, которые могут знать свою историю и восхищаться природой, да и гении места и место для гениев там обычно есть. Автор может составить обширный список таких городов; здесь же будет достаточно ремарки: то, что, якобы, забыто Богом, а на самом деле – людьми, – это вовсе не «глушь»; часто жизнь течет там полновесно и активно, да и понятие «глушь» – это взгляд извне, хотя чаще и не издалека. Там жили выдающиеся люди – гении этого места, и сохраняется «нетронутый» дух этого места. Максим Горький писал: «тамбовское бытие не может создать ни Кромвеля, ни Наполеона, ни Свифта» (см.: «Город на Цне, 1960, с. 10), хотя тамбовским Кромвелем может считаться Мария Спиридонова, а тамбовским Свифтом – Козьма

Прутков. (Представляется, что в таком восприятии места большую роль играет топонимика, названия городов – например, на русский=индоевропейский слух мордовские=неиндоевропейские по происхождению топонимы кажутся неблагозвучными и легко могут быть связаны с ругательством, глушью, глубиной: «Воронеж» и «Липецк» звучат на порядок благозвучнее, чем «Тамбов», «Рязань», «Пенза». Кроме того, нелитературное произношение «г» к югу от Москвы – не путать с совсем другим украинским «г» – усугубляет негативное впечатление от жителей этих территорий).

Возможно, необходимы новые концептуальные подходы для согласования сложившейся в России имперской государственности и устоявшихся форм жизни с большой культурой и заложенной в ней поиском местного своеобразия и осознанием его ценности, а всего этого – с неподконтрольными государству процессами региональной самоорганизации. Подобно тому, как мысль евразийцев стимулировалась дистанцированием от привычных славянофильских, западнических и других идей и теорий, которые, как казалось, уже перестали быть актуальными в эпоху после мировой и гражданской войн и создания СССР, так и в новой обстановке определенное дистанцирование от существующей обществоведческой традиции, не отражающей российские местные особенности, поможет ориентироваться в местной традиции и местной специфике, в их роли для современной России. Нужна совсем другая оптика восприятия реальности – важны не только специфика и не только «различия от места к месту», но и наличие внутреннего видения территорий как особого космоса, сочетание взгляда изнутри со взглядом извне.

Однако исходное теоретическое понятие должно быть взято из арсенала обществоведов. Это – региональная идентичность. Оно соединяет идеи и подходы общественных наук с традиционными подходами и идеями географии.

Понятие «идентичность» в настоящее время считается наиболее общим и универсальным в круге понятий, которые описывают совокупность качественных и количественных характеристик, сопряженных со *специфичностью* какого-либо данного *культурного*

или географического (в понимании Л.С.Берга) индивида. Известны близкие к понятию идентичности русскоязычные понятия – самобытность, «особость», своеобразие (эти термины употребляли еще в XIX в. А.П. Щапов, Н.И. Костомаров и др.), которые, однако, не являются полными его синонимами. Местная специфика, географическая индивидуальность связаны с *представлениями* и *самосознанием* людей, проживающих на данной территории, и отражаются понятием «**малая родина**». Все это должно войти в представления самой науки. Нами принято следующее исходное определение РИ: **региональная идентичность** – это системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «**малая родина**» (Крылов, 2005, 2009).

Большинство научных задач, стоящих перед географами, является *междисциплинарными*. Автор сформировался как исследователь, работая в *междисциплинарных коллективах*. С этим всегда была связана необходимость показа коллегам - негеографам возможностей географического подхода в рамках совместного решения междисциплинарных научных задач. При этом «географическое» и «негеографическое» всегда тесно переплеталось, а базовые общенаучные и общегуманитарные понятия считались общепринятыми либо модифицировались, исходя из авторского географического понимания рассматриваемого феномена. В то же время географы, работающие в *географических коллективах*, обычно начинают исследование с сообщения своим коллегам об особенностях подходов, терминов и понятий смежных наук, которые географы предполагают ассимилировать. В связи с этим в данной монографии нет подробного обсуждения вопроса о значении понятия «идентичность» в психологии, социологии и этнологии, а также ряда других вопросов, которые, возможно, хотел бы найти в ней географ. Автор излагает то понимание региональной идентичности, которое принято им в настоящей работе и отражено в публикациях автора (Крылов, 2005; 2009; Krylov, 2009).

Для России не всегда очевидно существование именно *региональной* идентичности. Это связано с культурной однородностью территории России и некоторыми из трактовок особенностей при-

роды Русской равнины, с исторически возникшей развитостью русской (российской в целом) – нерегиональной – идентичности, меньшей оформленностью в ней «исторических провинций» (согласно П.Н. Милюкову, П.Н. Савицкому и др.), с представлениями о русском народе как о народе-кочевнике, имеющем склонность к перманентной колонизации. Не очевидно существование территориальных контрастов в особенностях проявления региональной идентичности. Традиции А.Д. Градовского – М.П. Погодина – С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова – А.П. Щапова давали противоположные ответы на вопрос о региональной идентичности в России.

Ряд авторов вообще отрицает (в разной редакции) или подвергает сомнению существование российской региональной идентичности, говоря о «кризисе идентичности», пиаре, «потемкинской деревне, которая исчезнет без Потемкина», отсутствии символического смысла у российских регионов, неструктурированности и отсутствия импульса саморазвития, отсутствия у русских «архетипа дома» и понятия «малая родина» (например, Гельман, 2003; Глазычев, 1993, 2004; Кнабе, 1995; Любарский, 2000; Филиппов, 2002; Цимбаев, 1997, отчасти Смирнягин, 1999, Левада, 2002).

Еще одна концепция, предполагающая слабость региональной идентичности россиян, отрицает общинность вне отдельных сельских поселений (Эйзенштадт, 1999, с. 175). Но существует и противоположная ей точка зрения, которая черпает аргументацию в истории России – эпохе Смутного времени, холерных бунтов, антоновщине, самообороне в годы гражданской войны (Акульшин, Пылькин, 2000; Посадский, 2005, др.).

Распространенное мнение об отсутствии в России региональной идентичности имеет практические последствия. В частности, это позволяло радикально менять сложившееся административно-территориальное устройство страны. Подобный прецедент – упразднение губерний, создание крупных областей в границах экономических районов и борьба местной интеллигенции за сохранение традиционных регионов – сатирически описан в повестях А. Платонова «Город Градов» и «Че-Че-О».

Наряду с этим существует и противоположная точка зрения, связанная с иным видением российских реалий и с противоположной оценочной шкалой: о повышенной – даже «излишне высокой» – привязанности россиян и русских к своей малой родине. Эта привязанность считается традиционализмом, обломовщиной, замкнутостью в местном «мирке», «узостью кругозора», препятствием для пространственной мобильности и для «рациональной» экономической политики и даже для свободы (Гудков, 2002; Гуриев, 2001; Ильин, 1994; Мезенцева, Косларская, 1998, Мильдон, 2005; отчасти Левада, 2002). Заявляется, что «главная задача, которую надо решать, – это создать условия, которые оторвут человека от его привязанности к месту жительства» (Щедровицкий, 2005).

Выделяются региональная идентичность (РИ) – результат процесса и региональная самоидентификация населения – сам процесс; индивидуальная (индивид идентифицирует себя с территорией) и коллективная самоидентификация. Степень самоидентификации разных индивидов с территорией различна (она может быть описана в терминах патриотизма, любви, комплекса неполноценности), как различны и сами территории, с которыми идентифицирует себя каждый из индивидов.

Региональная идентичность местных общностей и слагающих эти общности групп индивидов отражает в сознании людей *местную географическую специфику*. Применительно к России понятие «местная специфика» в советское и постсоветское время широко применялось в трудах Л.Е. Иофы, Ю.А. Веденина, Г.М. Лаппо, Б.Б. Родомана, Е.Е. Лейзеровича, А.Е. Левинтова, Л.В. Смирнягина, также В.Л. Глазычева, но в целом в отечественной науке ограничено. Опыт изучения российской региональной идентичности на конкретных территориях весьма незначителен. Не изученным остался вопрос о возможности *сравнения РИ на разных территориях*, а также о «силе» РИ. Все это явилось основанием и важнейшей предпосылкой проведенного автором изучения региональной идентичности на территории ряда областей Европейской России, без национально-территориальных образований.

Понятия «региональный» и «местный» нами не противопоставляются. Региональная идентичность рассматривается как единый феномен осознания своей малой родины, который проявляется как на уровне региона в целом, так и на уровне отдельных поселений в составе региона. «Местный» считается внетаксономическим, безразмерным. Здесь уместно сослаться на А.Е. Левинтова (2006, с. 97), считающего «место» центральным понятием географии. Сходно понимание О.С. Пчелинцевым (2004, с. 205) процессов регионального развития в целом. Он считает, что они носят «сквозной» характер, при этом субъектами развития выступают в равной мере и регионы, и местные сообщества, а разделение единого процесса между регионами (субъектами Федерации) и муниципальными образованиями – это разделение «по-живому». Необходимо обратить внимание на определение региона А.Е. Левинтовым (1994): это самодостаточный и уникальный по содержанию элемент социума *западного типа*, определяющий структуру (не только пространственную) этого социума. Региональная идентичность является одним из важнейших свойств этого социума. «Место» является центральным понятием западной социальной и культурной географии (см., например: Cresswell, 2009).

В литературе, включая зарубежную, используется *множество значений термина РИ*: местные достопримечательности, самобытность территории, принадлежность территории какой-либо традиции, специфичность территории, знание своей территории (особенно знание пространственно-географическое), местное самосознание, местное пространственное самосознание, местное этническое самосознание, сепаратизм, самосознание в рамках конструируемых регионов. Фактически региональная идентичность, ставшая модной (в хорошем смысле) темой исследований в мировой науке, является определенной ценностной ориентацией, не претендующей на сколько-нибудь единую методологию и теорию и касающейся достаточно разнообразных сюжетов и исследовательских подходов.

С нашей точки зрения, изучение региональной идентичности в разных странах содержит элемент несопоставимости, прежде

всего, связанный с местным социокультурным контекстом, а также с различиями в использовании самого термина «региональная идентичность» национальными научными школами и отдельными авторами. Так, британский географ Т. Крессуэлл (Cresswell, 2009, pp. 72 - 75) в качестве более общего, чем региональная идентичность, понятия рассматривает «чувство места» ('Sense of Place'). (Возможно, однако, что «чувство места» является определённым эквивалентом региональной идентичности). «Чувство места» существует в двух вариантах. Первый – тождественен «укоренённости» ('rootedness'). Это – необходимое человеку постоянство в динамичном мире. Такая «укоренённость» – это не часть или свойство динамичного мира, а скорее некоторая возможность на какое-то время уйти от него. Второй вариант – «реактивное чувство места» ('reactionary sense of place'), связанный с конкретной реакцией на окружающий динамичный и мобильный мир. Именно со вторым вариантом связывается понятие «идентичность» ('identity'). Содержание и, особенно, трактовка этих понятий, судя по приводимым Т. Крессуэллом примерам, не всегда соответствует принятому российскими авторами, включая автора данной книги. В то же время реактивное «чувство места» оказалось, по нашему мнению, близким к концепции «географических образов» Д.Н. и Н.Ю. Замятиных (см., например, Замятин, Замятина, Митин, 2008).

В разных культурах и цивилизациях *содержание и смысл феномена региональной идентичности может значительно меняться*. В какой мере региональная идентичность более свойственна традиции, а в какой она – универсальная форма человеческого бытия? Развитие частных идентичностей, в том числе идентичности региональной, очень по-разному соотносится с идентичностью национальной. Так, для Западной Европы развитие таких идентичностей очень часто означает кризис идентичности национальной, например, такая ситуация характерна для Франции, судя по докладу в РГГУ (Франко-российский научный центр) 1 февраля 2010 г. профессора Пьера Нора. В России чаще дело обстоит как раз наоборот, если иметь в виду идентичность русских.

По-видимому, на Западе гораздо большее значение, чем в России, имеют различные внешние признаки, например, названия улиц, газет и т.д. Региональная идентичность там, по сути, черта повседневного быта, который, возможно, заслоняет некоторые глубинные стороны идентичности. *В России же, напротив, региональная идентичность является глубинным, не всегда афишируемым людьми феноменом, чертой не образа жизни, а ментальности, мировосприятия и мировоззрения.* Еще одна – в целом хорошо известная особенность России – нежесткость рубежей; доминирование в истории городского, «полицского» начала над собственно региональным – «земельным» началом; попытки «преодоления» исторической памяти, которая может создавать впечатление «внепространственности» («аспатиальности», по Л.В. Смирнягину). Не всегда очевидно, должны ли эти «аспатиальные» особенности учитываться лишь как внешняя форма, своего рода «скелет» для скрытой от глаз постороннего региональной идентичности (особенно местного патриотизма), или же, напротив, эта особенность сама может служить критерием развития идентичности. Неясно, что именно отражают популярные ныне внешние маркеры, принимаемые за маркеры региональной идентичности – внешний «аспатиальный скелет», саму идентичность или же нечто третье, например, бренд региона.

Можно допустить, что, например, американский (США) местный патриотизм отличается от российского местного патриотизма, по крайней мере, следующим:

патриотизм одного региона может быть заменен патриотизмом другого региона;

ритуально-атрибутивная составляющая местного патриотизма важнее ностальгической составляющей;

если в России пространственная мобильность хотя бы отчасти ослабляет местный патриотизм (но не всегда, не у всех), то в США они могут сосуществовать, не конкурируя.

Однако и российский, и американский местный патриотизм в одинаковой степени не зависят от пространственной подвижности населения (его перемещения к местам работы, отдыха и т.д.), не связанной с изменением места обитания.

Важно существование неодинаковой «оптики» отражения реальности, связанной со спецификой научных школ и менталитетом исследователей, что является ограничением в проблеме ориентации на зарубежный опыт. Так, С.Г. Кирдина (2008, с. 20 – 21) считает, что попытки применения концепций мировой науки, основанных на западной ментальности, для России и других «незападных» стран «зачастую хороши при анализе новых явлений, но слабо применимы для изучения глубинных и долговременных тенденций. ... Социальная реальность России и СНГ, государств Юго-Восточной Азии и др. регионов или не вписывается в рамки предлагаемых теорий, или получает у них «низкие» оценки.

И даже если здесь правда, это не вся правда: признание лишь таких характеристик создает деформированный образ страны ...».

С других позиций подходит к проблеме всеобщности знаний и евроцентризма теорий А.Ф. Филиппов (2008, с. 7) – «универсалист» и «западник», излагающий подходы к созданию социологии пространства как нового раздела социологии: хотя «научное знание универсально», «все-таки «национальная» или «региональная» специфика обнаруживается почти всегда, в том числе и тогда, когда речь идет о фундаментальных теоретических проблемах. Это объясняется довольно просто. В социологии находит выражение опыт социальной жизни. Если у нее есть особенности, они отразятся не только в данных эмпирических исследований, но и в теоретических понятиях». Используя понятие «солидарность с пространством», А.Ф. Филиппов по сути говорит о теоретическом поиске в направлении региональной идентичности – «приверженности действующих агентов к территории», не исчерпываемую рефлексией, но предполагающей моральную и эстетическую составляющие в осмыслении пространства (Филиппов, 2008, с. 262). Строго говоря, для сравнения результатов исследования региональной идентичности в разных странах нужна специальная «не-евроцентристская» теория, позволяющая определить исходный базис, точку отсчета для сравнения.

Наш подход к исследованию региональной идентичности согласуется с принятыми в современной западной географической и

социологической литературе идеями, выдвинутыми в рамках парадигмы *нового регионализма*. Это – концепции уровня регионности, регионализированности (*regionness*) территории и социально-территориальной общности (в отечественной литературе принято говорить о многоуровненности); трансформации регионов коллективной человеческой деятельностью и региональной идентичностью: взаимодействия региональной идентичности с локальной и региональной ментальностью и территориальными интересами; изучения «неформального регионализма снизу» (Hettne, 1999; Biggs, 1999; Doosje, Spears, Ellemers, 2002).

Думается, что региональная идентичность отражает весьма специфический и очень важный пласт реальности, характеризующий глубинные и в то же время жизненно важные свойства социума, далеко выходящие за рамки «пространственной ориентации», к которой иногда сводят региональную идентичность. Автор полагает, что региональная идентичность – это не «стратегия Обломова», а «воля к жизни и развитию на данной территории». Если энергия – это способность совершать работу, то идентичность – это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности (см.: Крылов, 2005). Региональная идентичность частично включает в себя региональные (местные) интересы, являясь предпосылкой их реализации.

Методика и информационная база исследования, модельный полигон

Основным методом исследования региональной идентичности является социолого-географический. Региональная идентичность рассматривается автором как выраженный в географическом пространстве социокультурный феномен, одновременно характеризующийся как *массовыми* (по характеристике носителей этого феномена), так и *элитарно-уникальными* чертами (элитарными для носителей феномена и уникальными для территории и для наблюдаемых черт окружающей действительности). Проявление этого феномена на конкретных территориях сочетает черты универ-

сального и уникального. Уникальность определяет повышенную роль автора в исследовании, что может быть причиной различий в интерпретации одних и тех же массовых явлений и различий в видении единичных географических объектов. Например, коллеги В.А. Шупер и В.Л. Каганский неоднократно обращали внимание (в том числе в публикациях) на различия в нашей трактовке специфики городов Среднего Хоперья от трактовок В.Л. Каганского и Л.В. Смирнягина. За 11 дней экспедиционного обследования этих городов (сентябрь 2002 г.) автор зафиксировал весьма значительный контраст городов Борисоглебска, Новохоперска и Балашова – 1) «зарегулированность» Балашова и «свободное плавание» Борисоглебска; 2) активность жителей Борисоглебска и в еще большей степени – Новохоперска; «пассивность» жителей Балашова, 3) изолированность Новохоперска и, особенно, Борисоглебска от внешнего «административного» мира; 4) очень «южный», степной (несмотря на гигантский лесной массив почти в черте города) колорит Новохоперска, лесостепной в условиях близости природы колорит Борисоглебска и более северный колорит Балашова; 5) «вписанность» в приречный ландшафт Новохоперска (высокий, крутой берег) и Борисоглебска (низкий берег) и «подавленность» реки Хопер в Балашове, а также 6) на отражении этих черт городов в самосознании их жителей. В то же время коллеги обратили внимание на другие особенности, которые автор считает менее существенными (в том числе и как бывший житель центра соседней с этими городами области).

Региональная идентичность, в той или иной форме, присуща *всем* жителям изучаемых территорий, однако достаточно четкое, отрефлектированное самосознание характерно лишь определенной части жителей этих территорий, возможно, *меньшинству*. Кроме того, необходимо учитывать, что многие важные черты коллективной психологии являются чрезвычайно размытыми, и скольконибудь отчетливо зафиксированы могут быть лишь у отдельных, *немногих* индивидов, обладающих определенными культурными чертами (ср. с принципом ландшафтной индикации). При этом сама тенденция распространения региональной идентичности носит все-

общий характер и может быть осознана исследователем лишь при неформальном «погружении» в изучаемую реальность (например, признаки комплекса неполноценности или же безусловной гордости за свою территорию).

Структура проявления региональной идентичности не обязательно обусловлена обычно учитываемыми массовыми детерминантами (пол, возраст, уровень образования и др.), хотя просматривается *также* и сквозь их призму. По-видимому, очень важную роль играют определенные, но априори неочевидные, слабо формализуемые *личностные качества* носителей идентичности. В методическом отношении это повышает роль анкетирования и интервьюирования экспертов. Таким образом, в ходе исследования необходимо преодолевать объективное противоречие между *культурным* характером феномена региональной идентичности и доминированием в общепринятом методическом арсенале подходов, связанных с *социально-экономическими* явлениями.

Удачно сформулировал методическую специфику исследования российского регионализма (судя по контексту – российской региональной идентичности) А.И. Трейвиш (2009, с. 231): «...русский регионализм поневоле низовой и потаённый, на ветер не суётся. Поэтому собрать сколько-нибудь полную коллекцию обыденных культурных районов России ... трудно даже в век Интернета. Их надо открывать, как в эпоху Колумба».

Автор, однако, считает необходимым дополнительно разъяснить своё понимание феномена российской региональной идентичности. Неверно противопоставлять регионы и населённые пункты (все они объединяются общим понятием – «место»). Регион – это «семейство» населённых пунктов, где каждый населённый пункт сохраняет свою индивидуальность, а во многом – и самостоятельность. Здесь уместны представления о том, что часть не обязательно меньше целого (Зиновьев, 1972), а локальное не всегда менее «высоко» организовано, чем глобальное, объемлющее (Волкова, Крылов, 1977). И город, и село – это одновременно и формальное, и неформальное образование («что ни город – то нор, ни деревня – то обычай»). Идентичность на уровне города

или села включает, но всякий раз по-разному, идентичность по отношению к более крупным территориям. Жители села Черняное считают себя и «черняновскими», и «тамбовскими», для них это одно и то же. То же относится к жителям города Моршанска. А вот ситуация с самоидентификацией жителей города Мичуринска сложнее. Исходным в их самоидентификации является «чувство места» по отношению к своему городу. Совокупность этих идентичностей (черняновскую, моршанскую, мичуринскую) автор считает тамбовской региональной идентичностью.

Автор не согласен с идеей об отсутствии в России обыденных неформальных регионов (районов) или их крайней редкости. Да и неверно считать, как полагают российские авторы, что само это понятие пришло к нам из-за рубежа – см., например, книгу П. Мрочека-Дроздовского (1876), который пишет о «бытовых районах». Другое дело, что энтузиазм Л.В. Смирнягина и других коллег в пропаганде этого понятия и в поиске неформальных регионов на местности надо только приветствовать. Проблема низовых обыденных районов отчасти сводится к именованию старинных волостей, большинство которых называлось по крупнейшим сёлам или по рекам. В ближнем Подмосковье известны местности-волости Гжель и Вохна (район Павловского Посада), там же протекают реки Гжелка и Вохна. Получается, что проблема региональной идентичности определяется топонимикой, решением связанных с ней научных проблем, что у автора вызывает большие сомнения.

Меньшая дискретность и меньшая освоенность российского географического пространства по сравнению с Западной и Восточной Европой уменьшает количество и разнообразие неформальных регионов, по крайней мере, затрудняет их восприятие. Поэтому «аспатиальна» (внепространственна – термин Л.В. Смирнягина) не русская культура – опровергнуть тезис об «аспатиальности» именно русской культуры автор пытается в своём исследовании, – а географическое пространство, но лишь в его «физическом», а не в культурном содержании. Если конструировать «обыденные» районы как совокупности населённых пунктов в количестве от одного и выше, то вся Русская равнина покроется такими обыден-

ными районами, хотя не всегда границы между этими районами будут чёткими, а таксономия районов очевидной. Выявится много «культурных экотонов» и других переходных зон и полос. Собственно так и воспринимают жители Европейской России «свои» территории, - территории, где у людей их малая родина, где живут их земляки, а также соседние территории, в том числе территории - конкуренты. *(Приблизительно на таком подходе основана методика А.А. Гриценко, позволяющая выявлять и картографировать «обыденные районы» - фиксировать восприятие своей малой родины, применённая для территорий Брянской, Курской и Белгородской областей, где им были проведены полевые исследования; см., например: Бородина, Волкова, Гриценко, Баринов, 2008).* Особый вопрос – об именах таких районов.

Наверное, не надо сводить суть вопроса к топонимике («Мещёра» и т.д. как «истинный регион» в отличие от Тамбовского края как якобы «не истинного»). Мещёра – это северная часть исторического Тамбовского края; это - историческое название северной части Тамбовской губернии с городами Темников, Елатьма, Кадом, Шацк, Спасск, по П.Н. Черменскому (1961). Таким образом, на деле Мещёру и Тамбовский край противопоставлять не очень корректно. С добавлением Моршанска Мещёра становится б. Шацкой провинцией, а с включением Касимова – б. Касимовским царством – именуемым по своим центрам в отличие от Верхоценской дворцовой волости – исторического ядра собственно Тамбовской губернии. Культурный генотип региона проявляется в его названии, но лишь частично и не всегда. Например, наиболее украинизированная южная половина Воронежской губернии – это б. Острогожский полк Слободской Украины, казачья территория с привилегиями (с 1662 по 1782 г.) для городских жителей (Россия, с. 624), граничащая с Донским казачеством, но конфликтовавшая с ним (что, между прочим, проявлялось и в годы гражданской войны). (Россия, с. 624). Однако на территории б. Дикого Поля сложно было найти какой-то иной топоним, чем название города и полка. Поэтому культурный генотип очевиден, но какого-то особого названия нет. Но не это главное в проблеме российской

региональной идентичности. Этим главным, как считает автор, является местный патриотизм – своего рода «пассионарность» (хотя и другая по природе, чем та, о которой писал Л.Н. Гумилёв).

Следует отметить, что близкую нашей (судя по контексту) трактовку региональной идентичности даёт Р.Ф. Туровский (2005 и, особенно, 2006), однако характеризующиеся идентичностью процессы видятся этим автором иным, даже противоположным образом. В то же время В.Л. Каганский (2002, 2003 и др.) понимает региональную идентичность, исходя из пространственных факторов, поэтому очень важным оказывается понятие «регион». В ряде случаев, особенно когда В.Л. Каганский работает с понятием «провинция», характеристика и трактовка российских реалий у него может быть близкой нашей, однако проблема «аспатиальности» (в других терминах) во многих публикациях трактуется им в духе первых, полемически заострённых, выступлений Л.В. Смирнягина, которому, безусловно, принадлежит приоритет как «застрельщику дискуссии». С.С. Савоскул (2009, с. 75) считает, что нашему пониманию региональной идентичности больше подходит «локальная идентичность». Локальную и региональную идентичность он предлагает именовать «территориальной», однако и этот термин неточен – цивилизация и государство тоже территориальны, а местный патриотизм определяется не только территорией. В том-то и дело, что малая родина уже по определению не может быть разделена на «локальную» и «региональную».

В исследовании были использованы материалы *массовых опросов* в Вологодской, Воронежской, Ярославской и Костромской областях (2002 – 2003 гг.; выборки квотные, метод опроса – личные интервью; вопросники и программа исследования авторские; всего 3050 респондентов). Исследования были проведены на базе организаций, работающих по единой методике: Вологодского НКЦ ЦЭМИ РАН (К.А. Гулин), Института общественного мнения «Квалитас» (Воронеж; Н.А. и А.Л. Романович), Исследовательской компании «Социс» (Ярославль; Р.А. Оглоблин). Кроме того, были использованы результаты массовых опросов в г. Тверь

(2001, ТверьЦИОМ; Е.М. Смирнов; вероятностно-квотная репрезентативная выборка семей, личное интервью, объем 510). Автором были созданы специальные *анкеты по проблеме региональной идентичности для массовых опросов, а также для экспертов* – представителей местной культурной элиты, – того активного меньшинства, которое, демонстрируя установку на личностную ответственность за судьбу своего края, при этом «не участвует во власти» (2001 – 2004 гг., Галич, Череповец, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Муром, Арзамас, Воронеж, Тамбов, Мичуринск, Моршанск, Воронеж, Новохоперск, Борисоглебск, Балашов, Сердобск, Пенза, Нижний Ломов, Елец, Алексин, Богородицк, Новомосковск, Плавск, Тула, а также сельская местность Моршанского района Тамбовской области; 800 анкет). Анкетирование было проведено с помощью любезно согласившихся помочь автору работников библиотек, музеев, местных СМИ, школ, ВУЗов, которым автор очень благодарен.

Весной и летом 2008 г. исследование было продолжено на территории Самарской, Воронежской и Саратовской областей (Сызрань, Острогжск, Кантемировка, Богучар, Хвалынский, Вольск; 120 анкет). В октябре 2009 г. экспедиционный выезд автора проходил по территории Белгородской и Воронежской областей (Обоянь – Ивня – Ракитное – Грайворон – Короча – Новый Оскол – Валуйки – Ровеньки – Бирюч – Острогжск – Коротояк). Он был осуществлён вдвоём – вместе с его учеником и единомышленником А.А. Гриценко. До этого все полевые исследования автор проводил в одиночку.

Совокупность пунктов («ключей»), отобранных для проведения массовых опросов в пределах модельного полигона, оказалась *пространственно репрезентативной*, чтобы описать ареалы, жители которых обладают чертами «ярославцев», «воронежцев» и т.д. – в характерных для региона поселениях, различающихся по социальному статусу и историческому облику. В рамках модельного полигона в целом выражен пространственный градиент «Север – Юг», а также позиционные эффекты (удаления от Москвы и другие).

Авторская позиция – в приоритете конкретики и многообразия реального пространства над пространством «идеального типа», к построению которого тяготеют методические подходы социологов, изучающих Россию. Невозможно адекватное познание России, минуя уровень регионов (ср.: «Россия – северная крепостническая страна»). Лесной «хозяйственно-культурный тип» для русских должен быть дополнен лесостепным и степным. *Региональная идентичность сопряжена с понятиями «культура укорененности» и «укорененность» и предполагает развитую пространственную рефлексю.*

Автором выдвинут **принцип дополнительности культуры мобильности и культуры укорененности.**

Укорененность предпочтительна для саморазвития региона как целостности, для реализации национальных интересов через территорию и через совокупность регионов. Односторонний акцент на пространственную мобильность в ущерб укорененности предполагает развитие отдельных «полюсов роста» в ущерб остальной территории. В то же время, более активное внимание к укорененности, чем к пространственной мобильности, соответствует смене акцентов с доминировавших ранее теорий экзогенных (внешних) источников экономического роста регионов (работы Р. Солоу 1950-х годов) на новую концепцию конкурентоспособности регионов, основанную на теории эндогенного (ведущая роль – внутренних источников) экономического роста (Пилясов, 2008, с. 22 – 23), в том числе – «человеческого фактора». Понятно, что роль «человеческого фактора» в развитии конкретных территорий в очень сильной степени зависит от отношения людей к этой территории, от желания жить и работать на этой территории, от того, считают ли они эту территорию своей родиной (или частью своей родины). Очевидно, такой смене акцентов соответствует изменение в трактовке понятия «интенсивное развитие региона», в отличие от экстенсивного его развития – это активизация ресурсов и институтов самого региона, в отличие от отношения к этим ресурсам с точки зрения навязываемых региону правил игры, когда жителям большинства регионов предлагается в каче-

стве экономически эффективной стратегия «голосования ногами» (распространены взаимоисключающие подходы к этой проблеме: Завалишин, Рязанцев, 2005, с одной стороны, и Гуриев, 2001, Щедровицкий, 2005, с другой).

Вводимый нами принцип единства культуры укоренённости и культуры мобильности близок к позиции В.Парето, который включал в число простых, исходных элементов общества («остатков») «сохранение агрегатов», в число которых включались, помимо прочих, связи человека с другими людьми и привязанность к родному краю и отечеству (пп. 398, 405 «Компендиума», а также «инстинкт комбинаций»). Преобладание «инстинкта комбинаций», по мнению В. Парето было основной причиной многовековой раздробленности Италии (п.п. 1067 – 1071 «Компендиума»). «Так почему же при стольких благоприятных обстоятельствах Италия, вместо того, чтобы осуществлять завоевания, сама была завоёвана? Сразу приходит ответ: поскольку была раздроблена. Но почему она была раздроблена? Разве не были раздроблены Франция и Испания, и разве затем они не сформировали единое государственное целое; почему этого не произошло также и в Италии? ... Потому, что в ней инстинкт комбинаций намного превосходил по значимости инстинкт сохранения агрегатов» (п. 1068 «Компендиума») (см.: Парето, 2007).

РИ шире, чем укорененность. Укорененность включает в качестве равноправных **материальную компоненту**, предполагающую *физическое нахождение на малой родине*, и **духовную компоненту**, основанную на *тесной психологической связи с малой родиной, независимо от того, проживает ли индивид в настоящее время на малой родине*. В то же время, **РИ охватывает широкий спектр отношений, связанных с местным проявлением культуры укорененности, включая различные маргинальные формы**, обусловленные ее вырождением, а также с **взаимодействием культуры укорененности с культурой мобильности**. Понятие РИ отражает отношение людей к своему современному месту жительства (работы, деятельности); к малой родине, находящейся в другом месте; к другим географическим точкам и ареалам, которые человеку ста-

ли духовно близкими (в силу альтруистических и/или бытовых причин). С региональной идентичностью, по мнению автора, сопряжен и российский патриотизм, хотя он может быть несколько иначе связан со спецификой данной местности.

Недавно ряд авторов (Пронина, 2005; И.Г. Яковенко, доклад на семинаре по исторической географии в Институте географии РАН 17 мая 2005 г.) выступил с интересной, хотя и, с нашей точки зрения, очень спорной, идеей о необходимости *осознания* «смертности», *конечности* для этноса и цивилизации, в частности, российской цивилизации, исчезновения соответствующей идентичности, в связи с чем этнос (цивилизация) должен «перестроиться», вписавшись в «мировой ход истории», глобализацию, экономизацию, сблизившись с «гомо экономикус». Тогда (т.е. в случае осознания смертности) могут быть как-то сохранены язык и культура, иначе они будут «сметены» глобализационным потоком. Напротив, с точки зрения А.Е. Городецкого (2001, с. 43), *развитая* идентичность является предпосылкой экономического успеха, модернизации. Таким образом, региональная идентичность лежит в фокусе дискуссионных проблем развития современного российского общества.

Автор благодарит за существенную помощь в проведении данной работы Г.А. Самородову и Л.М. Рудневу (Балашов), отдел культуры Администрации Новохоперска, отдел образования Администрации Муром, Л.П. Кузнецову (Плавск), Н.А. Тропина (Елец), Н.В. Джалагания, Ю.А. Апалькова, А.Я. Клименко, О.В. Попова (Борисоглебск), Н.Р. Наседкину (Арзамас), Л.И. Богословскую и М.П. Белых (Мичуринск), краеведов Тамбова и Моршанска, Хвалынска и Вольска, сотрудников Моршанской городской и районной библиотек, центральной библиотеки Мурома, библиотеку г. Галича, преподавателей Тамбовского ГУ им. Г.Р. Державина и Мичуринского пединститута, школу №8 г. Тамбова, журналистов Борисоглебска, Арзамаса и Моршанска, Богородицка; В.А. Баданину и В.Р. Попова (Череповец), сотрудников городских и районных библиотек и музеев (Нижний Ломов, Богородицк), научной областной и детской библиотек (Тамбов,

Пенза, Тула), краеведческого музея (Сердобск), преподавателей Новомосковского филиала УРАО, сотрудников отделов краеведения областных научных библиотек Воронежа, Костромы, Нижнего Новгорода, Ярославля, других коллег и специалистов, а также Г.А. Фоменко, К.А. Лошадкина и Р.А. Оглоблина (Ярославль) за очень полезную консультацию, связанную с организацией работы и поиском соисполнителей. Также автор благодарит соисполнителей – К.А. Гулина (Вологда), А.Л. и Н.А. Романович (Воронеж), Р.А. Оглоблина (Ярославль), работавших в рамках концепции и по вопросникам автора, за неформальное плодотворное сотрудничество. Особо следует отметить Е.М. Смирнова (ТверьЦИОМ), любезно предоставившего автору материалы по Твери, в том числе с учетом некоторых вопросов, предложенных автором.

Для выполнения работы были важны импульсы, полученные автором еще школьником и студентом. Очень большое влияние на мировосприятие автора оказал круг общения его отца, известного тамбовского краеведа, кандидата медицинских наук П.М. Крылова. Это – поэт и художник Н.И. Ладыгин; ученик экономико-географа В.Э. Дена краевед И.Л. Зацепин; врач и краевед А.А. Нелов; Н.И. Баженов; научный руководитель отца доктор медицинских наук А.Г. Лушников; тамбовский общественный деятель Н.А. Никифоров и многие другие. Необходимо также упомянуть историков Протасовых, коллектив школы и классную руководительницу Л.А. Харьковку и других, а также общий тонус общественной жизни в городе (тогда и сейчас). В 80-е и 90-е годы был полезный контакт с Тамбовским зеленым движением.

Научная активность автора сформировалась не только благодаря родителям (мама – «формальный» генетик, кандидат биологических наук Н.Я. Селиванова, ученица Н.П. Дубинина по Воронежскому университету), но также благодаря свободной творческой атмосфере и теоретическому поиску на кафедре экономической географии СССР, возглавлявшейся Ю.Г. Саушкиным и в Московском филиале Географического общества (МФГО). В те годы интерес к проблематике защиты историко-культурного на-

следия проявляли географы Ю.К. Ефремов, Б.Б. Родоман, а также А.А. Лукашев, С.Е.Ханин, А.Е. Осетров, К.К. Афанасьева и другие. Большое значение имело участие в 3-ем симпозиуме по теоретическим вопросам географии (Одесса, 1977). В дальнейшем научное мировоззрение автора складывалось при общении с коллегами по Институту водных проблем АН СССР (роль экономических факторов, значение математики) и по Российскому институту культурологи (традиция и модернизация) – Е.Н. Селезневой, покойным Е.Н. Соколовым, а также Э.А. Орловой, в рамках Семинара по методологическим проблемам истории мировой культуры (руководитель – Э.В. Сайко). Полезны были контакты с социологами Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (И.П. Рязанцев, В.В. Зырянов), Хабаровска (А.Ю. Завалишин), Вологды, Воронежа, Ярославля, Волгограда.

Автор благодарит Ю.А. Веденина и В.А. Колосова, а также покойного Н.Ф. Глазовского за долговременную поддержку; А.Д. Арманда и А.Ю. Ретеюма за постоянное внимание; Л.В.Смирнягина за активное обсуждение проблемы; А.И. Трейвиша, Г.А. Приваловскую и В.Н. Стрелецкого за поддержку и очень ценные редакционные замечания и обсуждение текста, которые способствовали его значительному улучшению. Формулировки методического подхода были существенно уточнены после обсуждений с А.А. Гриценко. Очень полезны были советы и рекомендации Г.Д. Костинского, а также О.Б. Глезер и других коллег по Институту географии РАН, В.Ю. Дукельского (Российский институт культурологии) а также В.И. Плужникова (Институт Наследия). Автор благодарен зам. главного редактора журнала «Социологические исследования» Н.В. Романовскому, давшему «путёвку в жизнь» его интерпретации региональной идентичности. Важно было мнение и поддержка покойных Ю.Г. Липеца и А.А. Лютого. Основные положения монографии опубликованы (Крылов, 1995, 1999 А, 2005; Krylov, 2009 и др.). Автор очень благодарен В.Р. Попову за организацию анкетирования экспертов в Череповце, а также за проведение расчетов, показавших связь региональной идентичности (по нашим данным) с различными индикаторами (по его данным) по

Вологодской области. Проведенное исследование было поддержано Российским фондом фундаментальных исследований (гранты № 97-06-80101; № 01-06-80362), а также дирекцией Института Наследия.

Низкий поклон всем, кто здесь упомянут и кто не упомянут, но кого автор всегда помнит.

Глава первая

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1.1. Пространственная морфология социума и региональная идентичность

Л.В. Смирнягин (1999 и др.) выдвинул и активно пропагандировал идею «аспатиальности русской культуры». Хотя термин «аспатиальность» не очень удачен (Стрелецкий, 2008), он отражает актуальные «болевые точки» российского социума, характерные и для прошлого России, и для современности. Идея «аспатиальности» может быть истолкована в негативном смысле – потеря идентичностью территориальной составляющей, как разрушение местного патриотизма, а также в смысле пространственной подвижности – положительного явления. Идея «аспатиальности» восходит к некоторым построениям М.П. Погодина, С.М. Соловьева и А.Д. Градовского.

Так, концепция М.П. Погодина – С.М. Соловьева выводила неукорененность населения из факта физико-географической пространственной однородности Европейской России как некоторое генотипичное свойство. Еще жестче эта позиция формулировалась некоторыми западными авторами. Так, О. Шпенглер писал (1933; рус. публ. 2006, с. 64): «Истинно русский в своем ощущении жизни остался кочевником, как и северный китаец, манчжур и туркмен. Родиной для него является не деревня, но бесконечная равнина, Россия-матушка. Душа этого бескрайнего ландшафта побуждает его к бесцельным скитаниям. “Воля” отсутствует».

О. Шпенглер вводит идею русского-кочевника в более общий историсофско-идеологический контекст, связывая «аспатиальность» с «татарским абсолютизмом», угрожающим всему миру и готовым в любой момент выдвинуть нового Чингис-хана. Идея «аспатиальности» здесь соединяется с известной идеей «всечеловечности», «всемирности»; О. Шпенглер ссылается на Ф.М. Достоевского (с. 207 – 208), которого он истолковывает в смысле

устремленности к нападению «на ненавистный нерусский мир, который сначала необходимо разложить, прежде чем он будет раздавлен» (там же, с. 65).

Менее известны идеи, противоположные «аспатиальности».

Н.И. Костомаров писал о чрезвычайно существенных (на уровне губерний и уездов) территориальных контрастах в культуре России. В лекции, прочитанной 10 марта 1863 г. в Географическом обществе «Об отношении русской истории к географии и этнографии» Н.И. Костомаровым (1995 А, с. 424–440) было сказано: «Но изучением одного простонародного сельского класса не должна ограничиваться наука о народе. Это была бы непростительная односторонность, тем более, что не только в низшем, но и в среднем и в высшем классах нашего народа находится много местных отличий, и наше общество еще далеко не достигло того однообразия, которое характеризовало его как общерусское общество. У нас помещики разных губерний разнообразны, как земля, которой они владеют: вы встретите различие и в экономии, и в правилах домашнего быта, и в нравах, и в понятиях... (у купечества и мещанства, помимо того, что оно более помещиков приближается к простому народу – М.К.) есть часто с трудом уловимые особенности, по которым можно их отличать между собою не только по губерниям, но даже по уездам. Для этого нужно только сжиться с таким обществом в каком-нибудь уездном городке; купцы и мещане сами наведут вас на отменную физиономию соседей своих в другом уездном городе от своей собственной» (с. 436 – 437). Интересно, что, с точки зрения Н.И. Костомарова, наибольшим своеобразием отличаются жители *городов* – купцы и мещане.

А.П. Щапов (2001) выдвигал «земско-областную теорию» русской истории. Согласно этой теории, «русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации». По мысли А.П. Щапова, великорусские области изначально были ограничены терри-

ториями речных бассейнов. Например, «Вятская земля – древняя колония Новгорода, еще в XII в. образовала особую область по речной системе Вятки вследствие своеобразного колониционно-этнографического склада от смеси новгородско-двинского, ушкуйничьего с туземною черемиско-вятской народностью». «Самобытность» великорусских земель (сейчас бы мы сказали – самоорганизация на базе самосознания) хорошо проявилась в Смутное время.

Доминирующей является, однако, концепция «аспатиальности», связанная с развитой геоисторисофской традицией. В последнее время стала распространяться противоположная ей гипотеза, основанная на внешних, в известном смысле конъюнктурных, маркерах идентичности, которая связывает рост местного самосознания с «федерализацией России» и предполагает его слабость в советское время. В последних выступлениях Л.В. Смирнягина как будто обозначился переход на такую точку зрения.

Концепция «внерегиональности», «аспатиальности» русской культуры, российской цивилизации представляет Россию как уникальное явление в мировой истории в силу невыраженности у нее пространственно-регионального начала. Это вызывает подозрения в существовании у России различных культурно-цивилизационных деформаций, однако пока наличие таких деформаций, и особенно в связи с «аспатиальностью», остается без доказательства. Например, утверждается, что «аспатиальность», препятствуя образованию Формы, мешает выражению исторической памяти. Однако само по себе более чем тысячелетнее существование России, обособленной культурно от остального мира и сохраняющей как свою самобытность, так и большую или меньшую степень пространственной однородности, как будто опровергает такую точку зрения. (Здесь интересным может быть, в частности, сравнение последствий немецкой колонизации в Восточной Европе, при которой ее народы онемечивались, с последствиями присутствия немцев в России, при котором немцы обрусели).

«Аспатиальность» может трактоваться как следствие перманентной незавершенности процесса колонизации. Сведения о не-

достаточной оседлости в отдельных районах и местностях встречаются у В.П. Семенова-Тян-Шанского (Россия, 1902). Однако представляется, что в целом к началу XX в. это состояние было уже преодолено, тем более, что уже для XVI в. А.Д. Чечулин (1889, с. 349) писал о крепких устоях жизни в центре России, которые он противопоставлял неустроенности жизни на окраинах. По А.Г. Бахтину (2001), присоединение к России территорий Казанского и Астраханского ханств было вынужденной военной мерой; тяги русского населения к «безудержной колонизации» не было. Согласно В.Н. Кузнецову (2001), побег крестьян от помещиков были естественной «чисткой» общества от неукорененных членов, составлявших явное меньшинство. В русской живописи достаточно четко прослеживается идея укорененности.

Феномен «российской аспатиальности» вызывает также повышенное внимание с точки зрения ее (аспатиальности) несоответствия общенаучным критериям морфологического разнообразия, полиморфизма (куда включается и разнообразие региональное), который активно присутствует в современной интеллектуальной атмосфере (ср.: сохранение биоразнообразия, культурного разнообразия).

Однако в действительности критерий морфологического разнообразия не содержит достаточного основания для негативных суждений об «аспатиальных» социокультурных феноменах. С антропоцентрической точки зрения, необходимым признаком социокультурной комфортности и условием сохранения человеческой индивидуальности является сочетание разнообразия и единообразия, в том числе единство социокультурного поля (как в смысле связности, так и в смысле подобия отдельных частей), и единство действующих в обществе закономерностей, принципов жизнеустройства, морали и т.д. Отсутствие единообразия, социокультурная несовместимость в геопространстве приводит к печальным последствиям (Рим – Карфаген, Турция – Армения и т.д.). По мнению А.Е. Чучина-Русова (1999), пространственно-культурная дивергенция, рост дифференцированности, вопреки распространенным взглядам, опасны, особенно в смысле возмож-

ных междивизиационных конфликтов и экологической деградации, в то время как конвергенция может обеспечить плодотворный культурный синтез. Предполагается, что одна из основных причин неустойчивости мировой системы будет исходить из неравномерности в развитии отдельных ее частей (цивилизаций, стран, регионов) (Глинчикова, 2000, с. 32).

В то же время, с экологической (в широком смысле) точки зрения непосредственная полезность разнообразия, казалось бы, не должна вызывать возражения. Однако, вопреки распространенным среди географов и экологов представлениям, полезность морфологического разнообразия признается далеко не всеми. Заметим, что критерий разнообразия может использоваться как для оценки прогрессивности, развитости (К.М. Бэр, также А.А. Любичев, 1982, Г.С. Померанц, 1990), в отличие от устойчивости, так и, напротив, для оценки именно адаптивной устойчивости, в отличие от развитости и прогрессивности (С.А. Арутюнов, 1993). В рамках концепций, отождествляющих жизненные циклы цивилизаций и организмов, разнообразие (в том числе региональное разнообразие) является признаком «цветущей зрелости», объединяющей и прогрессивность, и устойчивость (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер). Морфологическое упрощение трактуется как старость, деградация, хотя такое отождествление и не очевидно. Известно, что многие явления упадка носят черты повышенного разнообразия (А. Игнатов, 1999, с. 120). Любопытно, что взгляды К.Н. Леонтьева (1873; публ.1991, с. 233, 245, 246, 248) оказались диаметрально противоположными оценкам видного современного философа М.К. Петрова: если по К.Н. Леонтьеву доминирующей чертой эпох и стадий космополитического прогресса оказывается усиление однообразия, сближение, и это плохо, то М.К. Петров видит в современной эпохе дивергенцию (хотя здесь он ставит знак вопроса), которую он трактует негативно (1971; публ. 1990, с. 90-91).

А.А. Богданов (1908; публ.1990, с. 131) считал, что более развитые, совершенные формы должны обладать значительным сходством между собой, большим единообразием, подобно наиме-

нее развитым формам. А. Дж. Тойнби видит в развитии процесс неуклонного морфологического упрощения («этерификация»), который им трактуется как закон роста (прогресса) цивилизации (1991, с. 234-241). Согласно концепции этногенеза Л.Н. Гумилева (1992, с. 80), при снижении пассионарности региональное «разнообразие ландшафтов, традиций и вариаций поведения ведет к торжеству центробежных тенденций», к дезинтеграции. И, наконец, М.К. Мамардашвили (1992, с. 335-336) выступает против стремления сохранить «своеобразие» во имя «экологии культуры», считая такое стремление «расизмом наоборот», несовместимым с «правами человека», желающего «прорвать горизонт своей культурной традиции».

Характерен пример отсутствия внятного социокультурного критерия нецелесообразности или же полезности единого литературного языка. В контексте критики православной монистической традиции и российской «аспатиальности» А.М. Пятигорский отрицательно относится к единству русского литературного языка: «В России господствует одна культурная норма и одна норма языка, что тоже является монистической предпосылкой, ограничивающей возможности выражения индивидуального мышления» (1990, с. 104). (Заметим, что пафос философа снижает акцент не на само мышление, а на его форму выражения – для проявления индивидуальности нужен диалог, который все же гораздо лучше вести на одном языке). Противоположная точка зрения отражена в книге Ф. Штарка (1996), с. 79, 97-100, 111). Этот автор пишет о том, что понятие «партикуляризм», являющееся одним из эквивалентов понятия «разнообразие», исторически возникло в связи с негативной оценкой раздробленности Германии. Применительно к России совершенно не очевидно, что из факта относительной территориальной однородности (однотипности) культуры, например, присутствия единой нормы литературного языка, однозначно следует ослабленность местного патриотизма, чувства места и укорененности (например, персонажи Б.М. Кустодиева достаточно похожи друг на друга, хотя и находятся в разной, но похожей, чаще приволжской, среде обитания – они почти «аспатиальны»,

но, безусловно, укоренены в Костроме, Кинешме, Астрахани, Лебеяни и т.д.).

Таким образом, анализ философско-методологической литературы показал, что в оптимальной (с точки зрения прогрессивности или устойчивости) структуре пространства критериям разнообразия (по А.А. Любичеву или по К. Леви-Строссу) противостоят критерии единообразия (по А.А. Богданову или А. Дж. Тойнби). Отсюда, по-видимому, следует, что проблема развитой РИ – не в формах структурированности пространства, а в отношении людей к своей малой родине, другое дело, что определенная структурированность, в противовес хаотичности, все же нужна. Согласно К. Леви-Строссу (2000), крупные общества должны быть относительно однородны в территориальном аспекте, при этом оптимум территориальной однородности/разнообразия у каждого общества – свой.

Очевидно, что проблема «аспатиальности» нуждается в более конкретизированном, с понятийной точки зрения, анализе. Необходимо противопоставить понятия «регион» и «цивилизация», считая регион структурной частью цивилизации. В составе цивилизации будем выделять региональную (пространственную) расчлененность и местное самосознание, «привязанное» к региону или к населенному пункту. Мы полагаем, что степень региональной расчлененности и сила местного самосознания коррелируют между собой, однако не связаны жесткой функциональной связью. В целом местное самосознание полагается нами б всеобъемлющим началом для цивилизации, в отличие от региональной расчлененности. Их связь может быть уподоблена, например, духу и нервной клетке, согласно Хакену. Кроме того, элементы региональной расчлененности могут выступать в качестве пространственного полигона для развития варианта данной цивилизации.

В связи с этим необходимо противопоставить регионы-страны и регионы-ячейки (см.: Крылов, 1997). Примерами регионов-ячеек могут быть графства Англии, исторические области внутри Чехии и Словакии. Для пространственно-регионального эквивалента европейской «обустроенности», органичности имеют значе-

ние не только регионы-страны, между которыми прослеживаются наибольшие контрасты и которые чаще образуют большую «пространственную массивность» (в России регион-страна – это, например, Урал), но также и регионы-ячейки, хотя, строго говоря, без специального историко-географического анализа не очевидно, что именно в Европейской России следует считать регионом-страной, а что – регионом-ячейкой.

Представляется, что развитость региональной ячеистости, мозаичности является важным критерием устойчивости, надежности функционирования цивилизации. Для регионов-ячеек важна не степень контраста между этими ячейками, а именно наличие специфической ячеистой формы существования. Ячеистость, мозаичность активизируют местное самосознание, способствуют наиболее полному «переходу» локального самосознания в региональное.

Регионы-страны могут служить базисом для взаимодополняющих, взаимозаменяемых или же альтернативных вариантов развития, в пределе – разных, иногда – несовместимых векторов развития целой цивилизации (например, большая часть Юга Франции до XVII в. была альтернативна Северу Франции, представляя собой уникальный феномен южно-европейского кальвинизма). Наличие таких вариантов полезно, но автоматически оно не повышает надежности цивилизационной системы, поскольку каждый вариант, связанный с каким-либо регионом-страной, занимает свою собственную специфическую «экологическую нишу». В этом смысле «аспатиальность» не обязательно нуждается в негативной оценке. В принципе, оптимальным является баланс между многовекторностью и целостностью цивилизации, обеспечивающий взаимозаменяемость векторов в смысле достижения той же культурно-цивилизационной цели (но часто при разных средствах). Очевидно, в этом или сходном смысле следует понимать В.А. Мельянцева (1996, с. 75), говорящего о «географической фрагментации» как об одной из важнейших предпосылок возникновения общества современного типа. Однако такая «географическая фрагментация», препятствующая властной и иной монополии в региональном аспекте,

не обязательно нуждается в существовании регионов-стран: здесь межвидовая борьба менее важна, чем борьба внутривидовая.

Признак региона-ячейки – различие в интенсивности проявления какого-либо параметра. Признак региона-страны – устойчивое различие в результате действия общих или сходных факторов, процессов, явлений.

Регионы-страны формируются в рамках некоторого единого цивилизационного континуума. Если такой континуум есть, то усиление контрастности между ними не приведет к дезинтеграции данного цивилизационного образования, а усиление местного самосознания, коррелирующее с усилением региональной контрастности, будет усиливать культурное самосознание данной цивилизации. Если континуум ослаблен, то возможна дезинтеграция.

Представляется, что основное отличие цивилизации от региона заключается в том, что на Земле возможен (и необходим) некоторый конечный, даже, вероятно, фиксированный набор цивилизаций, коррелирующий с планетарными объектами природной среды, человеческими расами, языками, религиями и др. Каждая цивилизация самоценна и не сводима к другим. Для совокупности цивилизаций свойственна метахронность, неравномерность, отношение центра и периферии подходят лишь частично. Для социума внутри цивилизации характерно отсутствие фиксированного количества регионов, внутренне необходимых для данной цивилизации (наподобие соотношения земной и частных цивилизаций); впрочем, вероятным исключением может быть распространенное существование регионов-стран «Юга» и «Севера», которое характерно, например, для России, Индии, Германии, Франции, Италии, Испании, США, Китая. Для регионов характерно большее разнообразие на более локальном уровне, большее единообразие – на более «глобальном» уровне, для цивилизаций – обратное соотношение.

По-видимому, возможно существования разных цивилизационных типов, приемлемых для устойчивого развития и для сохранения исторической памяти как одного из важнейших условий этого развития.

Наша позиция заключается в признании силы местного самосознания (чувства укорененности, «очага») основным региональным критерием культурной устойчивости цивилизации, при котором степень регионально-пространственной дифференцированности является дополнительным или косвенным критерием, усиливающим или ослабляющим историческую память данной цивилизации посредством создания определенных – благоприятных или же неблагоприятных – условий для проявления местного самосознания, а также очень важным системным критерием целостности цивилизации. При этом сила местного самосознания непосредственно не может влиять негативно на целостность цивилизации. При таком подходе исчезает принимаемая обычно для России ложная дихотомия: «монистическая («имперская») целостность» – «плюралистическое расщепление целостности на регионы» (в рамках «конфедерализации»).

Следует согласиться с Г.С. Кнабе (1995, с. 229) в том, что «эталонным образцом воздействия диалектики внешнего и внутреннего пространства на всю систему культуры до сих пор остается древний Рим», повседневная практика которого вписывалась в учение стоиков о «двух родинах». У римлянина, разъяснял Цицерон, всегда две родины: «малая родина» и бескрайняя «великая родина» (там же, с. 232). Такой эталон культурного региона и местного самосознания мы противопоставляем доминирующему у нас в литературе эталону культурного региона и местного самосознания, понимаемых в терминах предсепаратизма и сепаратизма; когда проявление индивидуальности и самобытности культуры в региональном аспекте есть следствие обособления – «самоопределения» регионов, а признаком «региональной нормы» становится этногосударственный реликт, что мы полагаем частным (экстремальным) случаем.

Возможно, геокультурное пространство России в известном смысле может считаться «аспатиальным», но эта «аспатиальность» – не «монокультура». Такого рода «аспатиальность», прежде всего, связана с единством социокультурных норм подведения и закономерностей, следствием реализации российского

социокода (культурного генотипа), отвергавшего противопоставления людей по племенному принципу, основанному на принципах «всеединства» и «всеотзывчивости» и связанным с представлением о единстве Русской земли. На фоне (или в рамках?) этого социокода протекали процессы региональной социокультурной и, возможно, этнической дифференциации, сходные с таковыми в (Западной) Европе, в которой, однако, «исходный» социокультурный континуум был значительно более дифференцирован в пространстве и в значительно меньшей степени был нацелен на внутреннюю интеграцию. Характерно, что Шотландия была присоединена к Англии лишь в XVIII в., Ирландия отделилась в XX в. от Англии, несмотря на исчезновение кельтского языка, Австрия отделена постоянно от Германии, а славянские народы Европы, независимо от конфессии, очень часто отчуждены друг от друга. Л. Висконти считал падение Баварии как самостоятельного государства «величайшим поражением» в истории Европы XIX в. (Висконти, 1990, с. 158). В формировании развитой расчлененности Европы сыграл роль не только дробящий земли феодализм, не только мозаичность и дробность природных условий, но также и довольно долго существовавшее несовпадение ряда культурных норм (обычно в литературе подчеркивается обратное, однако, важно противопоставление между католиками и протестантами, между германо-, романо-, и кельтоязычными народами, между славянами и венграми и др.). Для России важную роль играло единство русского языка, роль которого значительно превосходила роль латыни на Западе, а также «цементирующее» воздействие православия. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с мнением, что не будь монгольского нашествия, сцементировавшего русские земли, в пределах Русской равнины возникло бы множество отдельных самостоятельных государств, как на Западе (Феоктистов, 2000).

Регионы-страны в России часто характеризуются не мозаичностью, а континуальностью (ср. выражение: «в наших краях» – существенно множественное число и связанный с этим элемент неопределенности) и сильно размыты, в настоящее время они фик-

сируются более в историко-культурном, чем в социокультурном и особенно в пространственном отношении (Север, Юг, средняя полоса и т.д. – см. главы 2 и 6). Континуальность регионов-стран способствует их «размываемости» и тормозит выполнение ими функций пространственных плацдармов для вариантов развития российской цивилизации. Такими регионами-странами были старинные русские великие княжества (Владимир и Москва, Рязань, Тверь, Ярославль, Суздаль, Нижний Новгород) и республики (Новгород, Псков, Вятка), но уже в екатерининские времена статус этих территорий «упал» до уровня региона-ячейки, которые выполняют функции российских исторических провинций. Регионы-ячейки в России слабо прослеживаются на современном *внутриобластном* уровне, в частности, слабо прослеживаются волости, исключения – Гжель, Вохна (район Павловского Посада). Более четко они просматриваются на уровне старинных земель – краев – губерний, и это составляет, в частности, предмет историко-географического анализа (глава 2).

Однако вероятнее всего, что определенными дефектами российской «региональности» являются не столько пониженная роль регионов-стран, как это обычно считается, сколько недостаточная локальная «ячеистость», почти не вписывающая города в систему регионов-ячеек, и связанный с этим феномен «пригородности» – наличие элемента искусственности в связях центрального и подчиненных в ряде случаев ему городов региона (Градовский, 1868), что хорошо известно, в частности, на примере древнего Новгорода (см. также 2.1). Указанные обстоятельства, а также культурно-экологическая деградация среды обитания способствуют деградации местного самосознания. Однако как курьез следует воспринять ходячий штамп о том, что лишь в настоящее время в России *формируется* местное самосознание, как будто его не было в 50-е - 60-е годы, до революции. Примером проявления развитого местного самосознания в России до революции является обсуждение вопроса о строительстве военного полигона в связи с угрозой для питьевого водоснабжения г. Тамбова перед первой мировой войной, с участием физико-медицинского общества, губернского и

уездного предводителей дворянства, земства, представителя большевиков В.Н. Подбельского (см.: Крылов, 1999 Б). Примером проявления местного самосознания в 50-е – 60-е – 70-е годы является развитие краеведческого и природоохранного движения, борьба за сохранение историко-культурного наследия.

Возможно, что наблюдаемые в России отдельные элементы «аспатиальности» – признак сильно развитой, прогрессивной, но не вполне устойчивой по ряду параметров цивилизации (применительно к России и русскому этносу по этим позициям часто высказывается прямо противоположное мнение). Аналогами России здесь могут считаться Рим, Византия, Ассирия-Вавилония, обладавшие развитым местным самосознанием на локальном уровне, но имевшие рыхлую систему регионов. По типу регионального строения Россия здесь противостоит мозаичным типам цивилизаций; помимо европейского феодального типа, сюда относятся архаические системы городов–государств Атлантиды, древнего Египта, майя, древней Палестины, Мексики Монтекумы, а также идеального государства Утопии Т. Мора. Такой тип регионального устройства был характерен, по мнению многих историков, и для Древнерусского государства (Фроянов, Дворниченко, 1988).

Понятие «регион» мы предлагаем рассматривать как один из фокусов «исторической памяти», которую мы противопоставляем «исторической инерции», отчасти пересекающейся с «исторической памятью», отчасти контрастирующей с ней (например, в некоторой гипотетической ситуации утраты исторической памяти и частичного перехода, допустим, на английский язык, все равно будут чрезвычайно длительное время сохраняться диалектные различия как форма исторической инерции, но уже как некая смесь «французского, вернее, английского, с нижегородским», а также рязанским и другими говорами). Центральным понятием для региона как фокуса исторической памяти (а также его основной «культурной субстанции») является, с нашей точки зрения, местное самосознание (региональная идентичность, укорененность) выражающее в интегральной форме идею сохранения преемственности в развитии. Хотя именно историческая память является основ-

ным генотипическим фактором социокультурного ароморфоза и идиоадаптации, для Запада признается положительное значение существования с древнейших времен элемента нарушения преемственности в развитии, важности «темных веков» (Зубов, 1991). Думается, что существует все же некий порог нарушения этой преемственности, который переходить нельзя (с точки зрения сохранения данной цивилизации).

1.2. Идентичность как фактор устойчивости и изменчивости социальных систем

В настоящее время идентичность микро- и макросоциальных систем обычно рассматривается не столько как признак их застойности, стагнации или слабости, сколько как признак их долговременной результативности, внутренней мощи, своего рода пассионарности (Мельянцев, 1996, с. 13). Это один из важнейших признаков современного, «нормального» общества. Идентичность часто рассматривается как проявление гомеостаза – способности системы сохранять относительно динамичное постоянство ее структуры, устойчивость основных свойств и функций (за счет активизации механизмов приспособления к внешней среде).

Однако категория гомеостаза признается все же недостаточной в качестве критерия результативности социально-экономической системы, поскольку перед лицом внешнего «вызова» для поддержания внутреннего равновесия и устойчивости необходима изменчивость. «Дело в «дозе», мере и направленности изменчивости». Понятие «гомеостаз» дополняется категорией «развития» (Мельянцев, 1996, с. 13). Проблема заключается в том, что для общества (в отличие от живых организмов) не ясна пропорция и характер взаимодействия изменчивости и наследственности (динамичности и инерционности) в развитии (Вишнев, 1977, с. 30). Кроме того, следует различать инерционность как прямой аналог биологической наследственности, и инерционность как «сопротивление динамичности» (прогрессу). С.М. Вишнев (1977, с. 29) пишет об «активной инерционности» – способности системы воз-

вращаться на прежнюю траекторию развития после глубоких потрясений, и о «пассивной инерционности, которая проявляется в медленном изменении внутренних параметров системы».

С этих позиций представляется необходимым рассматривать РИ во взаимодействии категорий традиции и модернизации, как пространственно выраженный фокус этого взаимодействия, проявляющегося в условиях адаптации к местным культурным, социальным, экономическим и историческим условиям (см. главу 4).

При этом идентичность в большей степени, чем «традиция», может претендовать на роль аналога наследственности, точнее, на роль ядра «культурного генотипа» («социокода») общественной системы (В.С. Степин; М.К. Петров, 1990). (С нашей точки зрения, введение понятия идентичности уже логически предполагает признание – как внутренне необходимого – свойства *индивидуальности* за соответствующими «надличностными» образованиями и является дополнительным аргументом в пользу необходимости сохранения идентичности). Если идентичность есть аналог наследственности как фактора *развития*, то она может быть рассмотрена и как фактор модернизации. Представляется, однако, что идентичность все же не целиком являет собою предпосылку модернизации. По нашему мнению, здесь существует три основных условия: 1) развитость (ненарушенность) идентичности вообще; 2) наличие вестернизированного (по форме) или же явно модернизированного (по результатам проявления идентичности в деятельности членов социума) ядра идентичности; 3) наличный элемент вестернизированности в составе ядра идентичности должен быть не непосредственной копией западного «образца», в противном случае, это будет проявлением ослабленной идентичности – см. условие (1), а его аналогом, результатом параллелизма в развитии, конвергенции или успешного заимствования. Заметим, что указание на «вестернизацию» связано, как минимум, с принятием самого понятия «модернизация», в котором Запад трактуется – если не как образец, то, во всяком случае, – как источник вызова.

Тем не менее, *вестернизированность не является достаточным условием модернизации*. Здесь следует обратить внимание на

точку зрения В.Г. Хороса (1993), согласно которой *одним из важнейших препятствий для российской модернизации является слабость русской традиционной культуры.*

В настоящее время почти общепринятой стала концепция «множества модернизаций» («модернизмов»), которым соответствуют «национальные модернизации». В.Г. Федотова (2002) пишет, что «новая концепция множества модернизмов ... считает различия в модернизации разных стран закономерным и отрицает единый образец ... вопрос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, является дискуссионным». При этом В.Г. Федотова признает, что «...понять, что нужно России ... нельзя без учета позиции тех, кого мы считаем почвенниками и славянофилами» (сама В.Г. Федотова – активный «западник»). В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на социокультурный смысл концепции славянофилов, который, с нашей точки зрения, сводится к признанию аналогичности и одновременно специфичности России и Запада. Поэтому мы позволим себе уточнить формулировки В.Г. Федотовой: модернизация не может быть «анти- (или «псевдо») вестернизацией», а конвергенция невозможна без исходного наличия (некоторых) сходных черт между «сходящимися» социокультурными системами.

Заметим, что концепция множества модернизаций вступает в противоречие с пониманием современной глобализации как одной из форм доминирования западного общества (Западной Европы или США), в том числе и такой более «мягкой» и, возможно, «надежной» ее формы, как «вестернизация» (по В.Л. Иноземцеву, 2004). Эта концепция соответствует тому пониманию «глобализации», точнее, «глобальных проблем», которое было распространено в СССР в эпоху «нового мышления», глобализация, в таком смысле – это синтез культурных достижений всех стран мира, преобразованное, но сохраненное, культурное многообразие; не столько как унификация, сколько как связность (Лекторский, Дилигенский, 1990), как реализация доминирования в мире ис-

ходной однотипности развития, как конвергенция. С другой стороны, современные, так или иначе тесно переплетенные между собой, планетарные процессы модернизации, глобализации и вестернизации являются одновременной причиной как сглаживания, подавления различий, всевозможной социокультурной унификации, так и стимулируют активизацию проявления и усиления этих различий. На таком фоне не всегда можно достоверно различить причинно-следственные связи между вестернизацией, самобытностью, глобализацией и модернизацией. Если считать, что названные процессы носят некоторый (планетарный) *системный* характер (и тогда говорить о сколько-нибудь прямолинейных причинно-следственных зависимостях не вполне корректно), то тогда проще будет признать самостоятельное существование фактора самобытности, как бы противостоящего названным планетарным процессам и действующего на них «извне». К этому же подводит и мысль К. Лоренца о «забвении традиции» как об одном из «смертных грехов цивилизованного человечества» (императив противодействия этим «смертным грехам» как стимул эволюции).

Специфическое соотношение культуры мобильности и культуры укорененности как важнейших компонент региональной идентичности создают своеобразные «матрицы» *глобализма, антиглобализма и партикуляризма*. Сначала обсудим соотношение этих понятий. Одна из возможных гипотез заключается в том, что:

- глобализм связан с ослаблением активности социумов при усилении традиционности, предполагает ослабление традиционности и РИ при усилении центров в противовес периферии;
- антиглобализму, в отличие от глобализма, соответствует усиление активности при сохранении традиционности, усилением РИ при усилении центров в противовес периферии;
- партикуляризм предполагает усиление активности при усилении традиционности, ослаблением РИ при усилении более крупных центров (в отличие от антиглобализма), неоднозначностью в усилении или ослаблении традиционности при усилении центров.

Глобализм и антиглобализм понимаются как всеобщие феномены, для которых характерно значительное проявление связности и униморфизма. При этом для антиглобализма свойственно (частичное) преодоление униморфизма, которое основано на «отрицании отрицания» глобалистского униморфизма, а также на непосредственной или целенаправленной ориентации на ценности традиции. Для глобализма характерно доминирование мобильности над укорененностью, релятивизм в отношении идентичности; для антиглобализма – гармония между укорененностью и мобильностью, для партикуляризма – преобладание укорененности над мобильностью. Модернизация свойственна, прежде всего, глобализму и антиглобализму, архаика тяготеет к партикуляризму.

Различные концепции развития могут быть сгруппированы по принципу тяготения к идеям глобализма либо антиглобализма (и партикуляризма). Например, с точки зрения *глобализма*, важнейший критерий «нового» – это заимствование, миграция информации; с точки зрения *антиглобализма*, – это уникальность (например, по глобалистскому критерию, новизна Ф. Достоевского выше новизны А. Платонова, по антиглобалистскому – наоборот). *Глобализму* соответствует идея «ускорения прогресса», *антиглобализму* – «замедления прогресса» (здесь любопытно отметить противоречие, содержащееся в известной книге С.П. Капицы, 1999 – идея стабилизации прироста народонаселения связывается с «ускорением прогресса», хотя логичнее было бы упомянуть здесь «конец истории» или «замедление прогресса») и/или переориентация на критерий прогресса, по Н.Я. Данилевскому, но никак не «остановка в развитии». *Глобализму* соответствует идея неотвратимости прогресса, *антиглобализму* – идея Э. Валлерстайна о том, что «прогресс возможен, но не обязателен».

Заметим, что в данном случае антиглобализм часто смыкается с партикуляризмом, несмотря на их коренное различие (всеобщность социальных связей – частность, локальность социальных связей), в связи тем, что оба они отрицают релятивизм, всеобщую мобильность и нигилизм по отношению к факторам истории и географии, который присущ глобализму. Тем не менее, возможно

и противопоставление партикуляризма и антиглобализма по критерию новизны: именно с партикуляристской (в данном случае – российской) точки зрения новизна А.С. Пушкина превосходит новизну А. Платонова и Ф. Достоевского. В то же время по критерию «связности» антиглобализм является промежуточным между глобализмом и партикуляризмом. Голливуд является примером глобализма, отрицающего и собственную американскую традицию (например, Гриффита). В то же время, многообразие стилей мировой кинематографии, понимаемое как многообразие принципов кодирования реальности, а также многообразие типов отбираемых сюжетов и содержательных идей, является безусловным примером именно антиглобализма (при всеобщности техники и большинства художественных принципов, неограниченных возможностях воспроизведения «продукта» – жесткая индивидуальность стилей). Если «Человек – амфибия» – это чисто советский по форме фильм (и в таком смысле как бы «партикуляристский», хотя и при «глобалистских» контексте и идее), то «Женитьба Бальзамина», несмотря на партикуляристский (хотя по сути всеобщий) сюжет – это антиглобалистский (в нашем смысле) фильм – поскольку в нем некоторый вариант «русской идеи» выражен во всеобщей форме, однако не голливудским языком, а языком европейского кинематографа; не внешней для человека «глобалистской» логикой, а внутренней для него активизацией подсознания.

По критерию *противопоставления укорененности и мобильности* могут быть сгруппированы многие из известных теорий развития. С идеей *укорененности* сопряжены в той или иной степени коррелирующие идеи: идея о неполной связности геопространства, идея о преобладании в геопространстве дискретности над континуальностью, идея о разнообразии как о критерии прогресса (А.А. Любищев, Эшби и др.), идея о множественности субъектов истории, идея о сохранении прежней этничности в глобализованном, как будто, мире (Д. Бэлл), идея территориальной укорененности как меры развития культуры (Ф. Ратцель), идея «замедления прогресса», неявно содержащаяся в концепции стабилизации численности населения нашей планеты, идея неравновесного развития

в версии Н.Н. Моисеева, идея приоритета местного саморазвития над заимствованием (К. Леви-Стросс), идея К. Лоренца о «развитии каждой отдельной культуры на свой страх и риск в своем собственном направлении» (но при очень большой роли культурных «прививок» и «гибридизации»), идея П.А. Кропоткина (1991) о том, что «отождествление особи с интересами своей группы ... растет по мере того, как мы переходим от низших представителей каждого класса к высшим представителям», идея сохранения и в будущем традиционной для нашей планеты полиморфности, существования множества особых цивилизаций (Б. Виттрок и др.), философия истории Гердера, идея о равнозначимости предсказуемости (зарегулированности) и непредсказуемости, незарегулированности творчества), идея нового как самовыражение.

С идеей *мобильности*-релятивизма сопряжена идея всеобщей связности геопространства, идея о преобладании континуальности над дискретностью, идея о безусловной предпочтительности связности над изолированностью, идея о преимуществе предсказуемости (зарегулируемости) над непредсказуемостью (незарегулированностью, ср.: Андреев, 1999); идея единой мировой цивилизации с единым центром и периферией, идея О. Шпенглера о «мировом городе», в котором исчезает чувство Родины, идея единообразия как критерия прогресса (А. Богданов, А. Тойнби), идея о приоритете культурного генотипа над неравновесностью и точками бифуркации, идея О. Тоффлера об исчезновении факторов истории и географии, идея нации как «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), идеи об ускоренном развитии с вероятным финалом, философия истории Гегеля, представление о том, что «для современного американца дом там, где есть работа, телевизор и чипсы», идея приоритета мобильности, в том числе миграции, над укорененностью, идея нового как заимствования, представление о взаимозаменяемости всех благ и ценностей (можно привести пример интересной статьи А.И. Каценелинбойгена (1972), в которой экономические ценности рассматриваются как частный случай ценностей вообще, включая морально-этические нормы, к которым считаются применимыми обобщенные экономические критерии).

В рамках культуры *укорененности* необходимо выделить более динамичную и более консервативную составляющие. Для консервативной составляющей подходит, как мы полагаем, понятие «партикуляризм» (как феодальная и т.п. раздробленность, как традиционализм и изоляционизм, как компонента разнообразия в современном унифицированном мире, как местная общность, реализующая потребность человека в «местной конкретности» и «повседневной солидарности» с кругом других людей (История, 1989, с. 138–140). Именно с партикуляризмом связана идея С.А. Арутюнова об антропо(этно)геоценозах будущего, в локальных рамках которых создаются этносы. Близки именно партикуляризму его же идея о желательности сохранения этносов прошлого.

В свете современных коллизий довольно легко просматривается связь между культурой укорененности, особенно ее динамичной составляющей, и антиглобализмом, культурой мобильности – релятивизма, и глобализмом (см., например, Д. Кортен, 2002). Интересный пример борьбы глобалистов и антиглобалистов мы находим в утопии Г. Уэллса «Облик грядущего».

Если глобализация понимается как очень жесткая вестернизация, вне связи с критерием разнообразия, то тогда антиглобализм есть тенденция развития, связанная с действием принципа разнообразия.

Еще ряд противопоставлений: *укорененность-антиглобализм*: локальное «больше» глобального, при этом глобальное сохраняет (полностью или частично) черты жесткой целостности. *Укорененность-партикуляризм*: локальное «больше» глобального, однако глобальное в основном уже не сохраняет черты жесткой целостности, являясь «рыхлой» системой. *Мобильность-релятивизм*: глобальное «больше» локального. Легко видеть, что логически возможно еще одно соотношение: локальное «равно» (равноприоритетно) глобальному. Такой форме «глобализма» соответствует понятие «глокальность» (нельзя согласиться с отождествлением «глокальности» и «партикуляризма», Согомонов, 2001). Смысл «глокальности», с нашей точки зрения, в достиже-

нии некоторого компромисса между глобализмом-мобильностью и антиглобализмом-укорененностью.

Заметим, что описанное нами противопоставление глобализма-укорененности и мобильности-релятивизма в общем виде не совпадает с противопоставлением «уникализм – глобализм», которое понимается нами как более фундаментальное. Дело в том, что универсализм, строго говоря, в методологическом смысле никак не отрицает (не должен отрицать) явлений «антиглобализма», которые в принципе сами носят всеобщий, универсальный характер. Тенденции антиглобализма, уравнивающие мировую интеграцию или противоборствующие ей, могут быть вызваны самой глобализацией или же изначально, генотипически конкурируют с ней, сохраняя многие из элементов первоначального родства (всеобщность глобализации и всеобщность «борьбы» с ней). В случае конфликта «антиглобализма» и глобализации широко понимаемый универсализм должен приобретать черты своеобразного дуализма, в случае же конкуренции такой универсализм оказывается концептуально более содержательным, чем поверхностный уникализм или «прямолинейный» универсализм. Однако *культурно* универсализм, безусловно, тяготеет к глобализации. В то же время РИ актуальна и для антиглобализма, и для глобализации (поскольку глобализация как будто не отрицает роль места и отдельных территорий), однако под действием стимулов антиглобализма или глобализации приобретает разные формы.

1.3. Региональная идентичность и некоторые проблемы современной России: методологический аспект

Согласно формулировке О.С. Пчелинцева (2004, с. 23), в современной России «мы имеем дело с обществом уже другого типа (по сравнению с советским обществом – М.К.), важнейшей отличительной особенностью которого является перенос центра тяжести общественной солидарности с уровня предприятий на уровень регионов и местных общин».

Проблема региональной идентичности в России нередко служит объектом полемики. Иногда постулируются такие общие свойства региональной идентичности, как сводимость или несводимость региональной идентичности к экономике, обсуждается ее воспроизводимость и податливость к внешним воздействиям, соотношение искусственного, связанного с политическим, социальным или туристическим «образом места», и естественного, традиционного, имиджа и реальности и др.

Например, А. Архангельский (2003 А, Б) рассматривает идентичность (особенно региональную) как важнейший противовес глобализации, имеющий значение «поддержания иммунной системы» для мировой цивилизации. Однако, по мнению А. Архангельского (2003 Б), идентичность не самодостаточна и актуализируется, лишь будучи товаром: «Не стилизаторской хор имени Пятницкого, а хор натуральных деревенских старушек способен привлечь интерес к местности» (это правильно – не имидж, не имитация, а живая, натуральная специфика лежит в основе идентичности и ее восприятия – М.К.). А если бизнесу будет выгодно привлекать интерес, то он отобьет руки всякому, кто позарится на самобытность» (игре экономических сил свойственен релятивизм, поэтому самобытность может стать и помехой, если ее «слишком много», она чему-то или кому-то «мешает»; для бизнеса часто достаточно лишь отдельных элементов самобытности – М.К.). Тем не менее, в трактовке А. Архангельского правильно подчеркивается, что региональная идентичность является невозобновимым ресурсом, который невозможно воспроизвести искусственно – вопреки распространеннейшей точке зрения, что региональная идентичность – это продукт пиара, «имиджмейкерства» (см., например, Гельман, 2003).

Говоря о региональной идентичности, С. Зуев (2002, с. 71) совершенно правильно расставляет акценты: «отсутствует культурное наполнение – нет воли к жизни» (приводятся примеры Владивостока, Кубани и Ставрополья), однако региональная идентичность полагается им нежесткой субстанцией, которую «с помощью системы знаков» («культурной политики») можно «пе-

реформатировать». Как и А. Архангельский, С. Зуев рассматривает региональную идентичность как вторичное, в смысле детерминации социокультурных процессов, начало, как бы боясь признать ее самодостаточным и автономным феноменом, хотя приводимые ими примеры вполне позволяют это сделать.

В отношении российской региональной идентичности были высказаны исключаящие друг друга замечания. С одной стороны, утверждается (как мы полагаем, совершенно справедливо), что в России на уровне регионов и городов уже в силу социальных причин не характерно противопоставление «мы–они» (Климова, 2002). С другой стороны, российское местное самосознание, как и идентичность вообще, трактуется как одна из ипостасей понятия «мы», прообразом которого является патриархальная семья (Левада, 2001). Более того, как мы уже отмечали, местный патриотизм отождествляется с партикуляризмом, который трактуется как архаизм, «традиционализм» (Гудков, 2002 и др.). Аналогичные свойства местный патриотизм продуцирует, по его мнению, и на этнонациональном (для русских) уровне.

Непонятым у Л. Гудкова остается и негативизм по отношению к местному самосознанию вообще. Известно, что многие из реформаторов признают возможность для России цивилизационного риска и «идентификационной смерти» – в связи с чем ими ставится вопрос о более правильном понимании самого понятия «идентичность» – не через «соседей» (что неизбежно по психологическим причинам, но по сути есть аберрация), а по отношению к собственному «небытию», варваризации, энтропизации, «социальному умиранию» (Кара-Мурза, 1993, с. 20-21).

В то же время Н.М. Лебедева (1999 и др.) считает местную идентичность в России прогрессивным феноменом, отвечающим универсальному критерию и мировой тенденции разнообразия, и с сожалением констатирует ее упадок. Аналогичным образом применительно к российской (русской) культурной традиции одновременно констатируется как ее устойчивость (как бы «въедливость»), так и неустойчивость, хрупкость, либо сочетание маргинальности и традиционализма (Федотова, 1998), сочетание «тра-

диционализма» и отсутствия развитой традиционной культуры (Хорос, 1993).

Имеются мнения как об исчезновении традиционного русского коллективизма, вплоть до развития деструктивного эгоцентризма, так и о полном сохранении коллективизма; так, по замечанию И. Чубайса (2002), в России до сих пор каждый новый знакомый рассматривается, прежде всего, как потенциальный приятель, но не как конкурент.

Существуют определенные «разночтения» между нашим пониманием РИ и проблемой идентичности вообще, с одной стороны, и ее пониманием некоторыми из отечественных обществоведов. Смысл этих разночтений заключается, в конечном счете, с нашим отказом признавать ценности *культуры мобильности* более «высокими», «развитыми», «совершенными», «прогрессивными», чем ценности *культуры укоренности* (в соответствие с нашей концепцией *дополнительности* этих культур).

Ряд авторов, в частности, Г.Л. Тульчинский (2005 и др.) считает, что эпоха глобализации настолько меняет смысл проблемы идентичности, что *в настоящее время идентичность (национальная, цивилизационная, региональная) уже не приобретает смысла «самобытности»*. Понятие «самобытность» становится «несерьезной» утопией (в связи с этим критикуется писатель В. Распутин). Самоидентификация, поиск идентичности происходит при этом в рамках развития коммуникационного поля, в котором «специфика» индивида, группы, социальной макросистемы проявляется (образуется) не путем формообразования некоей «самости», а, напротив, через «связь всего со всем», когда единственной относительно жесткой реальностью становится социокультурная оболочка Земли.

Позицию, во многом близкую к Г.Л. Тульчинскому, занимает М.Н. Эпштейн (2005). С точки зрения М.Н. Эпштейна, обсуждение «самобытности России», «русской идеи» не является серьезным, поскольку это актуально лишь для «примитивных» народов (здесь М.Н. Эпштейн ссылается на К. Леви-Стросса). Предметом гордости для России может (или должно) быть лишь ее участие

в общемировых процессах, но никак не ее «специфика». Однако М.Н. Эпштейн не учитывает, что «специфика» в очень большой степени проявляется именно посредством участия в общемировых процессах или отношения к ним.

Такое понимание идентичности находится в явном противоречии с ее наиболее распространенной трактовкой, отождествляющей «идентичность» и «самобытность», развивавшейся, в частности, в работах Б.С. Ерасова (который считал «самобытность» в целом более адекватным соответствием «идентичности»).

Б.С. Ерасов (1999, с. 281) отмечал, что, начиная со второй половины 70-х гг. XX в. в изучении сути процессов, происходящих в современном мире, особенно в западных странах, социокультурные факторы стали занимать равное, а подчас и преобладающее (по своим претензиям) место по сравнению с эконоцентричными и политологическими. Одновременно резко изменилась доминирующая парадигма изучения культуры. При этом «содержание перегруженного и негативно воспринимаемого в идеологическом плане понятия «традиция» оказалось распределено между такими понятиями, как «самобытность», «идентичность», «специфика», «культурное наследие».

Позиция Б.С. Ерасова заключалась в том, что «русский термин («самобытность» – М.К.) более полно передает те оттенки, которые вкладываются в это понятие, чем его ... эквивалент идентичность, заимствованный из социальной психологии». В то же время, с его точки зрения, в русском языке следует сохранить и термин «идентичность», сохранив за ним его первоначальный смысл как выражение внутренней определенности и самосознания личности или общности (Ерасов, 1999, с. 282).

В отличие от Б.С. Ерасова, мы не склонны противопоставлять «самобытность» и «самосознание» (в связи с РИ). Из отказа такого противопоставления вытекает и мнение о несводимости идентичности-самобытности к традиции. Хотя ее (традиции) роль и предполагается нами весьма существенной, в общем виде конкретная величина этой роли предполагаем не известной, а, напротив, искомой величиной. С нашей точки зрения, подлинным

ядром каждой из культур может быть как раз соединение аспектов самобытности и самосознания – отрыв одного от другого может быть признаком культурной мутации или даже угасания культуры. Поэтому нам представляется более удобным использовать термин «идентичность».

Возвращаясь к концепциям Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна, следует отметить, что реально все же существует проблема приоритета «различий над различием» или же приоритета «различения над различием», идентичности как устойчивой или неустойчивой инерции и идентичности как выбора или *устойчивой осознанной позиции*, проблема доминирования коллективного или личного в идентичности, идентичности как временного, сиюминутного, конъюнктурного или же идентичности как устойчивого вообще. Вопреки современным представлениям, позиция, связывающая идентичность с застойностью, архаикой достаточно распространена. Помимо упоминавшегося нами Л.Д. Гудкова, здесь можно упомянуть В.И. Мильдона (2005, с. 43), который считает, что идея Родины относится к архаике, наряду с различными проявлениями «великодержавности» и т.д.: «До сих пор (в России; среди населения – М.К.) господствуют представления о первоочередности для каждого человека державы, народа, родины, национальной или религиозной принадлежности, тогда как они все – только средства, способные (либо нет) обеспечить или гарантировать индивидуальное бытие». В сходном контексте иногда отстаивается идея приоритета «малой родины» над «большой Родиной», в смысле большей «либеральности» или «интимности» малой родины (например, Андреев, 1994).

И по смыслу, и, согласно нашим эмпирическим данным, **рос- сийская РИ тесно сопряжена с российской идентичностью, см. главы 4 и 6**. В то же время Л.Г. Бызов (2002, с. 117 – 118) считает, что в результате неорганичности процессов модернизации в России и – как следствия – социокультурного конфликта осознание принадлежности к малой родине стало доминировать над осознанием российской исторической общности. Разрушение традиционного общества и – как следствие – усиление архаики,

а также отторжение (якобы) «большинством россиян традиционных представлений о самобытности России» «ведет к атомизации общества, развитию локальных идентичностей за счет глобальной» (т.е. российской – М.К.).

В контексте сопряженности РИ и российской идентичности любопытно существование противоположных оценок по поводу «русской (национальной) идеи». Так, по мнению О.Д. Волковой (2000), наше столетие постепенно изменяет облик русской идеи, и национальное начинает пониматься лишь как необходимый элемент всемирного, универсального. Дальнейшее движение возможно или как «преодоление “русской идеи”, т.е. перевод ее в “наследство”, в “историю...”, или как движение назад,... как принципиальный отказ от рационального подхода к проблеме исторического пути России». С.Н. Смирнов (2004, с. 112) считает, что «национальная идея – дело немногих избранных. Большинство россиян относится к мещанам..., которым глубоко все равно, какой будет национальная идея ... Если серьезно, то национальная идея как феномен – пережиток прошлого. В теории ноосферы В.И. Вернадского места ей не найдется. Экуменистические идеи, связанные с необходимостью отвечать на глобальные вызовы человечества, идут ей на смену, и давайте не будем расходовать ресурсы нашего общества на эту химеру». *Получается, что РИ – это тоже химера!* (Между прочим, тесная связь РИ и ответов на глобальные вызовы, связанные с решением экологической проблемы, показана в нашей статье – Крылов, 1999, В).

Сходные соображения, но в более жесткой форме приводятся Л.М. Баткиным в его реакции на «Заметки о русском» акад. Д.С. Лихачева и в его полемике по этому поводу с поэтом Д. Самойловым. С точки зрения Л.М. Баткина (2002, с. 577), «Лихачев любит. А любить можно ... вопреки уму... Он (т.е. Д.С. Лихачев – М.К.) доказывает, что Россия – худшее звено истории и что на пересечении идеала и действительности именно в ней возникали самые уродливые формы жизни». «Любовь вопреки уму» не украшает патриота. Она несовместима с желанием блага своей стране, с желанием изменений к лучшему. Так «любить» ... лучше уж

власть» (там же, с. 579). В.А. Куренной (2002, с. 279) полагает «патриотизм» вторичным от присутствия некоторых общезначимых ценностей, внешних по отношению к «родине» и считает ошибочной позицию: «мы должны любить нашу родину только за то, что она «наша».

Важным методологическим моментом, важным для понимания соотношения «субъективной» оценки, связанной с «самоидентификацией с Родиной» и «объективной» оценки социокультурной системы, соответствующей «Родине», является исходное принципиальное несовпадение смысла этих подходов. Поэтому представляется бессмысленным разговор о том, как относиться к «недостаткам» Родины» – «любить Родину, несмотря на ее недостатки» или же воздерживаться от «неумеренного патриотизма», видя «недостатки Родины». (На самом деле, любовь к Родине обычно является стимулом для активной борьбы с недостатками).

Согласно нашим данным (см. главы 5 и 6), реальным процессам самоидентификации соответствует однозначно положительное отношение к малой и большой Родине (в случае позитивной самоидентификации); иная точка зрения, однако, исходя лишь из общих соображений, была высказана Ю.А. Левадой (2001). Безусловно негативным, разрушающим идентичность, является излишне, а чаще всего – просто априорный критический и скептический настрой к объекту самоидентификации, к Родине (хотя логически это не является полностью очевидным – достаточно вспомнить резко критический пафос Петра I к тогдашним реалиям Московской Руси, ее «заскорузлым» нравам, бестолковости, головоушатству и т.д. – при общеизвестном патриотизме Петра. Однако у Петра не было скептицизма по отношению к России). С учетом наших материалов по Костроме, Мичуринску, Твери (где развит «стресс соседства»), также по Тамбову, где представлены развитые группы позитивной и негативной самоидентификации, выявляется, что грань, разделяющая позитивную и негативную самоидентификацию, может быть легко преодолимой в случае появления оттенков отторжения тех или иных реалий - объектов самоиден-

тификации. Однако присутствует и промежуточная «прослойка», сочетающая позитивную и негативную самоидентификацию (главы 5 и 6).

Материалы этих глав показывают, что часть проанкетированных экспертов любит свой край, видя его недостатки (хотя для части любящих свой край, благодаря этой любви количество этих недостатков существенно сокращается), в то время, как часть анкетированных придает большое значение этим недостаткам – вплоть до потери любви. В то же время для многих фиксирование недостатков и некоторое ослабление любви и укорененности никак не мешает самоидентификации (например, считают себя «тамбовскими», весьма положительно характеризуют образ тамбовского волка, однако считают целесообразным жить в другом месте именно в силу недостатков). По-видимому, здесь важен исходный «патриотический» или «антипатриотический» настрой, в контексте которого выявляются и оцениваются недостатки.

Как безусловный курьез мы склонны воспринимать весьма значительную часть текста книги Н.А. Митрохина (2005) о «русском национализме» (в плохом смысле), где к числу «националистов» отнесены, например, такие известные лица, как архитектор-реставратор П.Д. Барановский, героически отстаивавший историческое наследие Москвы (Лубянская площадь, Храм Василия Блаженного и многое другое), писатель О.В. Волков, главный редактор журнала «Техника – молодежи» В.Д. Захарченко и даже фантаст И.А. Ефремов, в произведениях которого речь идет именно о единстве человечества («На краю Ойкумены», «Туманность Андромеды», «Таис Афинская»), «национализм» которых, согласно самому же автору книги, сводится к заботе об охране культурного наследия.

Пример прямо противоположного свойства – резкое неприятие фильма А.Тарковского «Андрей Рублев» А.И. Солженицыным, И.Р. Шафаревичем и И. Глазуновым (Болдырев, 2004, с. 260-261; там же см. о значительном несовпадении трактовок русского национального характера А.А. Тарковским и В.М. Шукшиным с. 114 – 115).

Изложенные противоречия в понимании смысла и роли идентичности для России отражаются в утверждениях об одновременном усилении и российской идентичности, и степени подобия России Западу. Формально противоречия здесь нет, особенно если учесть, что тот «порог непохожести», который достаточен как стимул для развитой идентичности, даже при наличии реального усиления подобия Западу, пока еще далеко не преодолен.

По мнению Ю.А. Ковалева (2002, с. 145), «... как западный (представленный современной американской нацией), так и российский менталитет пребывают сегодня на активных фазах этногенеза, и потому их ярко выраженные мессианские устремления не исчезли ... российский менталитет ни в каком случае не отдаст себе команду на самоликвидацию. Напротив, он в подобных условиях может почувствовать себя зверем, загнанным в угол». Следует обратить внимание на отличие таким образом понимаемого «менталитета» от понятия «этногенеза», по Л.Н. Гумилеву. Ю.А. Ковалев, по-видимому, в конечном счете прав в том, что сила российского менталитета как специфической ценностной основы поведения и идеологии в целом не разрушена (хотя отчасти, возможно, и трансформирована, но в «допустимых рамках», не исключающих даже усиление специфики). Кроме того, у этого автора, вопреки Л.Н. Гумилеву и совершенно правильно, на наш взгляд, фиксируется сохранение «в полную силу» менталитета при менее пассионарных, более поздних фазах этногенеза. Вообще, уподобление (этно)цивилизационного развития стадиям развития организма у Н.Я. Данилевского, Л.Н. Гумилева и др. неверно – достаточно вспомнить цивилизационный «провал» Китая в конце XIX – первой половине XX в. и его подъем с конца XX в.

Представление о гармоничности культуры укорененности и культуры мобильности ограничивает применимость постмодернистских понятий «мультикультурализм» и «транскультура». В отличие от традиционной концепции «многокультурия», которая «настаивает» на принадлежности к «своей» (как бы «биологически предзаданной») культуре, концепция «транскультуры» пред-

полагает диффузию исходных культурных идентичностей (Глобальное пространство, 2005, с. 174-177). «Сохранение специфических культур возможно при условии их значимости для мирового сообщества. Для этого данная культура должна быть не только внутренне богатой, но и воспринимаемой миром, нужной миру – тогда мировое сообщество будет заинтересовано в сохранении ее». И еще: «Концентрация общечеловеческого в той или иной культуре должна быть настолько значительной, чтобы она обеспечила возможность преодоления специфически национальных форм выражения общечеловеческого» (Глобальное пространство, 2005, с. 175). Заметим, что сходную позицию отстаивают М.Н. Эпштейн, Л. М. Баткин, Г.Л. Тульчинский (см. выше).

Здесь мы возвращаемся к банальному, по сути, и одновременно очень сложному вопросу – что конкретно можно отождествлять с «общечеловеческой культурой». (Эта проблема почти не разрешима даже применительно к существованию общечеловеческой морали (см.: Гусейнов, 2003; Даллмар, 2003).

Другой исходно подразумевающийся методологический вопрос, в значительной степени переходящий в ценностную и даже идеологическую плоскость – это реальность различных уровней самоорганизации и самосознания социума. Например, «либеральная» позиция – реален лишь уровень индивида, «консервативно-либеральная» позиция – реальны уровни индивида и коллектива (включая местные, цивилизационные, этнические и национальные общности), в меньшей степени – также и мировой общности, «либерально-космополитическая» позиция – реальны лишь уровни индивида и мировой общности, тоталитарно-консервативная позиция – реальны лишь уровни государства (прежде всего), а также нации и/или этноса, консервативная позиция – реальны лишь уровни общности (местной, этнонациональной, цивилизационной) и индивида, но не мировой общности, тоталитарно-либеральная позиция – реальны лишь уровни государственной (прежде всего) и мировой общности. Понятно, что роль РИ для разных идеологий различна; различно и понимание роли РИ в процессах самоорганизации социума.

Представляется, что проблема всеобщности ценностного значения идентичности в конечном счете определяется трактовкой понятия «культура» – как подобного (в том или ином смысле) живому или же как внебиологической сущности. В том случае, если культура является квазибиологическим началом, тогда для нее (и для социума в целом) существенен «социокод» (культурный генотип и т.д.). В данном случае мы не согласны с К. Лоренцем (1998), который считает, что в обществе действует ламаркистский принцип «наследования благоприобретенных признаков». Другое дело, что развитие культуры трансформируется внешними факторами, так что даже «плавное» прогрессивное развитие не всегда со всей очевидностью отличимо от мутации.

Однако и в условиях прогрессивного развития и глобализации наблюдается продолжение процесса актуализации потенциального (глубинного) содержания русской культурной традиции. В этом процессе, характеризующем усиление идентичности, зачастую можно усмотреть и некоторые черты культурной конвергенции (как бы реализующей изначальное единство человечества). Примером здесь может быть развитие палиндромного стихосложения в русской поэзии. Реализация идеи В. Хлебникова о новой роли звука, с нашей точки зрения, приводит к созданию своего рода русского аналога иероглифам, хотя и с приоритетом звуковой основы над графической – на русском языке информация начинает кодироваться (также) на уровне некоторых устойчивых форм. Здесь можно также вспомнить идею В.С. Соловьева о воссоздании при Петре I культурной идеи Древней Руси (в отличие от Московского государства), идею Э. Эриксона (Эриксон, 1996, с. 302) о создании кубинской революцией новой латиноамериканской идентичности (с «новым типом мужчины»).

1.4. Региональная идентичность: местный патриотизм, укорененность и пространственная самоидентификация

Еще Ф. Ратцель (1897; см.: Синицкий, 1899) писал, что мерой развития культуры является уровень духовной связи человека с

конкретной территорией. По Гегелю, отсутствие оседлости – это отсутствие «нравственного корня» (Цимбаев, 1997). С точки зрения О.И. Шкаратана (2002, с. 55), региональная идентичность в России уже создается – начиная с конца XX в. – на базе качественно новых *городских локальных субкультур*», путем преодоления экстенсивной культуры и традиционного общества. Иллюстрацией к такой позиции можно считать нашу работу (Крылов, 1999, В), согласно которой поддержка экологических движений обеспечивается развитой «не-трайбалистской» идентичностью в городах. Напротив, А.С. Ахиезер (1996) и Л.Д. Гудков (2002) связывают российскую РИ с традиционным обществом, «локализмом», партикуляризмом, гемайншафтом, противостоящим «большому обществу», скорее с сельским, чем с городским началом (характерно отрицание российского урбанизма (Ахиезер, 1995). Обе позиции, однако, объединяются, подозревая российскую РИ в сепаратизме. В статье О.И. Шкаратана безусловно спорным является отрицание связи РИ и русской культурной традиции (развитие РИ, с его точки зрения, содержит риск утраты «лучших качеств» культурой русского этноса).

Ю.А. Левада (2001) противопоставляет «традиционно групповые, локальные рамки» самоидентификации «демократическим, общечеловеческим координатам самоидентификации» и связывает их с «традициями и стереотипами советского и досоветского происхождения». Однако сама РИ, с его точки зрения, новый феномен – в том смысле, что в условиях советской системы человек якобы не мог выбирать сам подходящую ему символическую структуру. Ю.А. Левада (там же) отмечает «возросшую роль локальных связей», однако считает ее «прежде всего, конечно, демонстративной» (?! – М.К.).

Согласно Ю.М. Бородаю, В.Ж. Келле, Е.Г. Плимаку (1974, с. 112–115), генетическое объяснение процесса возникновения капитализма у К. Маркса неизбежно приводит к выводу, что «рабочая сила – продукт капиталистического производства – *первоначально* должна возникнуть *до и вне* капитализма»: необходимо появление массы людей, «внезапно вырванных из обычной жиз-

ненной колеи», согнанных с веками насиженных мест и превращающихся в «нищих, разбойников, бродяг». Хотя разрушение укорененности является, таким образом, как бы предпосылкой социального динамизма, однако представляется, что такое разрушение сопряжено с весьма значительным риском для сохранения культурно-цивилизационной системы и случаем, конкретно описанный К. Марксом (возникновение капитализма на базе пауперизации населения Англии в XV–XVII в.в.) *в общем виде* является маловероятным. Автор не разделяет пафос тех авторов, которые полагают, что успех российских реформ может (и даже должен) проистекать из отрицания укорененности, местного самосознания, которое (отрицание), якобы, является базисом для пространственной мобильности и тем самым социальной мобильности вообще. Так, Б.Б. Мезенцева, Н.П. Косларская (1998) пишут, что по результатам социологических обследований обнаружилось нежелание жителей депрессивных городов, например, Рыбинска, несмотря ни на что, переселяться в более благополучные страны и регионы, из чего были сделаны выводы о «социальной дефективности», застойности, культурной неадекватности жителей Рыбинска и др., подобных ему в этом отношении, городов.

Содержание и структура РИ, в основном, сводится к двум составляющим: **«местному патриотизму»** и **«пространственной самоидентификации»**, с которыми сопряжены более частные составляющие РИ. Можно говорить о *«силе» РИ*. *Поддающаяся измерению «сила» РИ чаще относится к местному патриотизму. Местный патриотизм легче зафиксировать в массовых опросах, чем более сложную для восприятия населения пространственную самоидентификацию.* Однако пространственная самоидентификация сопряжена с топонимикой («тамбовская», «рязанская»), за счет чего она внешне становится более четко выраженной и поэтому может восприниматься исследователями как основная или единственная, что неверно. *Пространственная самоидентификация относится к регионам (самоидентификация непосредственно с поселением банальна), но проявляется более четко в поселениях; местный патриотизм формируется и в регионах, и в поселениях.*

Местный (региональный) патриотизм нами трактуется как внутренний ресурс РИ в целом. Местный патриотизм, наряду с российским патриотизмом, тождествен позитивной РИ.

Отличия понятий «патриотизм» и «укорененность». Патриотизм объединяет мобильность и укорененность. Патриотизм часто предполагает стремление индивидов остаться (не переезжать в другое место) для активной деятельности, однако сохраняется и в другом месте. Укорененность, чаще всего, - это стремление остаться вообще. *Укорененность указывает на вписанность в местный контекст, включая пассивные формы, патриотизм – на активный и позитивный выбор в широком контексте.* Различение этих понятий имеет смысл для индивидов и их групп, но не географических объектов и местных общностей.

В свое время Д. Уиттлси (рус. пер., 1957), характеризуя «региональное сознание» для мезоуровня, отождествлял местный патриотизм и пространственную самоидентификацию, считая их по сути взаимозаменяемыми. В нашей трактовке они являются априори самостоятельными (независимыми) характеристиками. В то же время экспериментально может быть установлена связь между ними – от сопряженности до полной автономии.

Если люди любят свою малую родину, то они четко выделяют ее пределы – то, что они любят, они считают близким = «своим» (в смысле «духовной собственности» и ответственности). Здесь фактор коммуникации не действует жестко и дополняется фактором мировоззрения индивидов. Отсюда – знание той или иной территории как «своей», не обязательно в смысле «географического знания пространства», но всегда в смысле знания местонахождения точек проявления специфичного для данной территории «духовного поля». **Местный патриотизм чаще всего первичен по отношению к пространственной самоидентификации на мезоуровне.** Очень четко это прослеживается в относительно крупных необластных городах: чем больше «патриотов» в городе, тем с большей вероятностью формируется «свой» неформальный регион (например, Арзамасский край).

В то же время развитая пространственная самоидентификация на мезоуровне не обязательно стимулирует высо-

кий уровень местного патриотизма. В ряде случаев историко-культурные границы в Европейской России выражены достаточно определенно (например, в связи с распространением говоров, черт «регионального характера») и для тех, у кого нет развитого чувства местного патриотизма и/или кто не является местным уроженцем, реакцией на эту определенность, связанную с «неправильной речью» и специфическим «стереотипом поведения местных жителей», может быть безусловное отторжение: «к сожалению, мы живем в Тамбовском крае» (ж., 36 л., библиотекарь, уроженец Калуги).

Таким образом, *региональная идентичность – это внутренний (с точки зрения самих местных жителей) и обычно «нераскрученный» имидж территории, включающий внутренний набор образов, символов, мифов, в отличие от внешнего имиджа (с точки зрения мигранта, политтехнолога, организатора туризма, путешественника и т.д.).*

С точки зрения М. Кастельса, в России под воздействием процессов глобализации уже формируется т.н. «сетевое общество», базирующееся в немногих ареалах и центрах, с помощью которых процесс глобализации раскалывает и маргинализирует ее геокультурное пространство. Вне «плацдармов глобализации» общество может прибывать в «традиционно-архаичном», однако «подавленном» и «раздробленном» состоянии (Кастельс, Киселева, 2000). С нашей точки зрения, эта идея хорошо иллюстрируется в уже упоминавшемся нами рассказе Дмитрия Быкова «Можарово».

В связи с этим, по мнению М. Кастельса, Э. Киселевой, Россия, особенно ее элита, «освобождается от бремени» фактора геопространства – того, «что всегда было акцентом в русской литературе, искусстве, музыке, философии и геополитике» (с. 38) и, добавим мы, формировало региональную идентичность. Одновременно другие авторы констатируют отсутствие у русского этноса пассионарности, саморазвития.

Между тем, в аспекте региональной идентичности такая позиция скорее опровергается, чем подтверждается, если обратиться к

используемым аргументам – фактологии и критериям. Выше мы отмечали, что по результатам социологических обследований обнаруживалось нежелание жителей депрессивных городов, например, Рыбинска, несмотря ни на что, переселяться в более благополучные страны и регионы. Ситуацию Рыбинска можно считать типичной для России, определяющей ее специфику на мировом фоне. Средняя доля респондентов, заявивших о своей привязанности к месту жительства в США (Айова) составили 67,6%, по сравнению с 96,9% в России, 71,5% в Болгарии, 67,9% в Польше. Об отчаянии при мысли о возможном отъезде из населенного пункта навсегда сказали 76,8% респондентов из России, 72,8% в Польше, 51,9% в Болгарии и 39,8% в США (Айова) (Драганова, Староста, Столбов, 2002).

В то же время как позитив расценивалось зафиксированное для большинства опрошенных в Тюменской области (70% для молодежи, 55% для родителей) отрицательное отношение к позиции о том, что «Родина у человека одна, и нехорошо покидать ее, особенно в настоящее время» – респонденты высказались за позицию: «человек должен жить в той стране, где ему нравится» (Гаврилюк, Трикоз, 2002, с. 101-102). С нашей точки зрения, степень антипатриотизма здесь завышена: результатом выбора может быть и Родина.

Мы полагаем, что «адекватность» в культуре (как и в жизни) может быть лишь относительно некоторой системы координат. Если акцент сместить с мобильности на укорененность и признать необязательность экономического релятивизма (хотя бы в контексте сохранения российской культурной традиции как одного из уровней укорененности), то придется признать наличие весьма развитой (в случае Рыбинска и др.) идентичности – своего рода региональной «пассионарности» (кстати, по Л.Н. Гумилеву, экономизм – это признак завершающих фаз этногенеза, а внеэкономизм – признак молодости и пассионарности, хотя цивилизационная специфичность также не исключена). Здесь понятийно более правильным говорить, вслед за Ю.Ю. Ковалевым, о развитости в России «силы менталитета».

Региональная идентичность, общинность и коллективизм

Общинность является безусловным «компонентом» РИ. Однако вопрос об общинности (как и о во многом сопряженном с ней коллективизме) часто не вполне ясен. Неоднократно высказывалось мнение об ослабленности общинности и в русской культурной традиции, и в современной России (например, Эйзенштадт, 1999, с. 175). Подчеркивается при этом как самоочевидное неразвитость в России общинности за пределами отдельных деревень (например, письмо К. Маркса В. Засулич), хотя восстание А.С. Антонова в Тамбовской (кроме северной ее части) и соседних частях Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний демонстрировало именно существование общинности (среди крестьян) в пределах обширного культурного региона, не сводимого к тогдашним административным границам и похожего на существовавшую ранее Тамбовскую провинцию; характерно, что восстание не перешло в Рязанскую губернию – по-видимому, вследствие недоверия «рязанских» по отношению к «тамбовским» (Акульшин, Пылькин, 2000).

Мнение об ослабленной общинности в России парадоксальным образом контрастирует с идеей о «русском коллективизме», который нередко трактуется как негативный феномен – антипод западного индивидуализма. В то же время, мнение об ослабленности общинности (и, тем самым, в какой-то степени и коллективизма) «стыкуется» с идеей В.А. Ядова (1993) о нежесткости и непостоянстве («диффузности») межличностных отношений в русской культуре и русском национальном характере (конкретно говорится о толерантности русских и американцев). Смысл этой идеи заключается в неустойчивости указанных отношений (толерантности) в аспекте формообразования. В России они *могут быть смещены*, как считает В.А. Ядов, *внешним импульсом в самую разную сторону* – допустим, в плане негативных эмоций к «буржуям», «черным» или др., *в отличие от жестко зафиксированных эмоций белых американцев* именно к неграм (предполагается, согласно международным сравнениям, приблизительное сходство толерантности в «национальном характере» русских и американцев). В этом смысле коллективизм при формировании общинно-

сти недостаточен и должен быть дополнен уже сформированной РИ, хотя не исключается и обратное.

По нашим данным, **общинность** (в той мере, как ее удастся измерить), скорее всего, **является проявлением, прежде всего, регионального темперамента, хотя и коррелирует с основными параметрами РИ** (см. главу 6), т.е. сопряжена с коллективизмом.

Проявлением *развитой городской общинности* можно считать выявленный нами феномен **«постпатриархальности»** (см. главу 7). С этой точки зрения, общинность *достигает пика в средних и умеренно крупных городах, а в наиболее крупных городах убывает* (судя по эмпирическим данным, описывающим поддержку местных экологических движений в 1990 г., такая убыль происходила в Казани, Красноярске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Самаре, а также Москве). В *«слишком мелких», «патриархальных»* городах «суммарная сила взаимодействия индивидов» недостаточна. В *«слишком крупных»* городах размеры пространства и людских масс создают множество «шумовых эффектов». Кроме того, в этих городах возникают эффекты *психологической компенсированности, заменяемости культурных, экологических и социальных благ* (например, в крупных городах не так заметен ущерб от разрушения объектов исторического наследия и рекреации), *что оказывает дестимулирующее воздействие на местное сообщество (делает менее актуальной координацию действий граждан в защиту разрушаемых объектов)*. Важно и то, что *в средних и умеренно крупных городах сохраняется, в определенных рамках, «знание друг друга» среди представителей местных элит* (в разном смысле), допустим, большинства или значительной части преподавателей всех городских вузов, журналистов и т.д. К аналогичным выводам пришел А.А. Гриценко (2009; с. 361, 364) на основе своих материалов по Брянской и Курской областям: «С отклонением величины населенного пункта от оптимального сила региональной идентичности уменьшается, вне зависимости от его исторической роли». А.А. Гриценко противопоставляет оптимальные Рыльск и Трубчевск городам Тим, Фатеж (эффект местечковости) и Курск (региональный космополитизм). Оба названных эффекта, на-

правленных с социально-экономической точки зрения в противоположные направления, ослабляют региональную идентичность. Методика А.А. Гриценко включает также аспекты пространственной самоидентификации (см. с. 33-34).

С другой стороны, для России нередко отмечается развитие феномена суперэгоизма, контрастирующего с «рациональным» западным индивидуализмом (Коссов, 2000). Однако другие авторы считают, что реально эгоизм и индивидуализм все же могут сочетаться с коллективизмом, который в России стал «глубинной и едва ли не сущностной характеристикой», пройдя множество испытаний временем (Чубайс, 2002, с. 13). В то же время В.Г. Федотова (2005, с. 18) утверждает, что, хотя в России и «разрушен коллективизм» (трактуемый ею негативно), «но на смену ему пришел не автономный индивид, а массовый, с примордиальной идентичностью», которая понимается как исходная – родовая, племенная, семейная (там же, с. 9). Таким образом, по мысли В.Г. Федотовой, в рамках региональной идентичности как бы произошел шаг назад от традиционного к еще более отсталому архаическому обществу.

Позиции В.Г. Федотовой противоречат наши эмпирические данные (см. главы 4 и 5). Зафиксированные и описанные нами ракурсы РИ *не говорят об исходной «племенной» идентичности и какой-либо однозначности и предопределенности самоидентификации, которые обычно сопряжены с «массой» и «трайбализмом»; напротив, они связаны с культурным выбором и весьма плюралистичны. Именно на индивидуальном уровне, хотя в местном контексте, но никак не на уровне «кланово-семейных-племенных масс», о которых пишет В.Г. Федотова, происходит самоидентификация по отношению к малой родине, в которой (самоидентификации) просматриваются как ценности модернизации, так и ценности традиции; малая родина трактуется в характерных для современного общества аспектах памяти и абстрактно-символическом, но не как (простое, примитивное, вульгарное, сиюминутное) местонахождение «массы».*

В рамках сохранения ценностей традиции вероятно присутствие (в тех или иных формах) коллективизма в составе РИ,

однако, конкретная его фиксация осложнена тем, что **самоидентификация с территорией происходит не (только) через коллектив**, хотя и с учетом многих коллективных, характерных для данной территории, ценностей и представлений. В этом отношении интересны **достаточно частые суждения, встречающиеся в собранных в ходе нашего исследования анкетах экспертов, о негативном отношении к «стереотипу поведения местных жителей», которые сочетаются с безусловной «любовью к родному краю».** Особенно это характерно для территорий и поселений к югу от Москвы (см. главу 5). Общинность, по-видимому, формируется в рамках преемственности существования местных общностей как фона, однако, в значительной степени на базе современной самоидентификации с территорией, своего рода интимно-личного отношения с культурным ландшафтом и избираемым самим индивидом кругом знакомства. Однако наряду с этим, существует процесс самоидентификации и формирования общинности через коллективы (по месту жительства, трудовые, учебные и др.).

Маргинализация – разрушение идентичности, основанной на традиции, и формирование массы подобных друг другу атомарных псевдоиндивидов, о чем пишет В.Г. Федотова, проявляется более как исключение, но не как правило. В терминах изучаемой нами РИ, – это лица, которые «всю жизнь прожили в одном месте, хотя предпочли бы уехать оттуда» и «которые не испытывают привязанности к какой-либо местности». Среди респондентов их (суммарная) доля колеблется от 8,7% в Воронежской обл., 12,0% в Ярославской обл., 13,4% в Вологодской обл. до уже внушающей некоторые опасения, в т.ч. в отношении «апатии», о которой пишет В.Г. Федотова, доли, составляющей 18,0% в Костромской области. (см. главу 5). Однако это все же – не примордиальная идентичность, а результат выбора. **Если бы население представляло бы собой неструктурированную и аморфную массу, как это предполагает В.Г. Федотова, то тогда, очевидно, были бы справедливы утверждения о виртуальном (ср.: Гельман, 2003) характере российской РИ.**

Если предполагать российский коллективизм достаточно развитым, то, тем не менее, из самого факта признания этого феномена не обязательно автоматически следует существование развитой РИ. Как представляется, максимизация «коллективизма вообще» не способствует замыканию связей именно в пределах поселения или региона, в то время, как ограниченный коллективизм западного толка, исходя из принципа оптимума, обычно замыкается на местной общине.

При этом сама проблема фиксирования конкретного уровня коллективизма представляется достаточно сложной; например, нам не очевиден смысл применяемой в контексте коллективизм – индивидуализм поговорки-индикатора «старый друг лучше новых двух» (по З.В. Сикевич, 1995).

Интересные данные о развитии общинности в связи с РИ содержатся в материалах по местной истории.

Согласно Ю.В. Кривошееву (2003, с. 337), в свете новейших исследований следует реабилитировать концепцию, доминировавшую в XIX в. среди русских историков, согласно которой определяющей линией развития политической системы русского средневекового города (вплоть до присоединения к Московскому государству) выступало древнерусское вечевое начало. В свое время И.Д. Беляев предложил концепцию общинного устройства всех русских городов IX-XV вв.; «их общинная организация обеспечивала максимально благоприятные условия для самоуправления и социального развития» (Кривошеев, 2003, с. 338). В то же время, противоположную точку зрения отстаивал С.М. Соловьев, который уже для периода с конца XII в. отдавал приоритет новым городам с сильной княжеской властью. С точки зрения С.М. Соловьева, города «старые» – с вечевым управлением – постепенно уходили с российской исторической арены (уже в XIV в.) (там же). Ю.В. Кривошеев (там же, с. 402) ссылается на утверждение М.Н. Тихомирова (1957): «городской воздух в Москве, как, вероятно, в других больших русских городах, фактически делал человека свободным, по крайней мере, в эпоху феодальной раздробленности» (т. е. подобно тому, как это было в Западной Европе).

В той или иной степени «местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве» (там же).

Известна организация самоуправления Иваном Грозным. Применительно к XVII в. Ю.В. Готье (1913) писал о многочисленных случаях самоорганизации населения русских городов, например, в отношении деятельности воевод (включая челобитные о «безвоеводстве» для своего города). В свете материалов о развитом самоуправлении в городах России в XVIII – первой половине XIX вв. (Кустова, 2004), просматривается почти непрерывный процесс, связывающий древнее вечевое начало, существовавшее, судя по ряду новейших публикаций, вплоть до присоединения русских земель к Москве, с земскими реформами 60-х гг. XIX в.

А.В. Посадский (2005, с. 125 – 126) отмечает, что в России «в сложной системе взаимоотношений власти и общества, государственной и общественной инициативы в самые разные исторические эпохи довольно четко прослеживается одна закономерность: любое ослабление властных структур под влиянием экстремальных ситуаций, к которым можно отнести социальные смуты и гражданские войны, вызывает не только анархию, хаос или полную апатию, но и стремление тех или иных общественных сил в интересах самосохранения и выживания или ради удовлетворения своих собственных запросов и нужд брать на себя выполнение хотя бы части тех функций, которые обычно выполняет государство и его органы. К числу подобных явлений можно отнести советское движение 1905 и 1917 гг., создание разного рода групповых организаций и союзов, а также самостоятельных вооруженных формирований (отрядов гражданской самообороны, Красной гвардии и т.д.). Одним из ярких примеров таких проявлений общественной инициативы ... была так называемая крестьянская самооборона периода Гражданской войны в России 1918 – 1922 гг.». Из такой формулировки логически вытекает следствие: *«центр» не только постоянно позитивно стимулировал развитие «периферии», но также постоянно сдерживал ее развитие.* Соответственно, «периферия» получала возможность относительно полной самореализации лишь при ослаблении «центра».

Любопытно, что в сходных терминах сочетания «саморазвития периферии» и подавления идентичности в центральных городах Москвой (при разных вариантах развития полупериферии) нами описаны современные процессы формирования РИ в историческом ядре Европейской России (см. главы 4 и 6).

РИ формируется на нескольких уровнях – на уровне совокупности индивидов, проживающих на данной территории, в данном регионе, каждый из которых обладает разной степенью идентификации себя с данной территорией (РИ как *самоотождествление с территорией*), и на уровне региона в целом, где обнаруживается «самобытность» этого региона как некоторая комбинация культурных, природных и исторических характеристик, обладающих некоторой степенью неповторимости, уникальности, контрастностью, но не обязательно сильно выраженной по отношению к другим территориям (РИ как *самобытность*), а также суммируется укорененность в нем жителей, развитие у них местного патриотизма, общинности, формирование на этой основе различных гражданских инициатив и т.д. (РИ как *региональное самосознание*). При этом «РИ как «самобытность»» является предпосылкой для РИ как совокупности самоотождествления индивидов с данным регионом.

Понятие «РИ» соотносится с понятием «активная часть региональной общности». Активная часть региональной общности – та ее часть, в пределах которой степень детерминации социальной активности человека прямо или косвенно обусловлена наличием у него самоидентификации (отождествления) с некоторым регионом (территорией, местом). Основанием для такой самоидентификации (отождествления) может быть исходящее из воспитания и социокультурного выбора чувство местного патриотизма, субэтническая или иная укорененность на данной территории и т.д.

Активная часть региональной общности становится ядром «общинности» – основы как «традиционного», так и «современного» общества.

Местное самосознание и местные общности

Развитость местного самосознания как «культурной субстанции» может иметь различные проявления, фиксироваться различ-

ными формальными и неформальными показателями. Это – нежелание менять место жительства; чувство ностальгии, по-видимому, более к территории, чем к людям; социокультурная активность как реализация некоей региональной генетической программы, допустим развитое чувство протеста от раскола до Холерного бунта и «антоновщины» в Тамбовском крае или же потенции к созданию некоторых ценностей местного и в таком смысле уникального значения, не интерпретируемых в терминах «центр-периферия», «традиции-инновации». Очень сложно адекватным образом фиксировать развитость местного самосознания в социологических опросах (встречающееся в некоторых из них противопоставление российской и местной общностей, между которыми предлагается сделать «выбор», подобно антипедагогическому вопросу: «ты кого больше любишь, маму или папу?»).

Иногда возникает соблазн отождествить развитость местного самосознания с «пассионарностью» Л.Н. Гумилева. Думается все же, что отождествлять их нельзя. Фазы регионального подъема и упадка, скорее всего, не совпадают с гумилевскими циклами. Так, подъем общественный (и этнический) XVIII – начала XIX в. в России сопровождался упадком регионального сознания. Вообще, «сила» региона и регионального сознания может быть отражением как силы, так и слабости России, российского суперэтноса, отражением как изолированности, так и связности регионов. Возможно, справедлива точка зрения Т.А. Алексеевой (1992) о том, что в современной России формой выражения национального (цивилизационного) самосознания становится местное самосознание. Однако в прошлом так было не всегда. «Интерес к истокам» времен российского Серебряного века имел определенный эквивалент в форме подъема местного самосознания (включая активное развитие краеведения, сети музеев, театров, университетов). В то же время цивилизационный и государственный подъем екатерининского времени не сопровождался адекватным подъемом местного самосознания. Интересно, что А.С. Пушкин нигде не упомянул о Пскове (Сообщение А.А. Сундиевой на конференции «Русский провинциальный город», Елец, май 1992 г.). Для М.Ю. Лермон-

това «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда» (что, конечно, странно слышать о губернском городе). А.П. Чехов почти с ненавистью говорил о Таганроге. В то же время, уже в начале XX в. ситуация в значительном степени меняется, и негативный снобизм к «провинции» (своей или чужой «малой родине») остался «привилегией» лишь носителей футуристического мировоззрения. Это связано и с иным образом регионов, и с объективным укреплением «регионального начала».

В.В. Розанов писал о Саратове: «В самом деле – это столица нижней Волги. Едва мы сошли на берег, то впечатления именно столицы пахнули на нас. Чистота и ширина улиц, прекраснейшие здания, общая оживленность, прекрасный городской сад, полный интеллигентного люда, – все это что-то несравнимо не только с другими волжскими городами, но с такими средоточиями волжской жизни, как Нижний Новгород и Казань. Из всех русских городов, виденных мною, он мне более всего напомнил Ригу, но только это чисто русский город, “по-рижски” устроившийся» (1988, с. 226; первоначально опубликовано в 1907 г.). Это высказывание В.В. Розанова уместно сопоставить с более ранней фразой (Фамусова) из «Горя от ума» А.С. Грибоедова: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Думается, что А.С. Грибоедов писал о «саратовской глуши» без иронии, считая Саратов заведомой глубинкой, однако между публикациями «Горя от ума» и «Русского Нила» прошло свыше 80 лет. Отметим здесь также, что и в наши дни для Саратова характерен большой местный патриотизм, чем для Нижнего Новгорода и Казани, в частности, в силу его несколько меньших размеров (см.: Крылов, 1995, 1999 В – об эффекте постпатриархальности) и того обстоятельства, что исторически это – не пролетарский город, в отличие от Нижнего Новгорода.

По мысли В.В. Розанова, Саратов, благодаря своим «усилиям стать «европейским», выделяется среди других волжских городов, для которых (здесь – включая Саратов) характерен «приволжский дух, приволжский патриотизм, довольно (как я наблюдал и в старые годы) значительный и гордый. Волжане любят свою реку, гордятся ею: с Волги они как-то начинают Россию, и где нет Волги, им кажется, что нет и России или Россия какая-то ненастоящая» (с. 226).

«Конкретность, “обыденность”, “Моршанск” есть столь же могучая сила, как и гриновский “океан” (символ возвышенного), и эта реальная, “второстепенная” сила, сила дрожащих, нуждающихся, не абсолютно прекрасных человеческих сердец – не менее важный предмет искусства» (Дорофеев, 1965, с. 12; цитируется одна из статей А.Платонова).

И.А. Буниным в «Жизни Арсеньева» было психологически тонко показано формирование именно регионального (в узком смысле, противопоставляемом населенному пункту, городу) восприятия России (например: «...Только много лет спустя проснулось во мне чувство Костромы, Суздаля, Углича, Ростова Великого: в те дни я жил в ином очаровании... “Еду!” – сказал я себе..., решив ехать в Смоленск. Почему в Смоленск? В мечтах были Брянские, “Брынские” леса, “брынские” разбойники...»).

Можно выделить три стадии развития (трансформации) местного самосознания. На первой стадии изолированность доминирует над связностью. Это стадия субэтническая. На второй стадии изолированность и связность уравнивают друг друга, находятся в гармоничном сочетании. Это стадия «провинциальная». На третьей стадии связность преобладает над изолированностью. Это стадия агломерированных зон, возможно, моделирующая один из вариантов гипотетического будущего общества (ср. с эмпирически выделенными нами *существующими* ракурсами региональной идентичности: традиционалистской, транстрадиционной и надтрадиционной – см. главу 4). Для первой и третьей стадии имеет некоторый смысл противопоставление «большой» и «малой» родины, как это делают социологи при опросах. На второй стадии это совсем лишено смысла. С нашей точки зрения, на второй стадии существует особая региональная «пассионарность» (социокультурная активность, инициативность), как бы дополняющая гумилевскую пассионарность. На первой и на третьей стадиях местное самосознание в классическом смысле еще (уже) не существует, и фиксируемая пассионарность должна быть отнесена к локальному проявлению этнической пассионарности.

Кроме того, возможно сравнение в рамках одной и той же стадии с точки зрения разной степени развитости отдельных компонент одной и той же разновидности («стадии») региональной идентичности. Как пример сравним тамбовское и воронежское самосознание. Специфика тамбовского самосознания – в его существенно большей насыщенности субэтническими компонентами, большей укорененности и большем развитии топографического чувства места и в конечном счете большей, как представляется, силе местного патриотизма. Однако, со стадияльной точки зрения, тамбовская идентичность в существенно большей степени связана с сельским началом и «отстает» от воронежской в смысле «выхода» сил «региональной пассионарности» в сферы экологической и интеллектуальной культуры. Однако и тамбовская, и воронежская «региональные пассионарности», с нашей точки зрения, *дополняют* пассионарность российского суперэтноса – в отличие от пассионарности древних славянских племен и старинных княжеств, а также современных агломерированных зон, лишь *заменяющих* пассионарность единой этнокультурной системы.

Глава вторая

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

2.1. Генезис регионального устройства Европейской России и проблема исторических провинций

Региональная идентичность, местное самосознание формируются в рамках так называемых «исторических провинций». О значении исторических провинций писали А.Д. Градовский (1868), П. Мрочек-Дроздовский (1876), П.Н. Милюков (1905). По мнению П.Н. Милюкова (1905, с. 270), «русская история не создала провинции в европейском смысле слова – как живого органического целого». Сходной позиции придерживались и евразийцы, например, П.Н. Савицкий (2003, с. 807). А.Д. Градовский скорее скептически относился к идее русских исторических провинций, однако П. Мрочек-Дроздовский писал об укорененных в сознании русских «бытовых областях», связанных с историей. Представляется, что с цивилизационной точки зрения важны исторические провинции не столько сами по себе, сколько как обязательная или желательная «форма существования» местного самосознания. Исторические провинции являются не только «пассивной» объемлющей формой, но также «активным» стимулятором появления и развития местного самосознания. В этом смысле понятна роль классической европейской структурированности геокультурного пространства. Если сеть исторических провинций может в весьма значительной степени формироваться под воздействием специфических особенностей Русской равнины в целом, ее зонально-азональной и иной структуры, то природное окружение, формирующее специфически-российское местное самосознание, не тождественно природной среде, формирующей исторические провинции. Наряду с природной средой и в еще большей степени, чем природная среда, здесь играют роль местные особенности исторического процесса, часто трансформируемые природными

особенностями территорий, «цепляющимися» за эти особенности.

Попытаемся рассмотреть вопрос о формировании российских исторических провинций с эволюционно-исторической точки зрения, рассматривая происхождение российских регионов и развитие самосознания в них.

Первоначальной формой регионального устройства в Древнерусском государстве были так называемые «городовые области», которые стали считаться «землями» (Свердлов, 2003, с. 583) и на основе которых сформировались княжества, а также другие характерные для той эпохи формы средневекового регионального и политического устройства (республика в пределах Вятской земли; особый, «полисный», вероятно, сходный с прибалтийскими городами славян в Германии, тип устройства, характерный для Великого Новгорода – при этом региональное устройство других древнерусских земель было ближе феодальному – западноевропейскому).

Большинство отечественных историков считает, что древнерусские «городовые области» не являются «наследниками» племенных территорий (в отличие от регионов Западной и Центральной Европы – потомков средневековых феодальных образований, тесно связанных с определенными племенами). Это обстоятельство дало основание А.С. Ахиезеру (1995) считать формы российской государственности и, отчасти, культуры внешними, как бы насильно (насильственно) навязанными российскому социуму еще в далеком прошлом, создавшими традицию двойственности власти и общества и т.д. Такое мнение, по сути, близко к концепции «аспатиальности», в том смысле, что российское «региональное начало» признается «пассивным», лишенным собственного формотворчества, не связанным с «народной жизнью».

Исключение в трактовке пространственного генезиса «городовых областей» составляет концепция акад. М.С. Грушевского, который рассматривал (в аспекте территориальной организации) переход от племенной структуры к «городовым областям» как плавную эволюцию. Поэтому территории городовых областей приблизительно соответствуют племенным территориям.

С точки зрения М.С. Грушевского, на территории Киевской Руси «исходной точкой общественной организации служит город, система городов», иными словами – уже тогда «территориальный, а не родовой принцип лежит ... в основе дальнейшего развития общественных отношений» (1990, с. 31). Князь и его дружина, «севшие» в городе, трактуются М.С. Грушевским как вторичные от городского начала; они рассматривались как «продукт развития городской жизни» (с. 32) в целом.

Первоначальное выделение центральных (для будущих земель) городов, согласно М.С. Грушевскому, определялось «специальными географическими условиями, выгодами сообщения и т.п.» (с. 32). «С внешней стороны возникновение такого центра давало себя знать и в том, что **население группы округов, тянувших к центральному городу, принимало часто его имя, и это последнее вытесняло старое племенное название** (подчеркнуто нами – М.К.). Так явились волыняне, бужане и червляне на территории дулебов; черниговцы, переяславцы и новгородцы (имеется в виду Новгород-Северский – М.К.) на территории северян и т.п. ... Тогда как у полян, северян, дулебов городская жизнь была сильно развита уже в самое раннее время; городские организации заступают у них вместо старых племенных отношений, у древлян, радимичей, вятичей не развились крупные городские центры (М.К. – в отношении вятичей можно усомниться, т.к. на их территории существовали Муром, старая Рязань и Переяславль Рязанский и т.д.), **эти земли долее удерживают первоначальный аморфный племенной строй, и сами племенные имена живут дольше**» (с. 32) (подчеркнуто нами – М.К.).

А.А. Горский (2002) подчеркивает, что термин «земля» указывает на самостоятельность этих территорий. Интересно, что «даже в случае, если имелось древнее название территории, «земля» могла определяться ... по стольному городу... При объединении двух земель под властью одной княжеской династии они начинали рассматриваться как одна земля ... Очевидно, термин, обозначающий суверенное государство, был перенесен на русские княжества, по мере того, как современники стали их воспринимать в каче-

стве фактически независимых. Соответственно, нет оснований говорить о непосредственной территориальной преемственности «земель» XI – XIII в.в. по отношению к догосударственным этнополитическим образованиям. Земли формировались на основе территорий волостей – составных частей единого Древнерусского государства конца X – начала XII века».

По мнению А.А. Горского (2002), «роль наследия догосударственного этнополитического деления в истории XI – XIII веков, – вопрос, требующий дальнейшей разработки (например, заслуживает внимания проблема соотношения племенного самосознания и регионального самосознания удельной эпохи)...».

В качестве источника специфики регионального устройства российской цивилизации, «аспатиальности», а также неукоренности населения, как мы уже говорили, чаще всего рассматриваются – однородность природы, определяющая однородность культуры (Соловьев, 1990, с. 249; с.227), в комплексе с сопряженными событиями истории; последние публикации: Н. И. Цимбаев (1997), А.В. Юревич (1999, с. 11-13), Я.Г. Шемякин (2000, с. 96, 107-108 и др.). Необходимо отметить, что такая концепция противоречит мнению классика социологической науки П.А. Сорокина об исключительно внутренней детерминации культуры (Тимашев, 1991, с. 464).

Заметим, однако, что ряд историков, например, М.К. Любавский (1996), полагали результат действия природных условий Русской равнины прямо противоположным: не выравнивание, а дифференциация, детерминанта не объединения и унификации, а, напротив, разъединения и связности в рамках речных бассейнов. С его точки зрения решающую роль здесь сыграло существование мощных неосвоенных и труднопроходимых водоразделов между речными бассейнами. В пределах Литовско-Русского государства, согласно М.К. Любавскому (1892), существовали целостные социокультурные регионы на месте древних Смоленского, Брянского княжеств, подобно «эталонной» Западной Европе.

Несколько реже упоминаются внутрикультурные причины «аспатиальности». К ним могут быть отнесены: православный «мо-

низм» (в противовес плюрализму), неизбежным следствием которого рано или поздно должна была стать «единая и неделимая» (т.е. «аспатиальная») Россия; отсутствие в русском суперэтносе чувства (или архетипа) Очага, в отличие, например, от эстонцев (мировоззрение эстонцев в рассматриваемом отношении хорошо показано в адресованной школьникам книге А.Г. Негго, 1960). Последняя позиция неоднократно, хотя и в осторожной форме, высказывалась авторитетным историком Г.С. Кнабе (1995, с.227), однако, она опровергается, например, феноменом Мологи как предельного случая: отношение к своему городу жителей уничтоженной и затопленной Рыбинским водохранилищем Мологи – спустя многие десятилетия бывшие жители этого города заказывали ежегодно теплоход и выходили на то место, где некогда стоял город.

По мнению И.В. Кондакова, уже в процессе выбора веры князем Владимиром сыграл значительную роль приоритет территориальной укорененности, обусловивший непринятия хазарского иудаизма (1998, с. 58). Далее этот автор полагает, что концепция российской (самодержавной) власти, заимствованной, как он считает (с. 63), из Византии, обусловила интеграцию России при подчиненном значении родоплеменных и региональных связей. (Для проверки такого мнения можно использовать содержательную книгу А.П. Каждана, 1997; с нашей точки зрения, византийская культура все же существенно более «аспатиальна», чем культура российская, хотя полностью «аспатиальной» и ее называть, наверное, нельзя).

Необходимо отметить, что, строго говоря, «аспатиальность» противоречит общинности, коллективности, полагаемых неотъемлемыми чертами русской православной культуры (что, возможно, косвенно указывает на существование элемента природной, но не чисто культурной, детерминации «аспатиальности» и тем самым, помятуя указанное выше мнение П.А. Сорокина, ее как бы ситуационный характер). С другой стороны, здесь, быть может, подтверждается вывод К. Касьяновой (1994) о том, что русские по природе индивидуалисты, а православный коллективизм вторичен. Существование, в той или иной степени, «аспатиальности», корректирует выводы К. Касьяновой (1994) в том смысле, что ин-

дивидуализм – не глубинная, скрытая доправославная черта русских, а, напротив, что он «вполне мирно» и активно сосуществует с коллективизмом, и что, быть может, в такой коллизии наложения коллективизма и индивидуализма находят объяснения многие из «загадочных» черт русского национального характера, например, противоречие между крестьянской «скрытностью» и умеренностью и городской «неуравновешенностью», а также находит объяснение сосуществование в русской литературе, претендующей на построение некоторых эталонов, не всегда массово достоверных, прямо противоположных линий – типа реализма Л.Н. Толстого и авангардизма Н.В. Гоголя – А.П. Платонова, коллективизм А.С. Пушкина и индивидуализм М.Ю. Лермонтова и т.д.

Возможно, что отдельные черты русского национального характера тяготеют к разным регионам России, допустим, экспрессия – к Югу, спокойствие – к Северу. В пьесе А.Н. Островского «Лес» говорится, что в Земле войска Донского «не то что даром, а и за деньги не накормят», в то время, как до Воронежа можно «Христовым именем пропитаться». В романе А.М. Горького «Дело Артамоновых» читаем: «У нас обычаи помягче, народ поприветливее. У нас даже поговорка сложена: “Свапа да Усожа – в Сейм текут; слава тебе, Боже. Не в Оку!”» В очерках Д. Шелихова (1990, с. 3), написанных в 40-х годах XIX в., противопоставлены быт, нравы, ценности жители Центральной, Южной и Западной Руси.

Здесь мы видим примеры, в той или иной степени опровергающие концепцию «российской неукорененности» М.П. Погодина – С.М. Соловьева и соответствующие другой, менее популярной у нас научной традиции – традиции Н.И. Костомарова и А.П. Щапова.

В целом, *концепции М.П. Погодина – С.М. Соловьева противостоят ряд известных, однако нередко интерпретируемых по-разному, фактов, в целом указывающих на существование множества полюсов культурного и экономического роста, вокруг которых происходила консолидация населения.*

1. Консолидация в рамках Юга и Севера Древней Руси; относительная независимость друг от друга Юга и Севера в смысле

генезиса и дальнейшего развития, значительные различия в этническом (помимо славян) субстрате (ирано-тюрко-славянский симбиоз – на Юге; финно-славянско-скандинавский симбиоз – на Севере); «двоецентрие» Киева и Новгорода (Формозов, 2003; Морозов, 2005 и др.).

2. Существование «городовых областей» как самодостаточных земель. Новые общественно-политические и территориальные образования, а также Новгородская боярская республика стали называться «земля» (Горский, 2001; Свердлов, 2003), что отразило, вероятно, их внутреннюю самодостаточность и организованность («земля»=государство, по А.А. Горскому, 2002, также по М.Ф. Владимирскому-Буданову, 1915, с. 10) в сознании и самосознании русских людей того времени» (Свердлов, 2003, с. 583). При этом «самосознание принадлежности к Русской земле сосуществовало с принадлежностью к княжествам ..., самосознанием региональным ...» (Свердлов, 2003, с. 660). В качестве синонима «земли» часто использовалось понятие «волость». Согласно В.В. Долгову (1999, с. 217), «каждая волость на исторической арене выступала в виде своеобразной коллективной личности. Общественное сознание наделяло такую личность определенным характером... Естественно, враждебной волости склонны были приписывать отрицательные черты, себе – положительные. Это свидетельствует о наличии достаточно высокого уровня группового самосознания. В качестве коллективных личностей городские волости сменили в общественной психологии уровень племен». В отличие от М.Б. Свердлова, В.В. Долгов считает, что существовала «замкнутость в рамках своей собственной земли – волости», и в роли «своего» выступала не Русская земля, а родной город (там же, с. 200).

Л.Н. Гумилев (1992, с. 71) даже считал, что каждая из таких земель-волостей населена различными этносами (уже после преодоления племенного разобщения, объединения славян с неславянами и «вхождения в стадию» дифференциации централизованного государства): «тверичи считали, что москвичи – это другой народ, примерно так же, как французы не считались испанцами.

То же самое суздальцы, а уж новгородцы, так те были уверены, что вообще никакого отношения не имеют к России, и никакого момента для соединения не было». Возможно, Л.Н. Гумилев архаизирует историю, однако его точка зрения позволяет «выпукло» представить рассматриваемый сюжет. С точки зрения Л.Н. Гумилева, в России в XII – XIV веках этнокультурная дифференциация была ничуть не меньше, чем в Европе, но эта дифференциация (и даже конвергенция) были сломлены единством культурных норм, исходящих от православия и «насаждаемых» Москвой как центром православия в России.

Для нашей темы интересен вопрос об отнесении Новгорода к Русской Земле (или, напротив, исключении Новгорода из состава «Русской земли», как о том пишет Л.Н. Гумилев). Согласно К.В. Рыжову (2002, с. 142), до смерти Ярослава Мудрого «Русь» как топоним была живой реалией, но далее, когда «Русь» распалась, сам этот топоним «уже перестал быть конкретным территориальным понятием, но продолжал существовать в живой обиходной речи как синоним Центра и Юга». С середины XIII в. содержание этого понятия значительно расширилось: Русью стали называть вообще все восточнославянские земли вне Новгорода (но включая Псков) (там же, с. 143).

3. Существование нескольких великих княжеств, что, возможно, говорит о полицентризме и расходится с позицией о безусловной деградации и\или изначальной неразвитости местного, регионального начала в российской истории. Ряд современных историков активно критикуют концепцию, согласно которой Москва стала единственным центром объединения русских земель – напротив, существовала множественность центров объединения (Александров, 1997, с. 4).

На Северо-Востоке и Севере Руси формальным центром сохранялся Владимир, сохранялся и титул – великий князь владимирский. В то же время реальная власть перешла к двум княжествам, оказывавшим непосредственное влияние на дела Северо-Восточной Руси – Московскому и Тверскому. Наряду с титулом «великий князь Владимирский», существовали титулы «великий

князь Московский» и «великий князь Тверской». Владимир как самостоятельная политическая единица значения не имел (Александров, 1997, с. 15). После того, как «великое княжество Владимирское слилось с Москвой, Тверская земля обособилась от него и составила самостоятельное великое княжество, великие князья отказались от претензий на великое княжение Владимирское, вместе с тем стали признаваться равными Московским и в этом смысле заключали с ним союзные договоры (М.К.: равноправные)» (Любавский, 1929, с. 114); кроме того, существовали великие князья Рязанские (вне Владимирского великого княжения), а также Ярославские, Нижегородско-Суздальские.

А.А. Горский (2004, с. 335) полагает, что если бы не было власти Орды, то у восточных славян на Русской равнине возникло бы несколько (3 – 4) крупных государств (поскольку «естественным процессом» является возникновение зрелого полицентризма). В результате же монгольского нашествия усилилась разобщенность русских земель (заметим, что результатом монгольского нашествия часто считают создание единого централизованного государства); дробление земель было в значительной степени искусственным, полицентризм оказался незрелым. Заметим, что, с нашей точки зрения, по сути описанная А.А. Горским ситуация сопряжена не с унификацией, а, напротив, с сосуществованием в пространстве разнокачественных культур и в случае власти Орды (оформлению их в качестве государств мешало отсутствие крупных центров).

В то же время, как мы полагаем, *более серьезная аргументация в пользу концепции российской «аспятиальности» по сравнению с той, что предлагалась М.П. Погодиным и С.М. Соловьевым, может быть связана с историческими особенностями права и управления в России* (Готье, 1913; Готье, б/г; Градовский, 1868; Неволлин, 1859; Чичерин, 1854; Любавский, 1892; Любавский, 1929; Любавский, 1996; Свердлов, 2003 и др.):

1) разрушение обширных «земель» из числа бывших княжеств путем раздробления их на мелкие уезды, не дававшие возможности усиливаться их бывшим центрам и – как следствие – парадок-

сальная тождественность понятий «город» и «уезд» (Готье, 1913, с. 104); отсутствие, в связи с этим, в России «*исторических провинций*» как *социально устойчивых макрорегиональных образований* (они могли бы возникнуть на базе древних «земель-княжеств» (Градовский, 1868);

2) чрезвычайная чересполосность, изоциренная искусственность системы территориального управления в Московском государстве, разрывавшая исторически существовавшие «земли» на «чужеродные» друг другу части, делавшая, по замыслу, невозможным возникновение самосознания населения территорий, в связи с отсутствием соответствия между местной административной и местной историко-культурной общностями жителей (Градовский, 1868; Чичерин, 1854; Готье, б\г);

3) нахождение территориальных администраций не на местах, а непосредственно в Москве, в соответствующих приказах (некоторое исключение составляли Великий Новгород, Псков, царства Казанское, Астраханское, Сибирское, княжество Смоленское) (Градовский, 1868; Чичерин, 1854; Готье, б\г);

4) перманентная миграция служилых людей и в Киевской, и в Московской Руси (Градовский, 1868; Свердлов, 2003); ликвидация класса бояр, укорененного на территории (Лотман, 1994, с. 19);

5) существование периода экстерриториальных княжений в Киевской Руси;

6) выселение местных элит (достаточно частое) после присоединения территорий: в Древнерусском государстве – на южные окраины (Свердлов, 2003), в Московской Руси в Москву: «Вятку развели всю», помимо более известного выселения новгородской элиты при Иване III (Любавский, 1996);

7) отсутствие в Киевской и Московской Руси регионов как совокупностей «союзов городов», напротив, в каждой земле обычно существовало принципиальное неравноправие городов-центров и «пригородов»; в данном случае «пригород» – это термин, применяемый в исторической географии Древней Руси для территорий внутри региона-княжества, земли, имеющих подчиненный статус,

в отличие от территорий вокруг городов-центров, которых могло быть больше одного, а также территорий, имеющих особый статус, например, удельного княжества). «Пригороды» часто были присоединены силой, а не выделялись путем дробления изначально целостной земли, в частности, в Новгородской земле – характерен пример Торжка. Торжок – один из древнейших «пригородов» Великого Новгорода, его форпост почти у границы «Низовской земли» (Владими́ро-Суздальской Руси). Уже в XV в. сравнительно небольшая территория была хорошо заселенной и богатой. В Торжке было свое местное боярство, которое по временам выступало активно на защиту своей независимости – и от своей метрополии, Великого Новгорода, и от низовских князей, и от Литвы. Сила местных особенностей Торжка сказывалась в его особом, отличным от новгородского, внутреннем делении (Градовский, 1868; Неволин, 1853);

8) отсутствие *собственного имени* у региона, отличного от центра этого региона (на это обстоятельство обращает особое внимание Л.В. Смирнягин; в связи с этим особое значение придается Мещере как, якобы, единственному российскому *«истинному региону»*, *имеющему собственное имя и не имеющему жестко обозначенного центра*; в действительности такой центр у Мещеры был – Касимов первоначально имел имя «Городец Мещерский», а в схеме административно-территориального устройства России В.Н. Татищева (Экономическая география, 1965, с. 250–251) «Мещорой» именуется Шацкая провинция). В связи с этим регион – в связи с отсутствием у него собственного имени – часто воспринимается (по крайней мере, наблюдателем извне) как «придаток» к центральному городу, как своего рода культурно-исторический фантом.

В то же время исторически процесс создания городских областей и «подчинения» региона центральному городу объясняется гораздо более ранним, чем в Европе, преодолением племенной структуры – *«городовые области»* возникли практически одновременно с образованием централизованного государства в Киевской Руси (Свердлов, 2003). (Заметим, что это дает дополнительное

основание для дискуссий о прогрессе, об «отстаивании» России и т.д.).

Однако насколько эти факторы трансформировали внутреннюю сущность («генотип») русской культуры или даже превращали ее в однородное, неструктурированное, аморфное (в пессимистической редакции) или же (что в данном контексте почти синонимично) в «монистичное» и «универсальное» (в оптимистической редакции) образование, вообще говоря, остается неизвестным. Впрочем, преодоление внутренних различий содержит и положительные моменты (на это обращает внимание Л.В. Смирнягин, 1999, при обсуждении концепции «аспатиальности»): легкость освоения новых территорий, национально-государственное единство в плане меньшей вероятности сепаратизма и легкости решения общих задач. А.Д. Градовский (1868, с. 130) писал: «На Западе стремление к национальному единству, к гражданскому равенству и свободе, вышедшее из революционного движения, должно было обратиться в стремление к полнейшей нивелировке стран в политическом и общественном отношении; в России единство общества было бесспорным фактом, а свобода его в те минуты, когда она существовала, поддерживалась существованием многочисленных союзов и организмов. Сознание единства земли и общества не было у нас протестом против феодального раздробления, феодального бесправия; оно составляло древнее, неоспоримое достояние русского народа, который был един и во времена удельно-вечевого уклада ... При таких условиях свобода медленно исчезала из русского общества».

Следует заметить, что некоторые авторы не считали, что преобразование прежней пространственной структуры древних земель и княжеств в Московском государстве было столь значительным. Так, М.М. Богословский (1909, с. 9) полагал, что (правда, в большей степени применительно к Русскому Северу): «За московским правительством нельзя не признать до известной степени бережного отношения к явлениям, создававшимся местной жизнью: встречаясь с ними, оно не считало нужным перекраивать и менять их, приводить непременно к однообразию и единству. Оно спокойно

санкционировало их, занося их в свои акты, и этим сообщало им еще большую устойчивость и крепость». А.Д. Градовский (1868) отмечал, что при расчлененности Рязанской и других земель на мелкие уезды самосознание в рамках прежних русских земель все же сохранялось благодаря нахождению епархий в прежних границах, в частности, Рязанской. Ю.В. Готье подчеркивал устойчивость и в управлении, и в сознании людей старого уездного деления, в общей сложности просуществовавшего приблизительно два с половиной столетия (1913, с. 104-105). В конце XVII в. были приблизительно восстановлены древние княжества (*при инициативе снизу* – см.: Мрочек-Дроздовский, 1876) в рамках провинций, трансформированных впоследствии при Екатерине II в губернии.

Возвращаясь к обсуждению концепции «аспатиальности», необходимо упомянуть и группу *альтернативных концепций*. Согласно В.П. Даркевичу (1994, с. 56), древнерусские города при «удивительной близости, унификации всех сторон материальной культуры» демонстрировали весьма значительное культурное разнообразие и обустроенность (вопреки, в частности, известному мнению С.М. Соловьева (1990, с. 249), что, очевидно, создавало предпосылки для отмеченного М.Б. Свердловым характерного для той эпохи «чувства привязанности к месту», формировавшегося в рамках «внутренне самодостаточных земель» (Свердлов, 2003, с. 583). Сказанное иллюстрирует следующее теоретическое положение. *Пространственная морфология не обязательно находится во взаимно однозначном соответствии с самой РИ; она является предпосылкой, которая не всегда реализуется – другой, не менее важной, детерминантой РИ является культура.*

Следует отметить, что с вышеуказанными концепциями Н.И. Костомарова и А.П. Щапова коррелирует еще более отдаленная от идеи «аспатиальности» точка зрения М.Я. Гефтера, считавшего, что «...на деле, по ту сторону власти, Россия разделена на земли...– протоцивилизации» (Павловский, 2004, с. 95). Если М.Я. Гефтер, подобно Л.В. Смирнягину, идеалом России видит расчлененность и культурные контрасты (хотя и расходится с ним в реальном видении России), то А.С. Ахиезер (1995) и Л.Д. Гудков

(2002), констатируя культурную расчлененность России и возможную развитость местного патриотизма, усматривают в этом признак культурной отсталости, традиционализма.

Концепция «аспациальности» не учитывает проведенную в эпоху Екатерины II топонимическую унификацию, которая соответствовала всеобщему устремлению к унификации времен екатерининских реформ (введение регулярных планировок городов; геральдика и т. д.). В рамках этой топонимической унификации названия городов были приведены в соответствие с названиями регионов – например, город Хлынов был переименован в Вятку по имени Вятской земли, Городец – в Бежецк по имени земли Бежецкий Верх (Готье, 1941, с. 226); старинный Унженский уезд был преобразован в Макарьевский уезд Костромской губернии (Города России, 1994, с. 251; в источнике – ошибочно – «провинция»). В проекте административного деления России В.Н. Татищева были использованы многие имена территорий, не вошедшие затем в официальную редакцию, например, генерал-губернии Велико-российская, Белороссийская, вице-губернии Поморская, Низовская; провинции Двинская, Югорская, Залеская, Заоцкая, Месчора (Шацкая провинция), Половецкая, Русская и др. (Экономическая география, 1965, с. 250-251). Интересна топографическая схема В.П. Семенова-Тян-Шанского (Россия, 1902, с. 1-8), в которой Европейская Россия делится на физико-географические регионы с собственными именами, которые, однако, похожи по топонимике, а также по очертаниям на известные культурно-исторические регионы или сами имеют культурно-исторический смысл: Муравская сторона, Северская сторона, Мордовская сторона, Рязанская сторона, Оковский лес и др. Таким образом, нельзя однозначно утверждать, что российские регионы «по своей природе безымянные» (что, якобы, единственное исключение из этого правила – Мещера – например, Смирнягин, 1999). В то же время, отсутствие собственного имени у региона вполне может сочетаться с существованием развитых неформальных регионов.

Специфическим обстоятельством, указывающим на существование «исторических провинций», было существование до кон-

ца XVIII в. нескольких центров у одной земли, например Двинская земля в XVIIв. имела центры – Архангельск и Холмогоры, в XVIII в. Архангельская губерния – Архангельск и Вологду, Белгородская провинция – Белгород и Курск; с XVIII в. такая тенденция стала практически повсеместной для епархий (Готье, 1913; Покровский, 1907, 1913).

С другой стороны, почти все города-центры регионов всегда были *фокусами* этих регионов. Например, некоторые губернские города (Орел, Симбирск, Тамбов) – в прошлом зимние резиденции дворян – центры *региональные* по значению. В то же время, уездные центры, например Елец, Козлов, Моршанск, Сызрань – это купеческие города, в культурном (но не в экономическом) отношении *локальные* по значению. Нередко они были экономическими центрами регионов (например, Козлов – в Тамбовской губернии), но они никогда не могли считаться фокусами этих регионов. Таким образом, *внешне наблюдаемое доминирование городов-центров над «самими регионами» неправильно истолковывать как культурно-историческую объективность лишь этих городов, но не регионов.*

В свое время В.А. Анучин предложил картосхему, призванную показать сходство различных «ипостасей» Рязанской земли – Рязанского княжества XIII в. и XIV в., Рязанской губернии и Рязанской области (1960, с. 214), что предполагало трактовку этой территории как «исторической провинции». (Сам В.А. Анучин использовал здесь понятие «общегеографический район» – результат взаимодействия географической среды и общества. Такое понимание «исторической провинции» ему было необходимо для отстаивания концепции «единой географии»).

Развивая идею В.А. Анучина, можно обнаружить, что за последние 300 лет целый ряд территорий Европейской России обнаружил значительную *устойчивость*. Так, по нашим оценкам, из 18 (рассмотренных) территорий в границах современных субъектов РФ (без национально-территориальных образований) имеет в своем составе от 60% до 100% постоянно находившихся в их составе городов (которые всегда были псковскими, калужскими и т.д.) из числа имевших статус города к 1919г. (Крылов, 1998).

В свете изложенных позиций менее удачна ситуация у Пензенского края, для которого характерна «мигрирующая» граница: север Пензенского края (в границах губернии) отделился, образовав ядро Республики Мордовия, юг (в современных границах – Сердобск, Кузнецк) присоединен к нему от Саратовской губернии, запад (Нижний Ломов) входил в состав Тамбовской провинции. В результате «истинно пензенская» территория оказывается относительно небольшой (Пенза, Мокшан и Городище).

Историческая устойчивость Тамбовского края понижена из-за того, что Моршанск относился не к Тамбовской, а к Шацкой провинции. До 1922 г. большая часть Шацкой провинции (кроме Касимова) входила в состав Тамбовской губернии, после – перешла к Рязани (кроме Моршанска). Беднодемьяновск (бывш. Спасск) был присоединен к Средне-Волжского краю, а далее – к Пензенской области. Историческая устойчивость Воронежского края сильно понижена ввиду того, что значительная часть территории Воронежской области и губернии входили в состав Слободско-Украинской губернии, во главе с Харьковом (ранее – Слободской Украины, с главным городом Ахтыркой) – города Острогожск, Павловск, Богучар, Коротояк (они входили в состав Острогожского полка) и, соответственно, не входили в состав Воронежской провинции и Азовской (Воронежской) губернии. Вплоть до подавления восстания К. Булавина Новохоперск относился к земле донских казаков (в нем находилась ставка К. Булавина). Усмань – до 1922 г., а Борисоглебск – до 1928 г. входили в состав Тамбовской губернии, ранее Усмань входила в состав Воронежской, а Борисоглебск – Тамбовской провинции. В результате ядро Воронежского края состоит из Воронежа, Боброва, Бутурлиновки, Новохоперска (с оговорками) и Нижнедевицка.

Ядро Тульского края составляют Тула, Богородицк и Епифань, а также Венев, входивший в состав Рязанского княжества. В то же время Белев, Чернь, Ефремов входили в состав Орловской провинции. Ядро Рязанского края – Рязань, Михайлов, Спасск-Рязанский, Пронск. Ядро Ярославского края – Ярославль, Дани-

лов, Пошехонье, Тутаев. Ядро Костромского края – Кострома, Буй, Нерехта, Судиславль, Кадый. Ядро Вологодского края – Вологда, Тотьма, Грязовец, Кадников (Вельск перешел от Вологодской губернии к Архангельской области).

Ядро Череповецко-Белозерского края составляют Череповец, Белозерск, Устюжна, Вытегра, Кириллов. Каргополь отошел к Олонецкой губернии и Архангельской области.

Ядро Велико-Устюжского края – Великий Устюг и Никольск. Лальск – город до 1917 г., ныне в Кировской области. Котлас, Сольвычегодск и Красноборск отошли от Вологодской губернии к Архангельской области. Строго говоря, настоящее ядро этого края как семейства городов разрушено, поскольку Никольск значительно удален от Великого Устюга, а остальные города переданы соседним регионам.

Учет территориального состава древних земель не всегда возможен в силу недостаточной определенности их границ (особенно применительно к современной сети поселений), а также не всегда целесообразен ввиду несопоставимости *возраста территорий*. Например, во времена Рязанского княжества территория современной Тамбовской области была либо его окраиной, либо территорией, заселенной мордвой и недоступной для кочевников, благодаря надежной защите из лесов и рек. С этих позиций известная региональная целостность на территории Тамбовской области просматривалась уже тогда, однако адекватных измерителей для сравнения регионов применительно к той эпохе в рассматриваемом контексте у нас нет. Тем не менее, в ряде случаев можно указать на изменения ядер регионов с точки зрения их вхождения в состав древних земель. На территории Тверской области не входили в состав Тверского княжества (хотя уже входили в состав Тверской провинции): Ржев (в Смоленском княжестве), Осташков (в Новгородской земле), Торжок (самостоятельный, но под протекторатом Великого Новгорода). Старица до 70-х гг. XVIII в. входила в состав Смоленской и Новгородской губ., хотя ранее входила в состав Тверского княжества. В результате территория Тверского ядра суживается до самой Твери, Зубцова, затоплен-

ной Иваньковским водохранилищем Корчевы и ставших городом лишь в 1917 г. Кимр. В то же время Сычевка Смоленской области входила в состав Тверского княжества.

Древняя земля Бежецкий Верх была объединена с территорией б. Угличского княжества и частью территории Тверского княжества под именем Угличской провинции (Бежецк, Красный Холм, Кашин, Калязин, Весьегонск, Углич, Мышкин).

В целом на основе историко-географического анализа может быть установлен историко-культурный таксономический статус каждого региона (в рассматриваемом контексте он также приобретает статус пространственно-территориальной таксономии). Регион – историческая провинция – может трактоваться, как указано выше, в качестве «региона – страны» или «региона – ячейки» (см. главу 1, п. 1.1.).

Культурные различия на Западе реализуются в более крупных (пространственно и экономически) и тем самым более значимых, чем в России, формах. В России столь же существенные культурные различия как бы «низведены» до уровня менее значимого с точки зрения пространственно-территориальной таксономии: допустим, контраст соседних мезорегионов – Воронежской и Тамбовской областей, если бы он был отражен на уровне макрорегионов, играл бы значительную роль в социокультурной и экономической динамике России, однако этот контраст нейтрализуется недостаточно высоким таксономическим статусом Воронежской и Тамбовской областей для Европейской России, не концентрируется, а «распыляется».

Пространства регионов-стран в России имеют безусловный культурно-исторический смысл, однако их конкретное выделение «на местности» часто затруднено вследствие вышеотмеченного несовпадения пространственных и культурных параметров регионов, а также феномена континуальности российского геокультурного пространства на макроуровне, что также способствует «распылению» и ослаблению культурных различий.

На Западе регионы-страны нередко объединяются в регионы-субцивилизации (типа Севера и Юга во Франции и

др.). В России же присутствуют только отдельные элементы регионов-субцивилизаций. В таком смысле в России регионы-страны могут быть пространственно эквивалентными таковым на Западе (Север – Юг).

Любопытно, что границы провинций в ряде случаев оказываются похожими на границы современных областей (во всяком случае, сходства между ними больше, чем между провинциями и губерниями, губерниями и областями): Елецкая провинция напоминает Липецкую область, Севская провинция – Брянскую область, Суздальская провинция – Ивановскую область, Тамбовская провинция в большей степени похожа на Тамбовскую область, чем Тамбовская губерния. Существовавшие в 20-е гг. XX в. Северо-Двинская и Череповецкая губернии очень близки Велико-Устюжской и Белозерской провинциям (см.: Готье, 1913). Прослеживается также соответствие между ландшафтными и, по крайней мере, частью культурно-исторических регионов, например: Тамбовская провинция и область достаточно близки Тамбовской равнине (Окско-Донской низменности), Пензенская провинция тяготеет к Керенско-Чембарской возвышенности, Курская губерния – к южной, Орловская область – к центральной части Среднерусской возвышенности, территория древней земли Бежецкий Верх находится на одноименной возвышенности и т.д. В целом представляется, что *с историко-географической точки зрения в Европейской России все же существуют реальные, устойчивые ячейки геокультурного пространства – которые могут считаться «историческими провинциями»* и быть предпосылкой для неформальных регионов.

Представляется необходимым согласиться с обычным мнением краеведов о целесообразности использования термина «край» и о недопустимости «обкомовской» терминологии – использование суффикса «...щина» («Тамбовщина» и т.д.) для обозначения имен территорий. Дело том, что в русском языке (в отличие от украинского) этот суффикс имеет негативный смысл (см., например: Евгенов, 1967).

2.2. Историко-географические границы в Европейской России и современная региональная идентичность

Интересно, что исторически понятие «граница» (в культурно-географическом смысле) является достаточно поздним в ряду понятий пространственной самоидентификации. О.Н. Трубачев (1997, с. 146-147) писал: «...понятия «граница, пограничный» – очень поздние категории межэтнических отношений. На раннеплеменной стадии настоящих границ не знали, соблюдали самобытность и самодостаточность племени, обходясь без границ в нашем понимании. Так было у разных народов. Например, у немцев сначала имелось, пожалуй, только обозначение и понятие окраинной, пограничной области – *Mark*, специальное же название границы *Grenze* они заимствовали на Востоке у славян. Но и славянское слово **graniza* развило свое ныне преобладающее значение не сразу, первоначально слово значило «ветка», «куча веток, пучок веток».

Такой роли границы соответствует представление о приоритете культуры, в частности местного патриотизма над собственно пространством и о необходимости учета не только границ, сопряженных с пространством, но также и различных культурологических границ и их проекций на чисто пространственные границы.

Социокультурные и исторические границы в Европейской России и РИ.

Формирование РИ связано с существованием своих собственных (связанных с идентичностью) *ядер* и *границ*, а также с существованием культурно-исторических *границ* вообще. При этом для РИ ядра всегда объективны, а границы могут быть объективными (в качестве самостоятельного фактора самоидентификации или как внешнее ограничение) либо иметь субъективно-психологический характер.

В целом для Европейской России не характерно существование покрывающей всю ее территорию развитой совокупности устойчивых и (пространственно) линейных культурных (социокультурных, исторических) *границ*. Обычно РИ, как и культур-

ные феномены вообще, более четко выражены здесь в форме *ядер*. Тем не менее, существуют исключения из этого правила. С другой стороны, сами ядра могут объединяться в районы с относительно четкими, хотя и не всегда линейными, *границами*. Рассмотрим более подробно случаи соотношения РИ и границ.

Исходным здесь является высказанный нами ранее тезис о том, что формирование РИ может быть представлено как взаимодействие *двух начал* (см.: Крылов, 2001): 1) *самосознания*, идентификации с *малой родиной* («пространственно-региональный эквивалент» и границы которой априори не очевидны) и 2) региональной структурной *расчлененности* геопространства.

Первое из названных начал тяготеет к городам, но является – в рамках мезо- и локального уровней, скорее всего, безразмерным. Будучи безразмерным, оно «пытается» *заполнить* «готовые» *структуры и ячейки пространства, связанные с его расчлененностью*. Кроме того, это начало отражает *черты* сопряженного с ним *культурного субстрата, включая его пространственную неоднородность*. В последнем случае может наблюдаться тяготение к границам различных великорусских говоров; об этом писал еще Н.И. Костомаров (1995 А, с. 435-436). Сложность здесь заключается в пространственной неустойчивости получаемых по данному критерию ядер и границ, поскольку с филологической точки зрения возможно придание неодинаковой значимости для разных черт, определяющих специфику произношения. В рамках выделяемых территорий по общности наречий возможны социокультурные барьеры. Например, согласно П.В. Акульшину, В.А. Пылькину (2000, с. 122), существовал барьер между «рязанскими» и «тамбовскими», связанный с «различиями в социально-экономическом, политическом и психологическом облике населения двух соседних губерний». Однако северная граница распространения южнорусского диалекта (куда включается и рязанское наречие) совпадает с границей т.н. «красного пояса» и является более значимым социокультурным и политико-географическим барьером, чем граница между «тамбовскими» и «рязанскими». П.В. Акульшин, В.А. Пылькин так резюмируют свою книгу: «...как

и их предки, значительная часть населения Рязанской и Тамбовской губерний находится в оппозиции к «реформаторским» мерам центральной власти».

Расчлененность геопространства в Европейской России характеризуется рядом специфических особенностей. К ним относится парадоксальное сочетание *структурированной* (на мезо- и макроуровнях) *континуальности* с рядом довольно *резких* и устойчивых *рубежей*.

Структурированная континуальность – это явление социокультурной *докучаевской* (юг – север) и *тюненовской* (вокруг центров) *зональности*. Наряду с этими «объективными» рубежами, к структурированной континуальности относятся различные *субъективные, ментальные рубежи*, число которых расширяется по мере актуализации в исторической памяти ныне формально не существующих административных границ – границ бывших княжеств, бывших провинций, бывших губерний (например, старые московско-рязанская вблизи Зарайска и тамбовско-орловская границы между Липецком и Ельцом, устюжско-череповецковологодская и залесско-ярославская границы – о последней см.: Белобородова, 1999), границы упраздненных советских областей (Балашовской, отчасти Арзамасской области). Наряду с этим, происходит корректировка административных границ в направлении учета неформальных регионов, например, Алексин в сознании его жителей частично отделился от Тульского края, в результате давления Москвы и наличия множества черт подобия с Калужским краем.

К числу *объективных устойчивых рубежей* относятся следующие.

Во-первых, это *линия раздела Севера и Юга Европейской России*, совпадающая с «*Главным ландшафтным рубежом Русской равнины – Полосой полесий*», по Ф.Н. Милькову, к которой в тенденции тяготеет фундаментальная линия раздела между южными и северными славянами, по акад. В.В. Седову (более древнего, чем разделение славян на восточных, западных и южных). Такой раздел практически совпадает с обычно эмпирически фиксируемым раз-

делением Юга и Севера по р. Оке, в том числе с зафиксированным нами в 2002 г. нахождением рубежа «Север – Юг» между Нижним Новгородом и Арзамасом. Этот рубеж, по-видимому, проявлялся во времена гражданской войны как рубеж красных и белых, сейчас – это граница «красного пояса». Следует высказать несогласие с распространенным, например, в политологической литературе, мнением о том, что Юг – это крепостничество, а Север – это его отсутствие (как бы по аналогии с Югом и Севером в США). Например, в середине XIX в., по данным В.П. Семенова-Тян-Шанского, в Среднерусской Черноземной области преобладание крепостной зависимости (60% и более всех крестьян) было характерно лишь для полосы к *северу* от линии Льгов-Орел-Раненбург-Шацк-Елатьма, а также для Пензенского, Саранского и Кирсановского уездов, соответственно, Пензенской и Тамбовской губерний (Россия, 1902, с. 143). (Параллель проблеме существования разделения Европейской России именно на Север и Юг мы находим в дискуссиях филологов о самостоятельном или же производном характере средне\центральнорусского диалекта (ср.: Трубачев, 1997, с. 93). Жесткости разделения Европейской России на Юг и Север соответствует двучленное деление великорусских говоров на а-кающие и о-кающие).

Во-вторых, обнаруживаются *линейные* границы между современными административными регионами, восходящие ко 2-ой половине XVIII в., например, тамбовско-саратовская, в меньшей степени – тамбовско-пензенская, курско-орловская, отчасти – тамбовско-воронежская граница.

В-третьих, по сути, для всех культурно-исторических ядер существуют разделяющие их – часто не линейные, а линейно-площадные – вполне устойчивые границы.

Нами зафиксировано существование в восприятии населения (через присутствие реликтовой идентичности или же готовности сменить современную пространственную идентичность) *прежних губернских границ* в Борисоглебске и Сердобске (см. главу 6). Прежняя губернская граница здесь фиксируется и визуально – в существенно более южном колорите Новохоперска по сравнению

с Борисоглебском и Сердобска по сравнению с Пензой. А.А. Гриценко (2009) выявил сохранение памяти о границах Орловской, Черниговской, Курской и Воронежской губерний.

В результате совокупного действия указанных обстоятельств культурные границы могут проявляться относительно четко. Однако наибольшее значение при этом имеет существование значительных культурных контрастов между регионами, которые чаще всего являются первичными по отношению к границам. Устойчивость ядер этих регионов, так или иначе, обуславливает устойчивость границ между регионами. Тем не менее, устойчивость границ может быть самостоятельным культурно-историческим фактором.

2.3. Обобщение результатов историко-географического анализа проблемы региональной идентичности в Европейской России

С внешне-поверхностной, статико-морфологической точки зрения специфическая для России система территориального устройства имеет в целом достаточно низкий таксономический статус (для ранга регионов – современных субъектов федерации, советских областей, дореволюционных губерний и т.д.; в историко-культурной пространственной таксономической системе мы используем термин «*регион – ячейка*» – см.: главу 1, п.1.1. и Крылов, 1997). Этот низкий таксономический статус соответствует имеющимся представлениям о весьма незначительной величине региональных и межгородских культурных контрастов в России (традиция М.П. Погодина – С.М. Соловьева). Однако с учетом процессов региональной самоидентификации, в которых проявляется весьма значительная культурная контрастность (что подтверждает традицию Н.И. Костомарова), таксономический статус российских регионов может быть существенно выше: «*регион – страна*», по нашей терминологии (см.: главу 1, п. 1.1. и Крылов, 1997) – что с историко-географической точки зрения соответствует эпохе существования нескольких независимых великих княжеств). При этом концепция «узловости», «полисности»

(в смысле Н.Я.Фроянова – как формы территориального устройства), ранее предлагавшаяся нами для характеристики специфики российских регионов (Крылов, 1997), в свете проведенного исследования (глава 6) является лишь внешней формой структурированности российского геокультурного пространства.

Для региональной самоидентификации важна устойчивость во времени идеи «своего края». Несмотря на множество деструктивных действий, осуществлявшихся столетиями, сущность русской культуры и стереотип поведения людей, ориентированных на малую родину и историческую память, уцелели. Сохранение «объективных» регионов (Рязанской земли), хотя бы с исторически «плавающими» границами, сочеталось с созданием ментальных, «субъективных» регионов.

Через некоторое время после присоединения княжеств-земель к Москве, уничтожавшего в них вечевой строй и стеснявшего личную свободу, «мало-помалу начались делаться шаги к возвращению покоренным областям если далеко не полной былой свободы, то, по крайней мере, некоторого участия жителей в их местном управлении» (Костомаров, 1995 Б, с. 7).

Упомянутое рядом авторов как специфически российский дефект, особенно «внутренних» территорий Европейской России, **совпадение названий регионов с названиями их центров не следует считать признаком «ущербности»** РИ. Такой точке зрения противоречит и уже упоминавшаяся нами (см.: п. 2.1.) реконструкция восприятия «городовых областей» в ставшим централизованным Древнерусском государстве как самодостаточных земель, психологически связанных с людьми (Свердлов, 2003). В рамках этих земель, как пишет М.Б Свердлов, воссоздавались отношения духовной близости между человеком и его местом обитания (там же, с. 583). Для региональной самоидентификации важен дискретный характер формально-административных и, отчасти, неформальных регионов. Название региона менее существенно для этого.

В рамках регионов («краев»), на мезоуровне возникает некоторый оптимум идентификационных взаимодействий, обеспе-

чивающий сочетание изолированности от «внешнего мира» и связности «внутри себя», что необходимо для пространственной рефлексии жителей регионов и для самих регионов как целостностей. Формальные (административные) регионы чаще всего имеют исторические аналоги и содержат неформальную компоненту, более развитую, чем аналогичные компоненты чисто неформальных регионов.

Формальные исторические предпосылки неформальных регионов – Хоперский край – Балашовская область, север Дона (включая территории, отторгнутые после подавления восстания К. Булавина); Муромский край – вхождение в Муромское и Муромо-Рязанское княжества, в отличие от современного областного центра – Владимира.

Структурированность российских ментальных историко-культурных регионов проявляется на фоне внешне доминирующей «узловости» – специфической особенности российского территориального устройства, при которой центры как бы доминируют над «своими» регионами. Для РИ это не всегда существенно. В частности, нельзя считать, что идентичность необластных городов является лишь производной от идентичности центрального города, либо, напротив, вступает с ней в конфликт, особенно, когда центральный город «дает» свое имя всему региону. В прошлом такие конфликты существовали как исключение, например, между Великом Новгородом и Торжком (но, строго говоря, это – исключение, подтверждающее правило: Торжок стремился быть самостоятельным).

Жители Моршанска ощущают себя «тамбовскими» (в смысле безусловной принадлежности к самому региону), «тамбовскими волками» и не чувствуют себя ущемленными из-за того, что имя их региона совпадает с именем центрального города. Так же формируется отношение между Рыбинском и Ярославским, Галичем и Костромским краем (см. главу 6).

Именно в рамках регионов («краев») на мезоуровне наиболее полно реализуется «идея своего края» как особой самобытной территории, проявляется место края в российской истории, не со-

впадающее с местом в истории любого соседнего края (например, очень различно место – не роль – в российской истории Воронежского и Тамбовского края). Для разных поселений в пределах края характерна «разная полнота проявления» различных особенностей этой идеи. Здесь играют роль особенности архитектуры и внешнего облика городов, жизнь известных людей в определенных местах края и т.д. Лишь в рамках края все это приобретает свою собственную, неповторимую целостность, создает особый «интимный» психологический микроклимат. Формируется местная культурная традиция. В разных регионах в разной степени культивируется отношение к своему краю как к особой самобытной территории (например, Тамбов обычно опережает Воронеж). В связи с этим важен *фактор устойчивости границ региона и существования исторических провинций («внешние факторы РИ»)*. В то же время в этих же в основном рамках проявляются другие факторы самоидентификации, для которых устойчивость границ гораздо менее существенна (*это – «внутренние факторы РИ», связанные с «региональным характером» населения и другими местными этнокультурными особенностями, а нередко также с ландшафтно-пейзажным разнообразием*).

Возвращаясь к концепции М.П. Погодина – С.М. Соловьева об однородности природных условий Русской равнины как факторе «аспатиальности» русской культуры, необходимо отметить, что в действительности развитая РИ, хотя она обычно и проявляется в пространственно структурированной (по регионам, городам и т.д.) форме, не обязательно нуждается в существовании структурированного физико-географического геопространства как предпосылки, поскольку основное идентификационное взаимодействие индивидов происходит на локальном и на региональном уровнях, которые безразличны к особенностям Русской равнины как целого. (Однако существование такой структурированности, вопреки М.П. Погодину – С.М. Соловьеву, допустим, в форме нередко встречающегося соответствия между регионами Европейской России и определенными ландшафтными единицами, безусловно, стимулирует идентичность). *Континуальное физико-географическое*

геопространство не является препятствием для формирования *дискретного*, в той или иной степени, геокультурного пространства («структурированной континуальности» – см. п. 2.2.) как некоторой производной размещения административных, исторических и культурных границ, нахождения местных говоров и т.д. Дополнительным фактором здесь является дискретность существующих формально-административных границ и устойчивость их части во времени (например, тамбовско-саратовской, в несколько меньшей степени – тамбовско-пензенской границы – см. п. 2.2.). В результате такого рода «структурированная континуальность» может актуализироваться в ментальное *дискретное* геокультурное пространство. *Мы, однако, не согласны с самой логикой С.М. Соловьева, которая заключается в том, что однородное (или, по крайней мере, континуальное) пространство «порождает» однородное и поэтому не сопряженное с развитым местным самосознанием геокультурное пространство.*

Таким образом, в Европейской России общеизвестные элементы однородности и континуальности ландшафтного и культурного пространства сочетаются с чертами контрастности и дискретности. Эти черты играют роль своеобразных «реперных точек», существенно облегчающих возникновение ментальных регионов, которые обладают значительными чертами контрастности и тем самым приближаются к историческим провинциям, характерным для Запада, не смотря на различие в генезисе и меньшей степени их структурированности в России.

С этих позиций основным препятствием для современной укорененности и структурированности может являться мировоззрение современных людей, а не внешние формы упорядоченности природы и общества, которые являются фактором второго порядка. В целом структурированность может быть как одной из предпосылок, так и следствием развитой РИ.

Очень важным фактором превращения «структурированной континуальности» в дискретные историко-культурные регионы («края») является местная культурная (прежде всего – краеведческая) традиция. Здесь интересно сравнение экономически

преуспевающей, но проблематичной с культурно-исторической и историко-географической точек зрения Липецкой области с соседней Тамбовской областью, в условиях современных «правил игры» экономически менее успешной, но несомненной как культурный феномен. (Напомним, что до 1928 г. Липецк и ряд других городов области входили в состав Тамбовской губернии; в целом же Липецкая область, с исторической точки зрения, состоит из кусков четырех губерний: Тамбовской, Орловской, Рязанской, Воронежской). Особенностью Липецкой области оказывается существенно более активная роль пространственной самоидентификации и относительная узость местного патриотизма, также ослабленность *пространственной консолидации («самоотчуждение» Елецкого края в рамках Липецкой области – достаточно очевидное с историко-географической точки зрения – было подтверждено экспериментально – см. главы 5 и 6).*

Глава третья

ОСНОВНЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОЦИОГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Как уже отмечалось нами, под региональной идентичностью (РИ) понимается системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «**малая родина**», которое является логически исходным. Указание на «региональность» здесь обусловлено системным своеобразием данных отношений, а не приоритетом «региона» по отношению к городу или сельскому поселению. *Город* является фокусом многих социальных и культурных отношений, и *городская* идентичность тесно связана с *региональной*, часто неотделима от нее (допустим, идентичность по отношению к городу Мурому и идентичность по отношению к Муромскому краю). *Город* как ядро территории представляет собой основную арену региональной самоидентификации, место, где фокусируются и замыкаются местные связи, «все люди на виду», и каждый индивид реально может ощущать себя членом местной общности, в то время как собственно «*регион*» обеспечивает элемент социокультурной и психологической самодостаточности и, тем самым, своеобразной комфортности, чему соответствует внешнее «отгорожение» от внешнего мира – обязательное условие пространственной рефлексии. Таким образом, город (населенные пункты) и регион – два равнозначных «полюса» РИ.

Об изучении региональной идентичности в России

Существование значительных культурных контрастов является предпосылкой, но не тождественно собственно РИ. Можно одновременно ощущать свою самобытность и именно в связи с этим испытывать комплекс неполноценности, стремление утратить или, по крайней мере, не афишировать идентичность.

В условиях преодоления «гемайншафта» (по Ф. Теннису) возникает несовпадение местного сообщества и РИ (в то же время уменьшается различие между местным и этноцивилизационным

самосознанием, местное самосознание становится его локальным эквивалентом).

При глобализации, напротив, в тенденции могут слабо проявляться этноцивилизационный и макрорегиональный уровни идентификации, при сохранении пространственно полярных уровней «гражданина Земли» и, допустим, «гражданина Арбата» – обычно упоминаемая «матрешка идентичностей» исчезает.

Чувство гордости за свой край, сопричастности в принципе может быть основано на ощущении того, что «мы – такие, как все» (или даже такие, как «надо» – это «социалистический местный патриотизм», идею которого пытались закрепить, в частности, новыми советскими гербами с шестеренками, колбами и т.п.). Но оно же может быть основано на том, что «мы – не (совсем) такие, как все», на чувстве гордости за «славную (в том числе досоветскую) историю своего края», за его природу или же быть априорной, альтруистичной – любовь не за что-либо конкретное, а «за то, что здесь родились и выросли». Образцы здесь задают стиль мышления, этика *краеведов* и *интересующихся краеведением* (как внешне наиболее выраженной активной части *местного культурного* сообщества). Достаточно очевидно, что с позиций советской идеологии изучение данного круга вопросов было более чем проблематичным и, хотя реальные феномены существовали, с научных позиций, как правило, они не рассматривались. В настоящее время это обстоятельство создает видимость отсутствия феномена региональной идентичности в недавнем прошлом нашей страны и определяет появление позиции о формировании российской региональной идентичности лишь после 1992 г.

В опыте изучения современной российской (по некоторым конкретным регионам Европейской России) РИ (Кувенева, Манаков, 2003; Белобородова, 1999) доминирует пространственная составляющая, большее внимание уделяется культурно-географическим границам, а не ядрам, хотя и накоплен определенный эмпирический материал. Неизвестными остались социокультурные механизмы РИ – ее «внутренняя энергетика» и возможность оценки РИ – как развитой, нормальной или ослабленной. Культурные

границы рассматривались в отрыве от процессов самоидентификации как априорные историко-географические данности.

В ряде работ ВЦИОМ (в Архиве ВЦИОМ Л.Б. Косовой нам любезно были предоставлены материалы, лишь частично представленные в публикациях) присутствуют отдельные элементы проблемы РИ, которые в целом могут характеризовать эту проблему лишь фрагментарно. Это связано, во-первых, с узостью с точки зрения региональной идентичности спектра предлагавшихся респондентам вопросов (часто это вообще был один вопрос) и невозможностью проследить причинно-следственные и иные связи внутри РИ как сложного феномена; во-вторых, с искусственностью формулировок вопросов, адресованных респондентам, которые были построены без «глубинного погружения» в проблему региональной идентичности; в-третьих, с отсутствием интереса ВЦИОМ к получению регионально репрезентативных результатов (с отказом от попыток сравнивать соседние регионы, отдельные города внутри региона, выделять репрезентативные, в том или ином смысле, регионы, разрабатывать систему показателей для региона). Но как же изучать региональную идентичность в рамках регионально не репрезентативных выборок?! В-четвертых, со стремлением получить ответы в форме рангов предпочтения локальных или региональных ценностей, которые обычно противопоставлялись.

В итоге, в подходах социологов заведомо многомерные отношения человека и окружающего мира сводились к одномерным – «плоскостным» или даже «линейным». Предполагается, что чем больше человек связан с малой родиной, тем он меньше связан со всем остальным (ср.: «ты кого больше любишь, маму и папу?» – об этом упоминалось выше, в теоретико-культурологическом контексте – см. главу 1, п. 1.4.). Респондентами в такой ситуации очень часто отдается предпочтение локальному уровню – как более определенному с бытовой точки зрения. В то же время, при интерпретации массовых опросов довольно легко может быть получен неправомерный вывод о предпочтении региональной идентичности по отношению к российской.

Региональная и российская идентичности противопоставляются, например, в исследовании российской идентичности (Российская идентичность, 2004), проведенной Среднерусским консалтинговым центром (г.Владимир) при поддержке Фонда им. Эберта (опрошено 2814 чел.). Доля выделенных социологами «регионалов» и «россиян», по результатам опросов, приблизительно одинаковая, при этом позитивное отношение к малой родине, местный патриотизм и укорененность трактуются скорее негативно – «как замкнутость в своем регионе» (в группе «регионалов» 64% респондентов навсегда хотело бы остаться в своих регионах, в то же время в группе более мобильных «россиян» их доля составляет 56% , и, таким образом, различие между «россиянами» и «регионалами» мало существенно). В несколько иной редакции описанный подход применен в РОМИР-мониторинге», данные которого были интерпретированы как доминирование в России малой Родины над большой Родиной (45% против 30%; Костиков, 2005). Противопоставляются разные пространственные уровни самоидентификации в статье И.С. Семененко (2003).

Постановка задачи исследования региональной идентичности. Формализация. Модельный полигон

В 2001-2004 гг., а также в 2008 г. нами проводилось исследование проблемы российской РИ в пределах исторического ядра Европейской России – там, где существование РИ нередко отрицается (например, Мурзина, 2004). Устойчивые представления о существовании этого «ядра» (синонимы: «коренная», «центральная» Россия, «внутренние губернии») сложились к первой половине XIX в. как на уровне общественного сознания, так и в обыходе государственных инстанций: «Обычно внутренняя Россия мыслилась как круг с центром в Москве... На крайних орбитах непосредственного московского тяготения находились Нижний Новгород, Воронеж, Смоленск, Вологда. Очерченное таким образом пространство составляло особый, функционально значимый регион империи, обладавший своим историческим, этническим, геополитическим, природным и экономическим характером» (Горизонтов, 2001).

Нами была разработана *система показателей*, описывающая феномен российской РИ с точки зрения степени его «развитости» («силы») и с точки зрения его выраженности и распространения в пространстве. По нашей программе были проведены **массовые опросы** (всего 3050 респондентов, в 2001 – 2003 гг.) привлеченными специализированными социологическими организациям. Выборки – квотные, обуславливающие репрезентативность по полу и возрасту в каждой географической точке опроса. Метод опроса – личное интервью.

По Вологодской области обследование было проведено в марте 2002 г. Вологодским НКЦ ЦЭМИ РАН (К.А. Гулин) – 1500 респондентов, в том числе – г. Вологда – 325, г. Череповец – 383, районы – 792 (г.Кириллов – 116, г. Великий Устюг – 59, г.Грязовец – 73, пос. Бабаево – 117, пос. Шексна – 131).

По Воронежской области обследование было проведено в декабре 2002 г. Институтом общественного мнения «Квалитас» (г. Воронеж; Н.А. и А.Л. Романович) – 300 респондентов, в том числе г. Воронеж – 150, г. Семилуки – 80, сельская местность – 70.

По Ярославской и Костромской областям обследование было проведено в сентябре – октябре 2003 г. Исследовательской компанией «Социс» (г. Ярославль; Р.А. Оглоблин) – 1250 респондентов, в том числе г. Ярославль – 450, г. Кострома – 400, г. Рыбинск – 100, г. Тутаев – 100, сельская местность в Ярославской области – 100, сельская местность в Костромской области – 100.

Кроме того, ТверьЦИОМ (Е.М. Смирнов) любезно предоставил нам информацию по г. Тверь (некоторые из наших вопросов были включены в программу мониторинга в ноябре 2001 г.; вероятностно-квотная репрезентативная трехступенчатая выборка семей, личное интервью, объем 510).

Изученные ареалы являются репрезентативными для исторического ядра Европейской России. В рамках совокупности этих ареалов хорошо выражены природно-хозяйственная и *социоприродная (докучаевская)* зональность, градиент Север – Центр – Юг, с которым сопряжены пространственные волны заселения и освоения территорий, расселение южновеликоруссов и северове-

ликоруссов и выражено социально-экономическое расстояние от Москвы, *тюненовская (социогенная)* зональность. В состав данных ареалов включены населенные пункты разного функционального типа, разным историческим, культурным и архитектурным «лицом», разного возраста, разной людности и с разными темпами социально-хозяйственной эволюции, в разной степени сохранившие исторический облик.

В 2001 – 2004 гг. было проведено **анкетирование экспертов** в Воронеже, Нижнем Новгороде, Ярославле, Галиче, Череповце, Костроме, Муроме, Арзамасе, Тамбове, Мичуринске, Моршанске, Ельце, Балашове, Борисоглебске, Новохоперске, Пензе, Нижнем Ломове, Сердобске, Алексине, Богородицке, Новомосковске, Плавске главным образом на базе библиотек, школ, вузов, СМИ, местных администраций при активной помощи заинтересованных сотрудников (всего – 800 анкет, допускающих качественно-количественный анализ). В качестве экспертов выступали активно интересующиеся местными проблемами краеведы, журналисты, преподаватели, студенты и школьники, работники библиотек и музеев и др. Информация, получаемая от экспертов, считалась дополнительной по отношению к информации, получаемой при массовых опросах (более детальное обсуждение открытых вопросов, особенно в средних и малых городах). Перефразируя известную фразу из «Обыкновенного чуда» Е.Л. Шварца, можно сказать, что при анкетировании экспертов выясняется мнение об «охоте» самих «охотников», в то время, как при массовых опросах выясняется мнение об «охоте» представителей разных слоев населения, которые в основной своей массе «охотниками» не являются.

Описание анкеты для массовых опросов и для экспертов.

Анкета для **массовых опросов** содержит восемь основных блоков.

Блок «малая родина».

«Считаете ли Вы себя местным?»

«Есть ли у Вас место, к которому Вы особенно привязаны и которое считаете своей малой Родиной?»

«Если бы у вас была возможность выбирать, в каком городе жить, то выбрали бы Вы населенный пункт, в котором проживаете?»

Блок «российский патриотизм».

«Очень ли важно ли для Вас ощущать свою принадлежность к России?»

Варианты ответов:

«да, Россия – моя Родина, и я ею горжусь»;

«да, я не смог бы жить в другой стране»;

«нет, я хотел бы жить в другой стране, но не имею возможности эмигрировать» – т.е. пассивное желание эмигрировать;

«я думаю о переезде в другую страну» – активное желание эмигрировать.

Блок «пространственная ориентация».

«Что Вы называете, прежде всего, при рассказе о себе в неформальной беседе (не при устройстве на работу)?»

Варианты ответа:

«населенный пункт, где я живу»;

«область, где я живу», «откуда я родом»;

«свою национальность»;

«образование»;

«место работы», «должность, профессию».

«Что Вы ответите, если Вас спросят, откуда Вы?»

Варианты ответа:

«населенный пункт, откуда я родом»;

«населенный пункт, где я живу»;

«область, где я живу»;

«часть России, откуда я родом»;

«часть России, где я живу»;

«в православном мире, на исконно русской территории».

Блок «генеалогия».

«Если Вы местный, то сколько поколений Ваших предков здесь жило?»;

«Кто из Ваших предков здесь (недалеко) похоронен?»;

«Знаете ли Вы места рождения своих предков (два и более поколения назад)?»;

«Назовите места рождения своих предков, хотя бы приблизительно».

Блок «высказывания, поговорки».

«Субэтничность»:

«Согласны ли вы с утверждением: «нужно сделать все возможное для сохранения местных различий в говорах, особенностях поведения, питания и т.д.»? (заимствовано у ФОМ, с нашими дополнениями. Следует обратить внимание, что это не констатация реально наблюдаемых различий, а ценностная установка);

«Согласны ли Вы с утверждением: «нужно сделать все возможное, чтобы сохранить различия в специфике архитектуры, внешнего облика городов?»;

«Одобряете ли Вы деятельность общественных объединений по защите окружающей среды и культурного наследия?»

Поговорки-индикаторы:

«Согласны ли Вы со следующими утверждениями: «где бы ни жить, только б сыту быть», «с родной земли умри, не сходи» (по З.В. Сикевич, 1996, с нашими уточнениями – поговорки **не** рассматриваются как альтернативные), «бедность – не порок» (по З.В. Сикевич, 1996) («внеэкономизм мышления» как русская антитеза протестантской этики; необходимо отметить, что с позиций РИ наличие взаимопонимания в отношении «бытового меркантилизма» всегда важно).

Блок «родной город, край».

«Согласны ли Вы, что место Вашего проживания исторически относится к ... краю?»;

«Знаете ли Вы старинный герб Вашего города?»;

«Любите ли Вы населенный пункт, край, где Вы живете?»;
«Если (не) любите, то за что?»).

Блок «общинность».

«Сколько приблизительно человек Вы знаете в лицо в Вашем населенном пункте?»;

«С каким количеством человек в Вашем населенном пункте Вы здороваетесь; общаетесь?»;

«Читаете ли Вы местную прессу (постоянно, периодически, очень редко, никогда?)»

Блок «своя местность и соседние территории».

«Отличаются ли жители Вашей местности от жителей других территорий? – они лучше (хуже, затрудняюсь ответить)»;

«Становятся ли жители Вашей местности, территории, населенного пункта (черты характера, быта, историческое прошлое) предметом насмешек жителей других территорий?»;

«Какие прозвища дают Вам жители других территорий?»;

«О жителях каких соседних территорий, населенных пунктов Вы знаете высказывания, насмешки, прозвища (какие именно)?»;

«Ощущаете ли Вы давление, конкуренцию со стороны жителей близлежащих территорий? Каких именно?»;

«На информацию по телевизору, радио или в газетах о каких населенных пунктах (и почему) Вы обращаете внимание (по России, но без Чечни)?»

Таким образом, анкета включает аспекты собственно пространства (уровни населенного пункта, историко-культурного региона, России), аспекты отношения к пространству (самоидентификация как «местного», самоотнесение с «малой родиной», отношение территориальной и экстерриториальной идентификации), аспекты связности людей в пространстве, аспекты отношения к соседям в пространстве, аспекты «энергетики» – «силы идентичности» (в разных аспектах и по отношению к разным пространственным уровням).

Была также разработана **анкета для экспертов**. Эта анкета в целом напоминает анкету для массовых опросов. В анкете для экспертов более подробно фигурируют *открытые* вопросы, но отсутствует часть *закрытых* вопросов. Следует отметить существенно большую результативность опросов экспертов для малых, средних и небольших областных городов *по сравнению с крупными городами* (Воронеж, Нижний Новгород, Ярославль) с точки зрения собираемости и, особенно, результативности (информативности). Более информативны анкеты для экспертов (*по сравнению с массовыми опросами*) для знания пространственной

самоидентификации населения и качественной подоплеку различных специфических нюансов «отношения к соседям (соседним регионам)», для характеристики местных образов и символов, отношения к местному культурному ландшафту, а также для понимания мировоззрения индивидов и их групп, а также «духа места». В свою очередь, массовые опросы дают более точную, представленную в количественной форме информацию для конкретных территорий об отношении людей к своему местообитанию и к России, о местном и российском патриотизме, о наличии «давления со стороны соседних территорий». «Малая родина и генеалогия», «Родной город, край» включает дополнительный вопрос: «Какой город Вы считаете центральным для той местности, где Вы проживаете (например, для Тамбовского края таким центром может считаться Тамбов, Москва или Воронеж). Кроме того, помимо вопроса о традиционном (историческом) отнесении места проживания к тому или иному краю, включен вопрос о принадлежности к «пензенским», «саратовским», «тамбовским», «хоперским», «жителям Поволжья» и т.д. Можно считать, что проживаешь в Тамбовском крае и не считаешь себя «тамбовским». Вероятен случай, когда считают, что живут в Черноземном крае и считают себя «тамбовскими». Включены вопросы о конкретном (альтернативном существующему) городе для проживания, например: «Чем этот город (населенный пункт) лучше Вашего?» Также дополнительно задавались вопросы о знании местных достопримечательностей (каких?) – здесь в ответах могут быть и отдельные здания, и улицы в целом, и города в целом, также природные объекты и др. – особо о знании музеев в своем населенном пункте; о времени основания своего населенного пункта и др. Эксперты иногда называли малой родиной Россию в целом или же отдельную часть города.

«Своя местность и соседние территории», с дополнительным включением вопроса: «Не замечали ли Вы попытки присвоить достижения Вашей территории, в том числе память о Ваших знаменитых земляках, вашими соседями в других регионах, городах, населенных пунктах?»

По результатам анкетирования, среди тамбовских краеведов распространены претензии к Липецкой энциклопедии, в которой не упомянуто вхождение Липецка и Лебедяни в состав Тамбовской губернии, а в Ельце – к Воронежу и Тамбову – «попытки присвоения памяти» о И.А. Бунине и Е.И. Замятине. В 2001 г. в Тамбове был заложен камень в основание будущего памятника флотоводцу Ф. Ушакову, главе Тамбовского ополчения в 1812 г. – «в пику» ныне существующему памятнику в Саранске. Ф. Ушаков жил вблизи г. Темникова, бывшей Тамбовской губ. (ныне Республика Мордовия), похоронен там же, в Санаксарском монастыре. Однако власти Мордовии проявляют здесь существенно большую активность.

Ряд вопросов носит специфически региональный характер. Для Тамбовской и соседних областей введены вопросы об отношении к известным, однако понимаемым (и воспринимаемым) неоднозначно **региональным символам и образам**: «Как Вы понимаете выражение «тамбовский волк?»»; «Знаете ли Вы подобные высказывания о туляках?», «Каково Ваше отношение к распространенному пониманию Тамбова (Пензы) как синонима глубинки, глуши, провинции, глубокой периферии», а также об отношении к анекдотам об Урюпинске. Были введены также вопросы, связанные с реакцией на **возможное изменение административно-территориального устройства**. Для Костромской области был введен вопрос о гипотетическом присоединении ее к Ярославской области, для Тамбовской области о возможном объединении с Липецкой областью с центром в Тамбове или Липецке, для Пензенской – об объединении с Тамбовской, Саратовской или Самарской областью.

Обе анкеты, как представляется, дают возможность всесторонне охарактеризовать феномен РИ в целом. Сам подбор вопросов в анкете призван стимулировать интерес анкетированного и к проблеме РИ, и к анкете. Полнота отражения проблемы региональной идентичности в анкете должна создавать впечатление о наличии у исследователя развитой, продуманной и по возможности соответствующей мировоззрению анкетированных концепции (при ко-

торой разговор исследователя и анкетированного ведется «на одном языке»). Представляется, что успешности работы во многом способствовало дистанцирование автора от экономических и, в особенности, от политических и электоральных проблем, которые в последние годы вызывают активное отторжение у населения (хотя многие политологи, напротив, активно пытаются включить проблематику региональной идентичности в орбиту своих интересов).

Основная часть информации собрана автором на основе письменного анкетирования. Устное интервьюирование носило эпизодический характер. Крайне редко (лишь в случае двух анкет) автору сообщалось мнение о негативном отношении к его исследовательскому подходу, в частности, в связи с акцентом на понятии «местный» (житель), в чем усматривалась, очевидно, некая нормативная заданность, своего рода «моральное ущемление» неместных. Между тем, идентификация себя как местного или неместного – важнейший исходный этап региональной самоидентификации, самоопределения самих жителей территории (другое дело, что у кого-то могли возникать неприятные «полицейские» ассоциации).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ**

Глава четвертая

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФОКУС РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Автором было обосновано культурное триединство региональной идентичности местных общностей (по материалам модельного полигона).

РИ – феномен, «пронизывающий» все стороны жизни общества. В таком смысле РИ – индикатор его социокультурного состояния, которое проявляется и через РИ. В рамках предлагаемой критериальной системы, на материалах массовых опросов были выявлены три автономные ракурса (аспекта) РИ, по-разному характеризующие отношение общества к традиции и своеобразно размещающиеся в геопространстве, с иными отношениями центра и периферии и во многом иным их расположением, чем в большинстве наблюдаемых социально-экономических процессах.

Ракурсы РИ были названы: **транстрадиционная (transtraditional)**, **традиционалистская (traditionalist)**, **надтрадиционная (supratraditional) идентичности**. Термин «транстрадиционный» означает: выходящий за рамки традиционализма, но не порывающий с традицией, а развивающий ее («транс...» - здесь означает сквозной); надтрадиционный – выходящий за рамки традиции.

Для обобщения данных массовых опросов автором предложен **интегральный индекс РИ местных общностей:**

$$I = \{[R - m_1 - m_2] + [(U_1 + U_2) : 2]\} : 2,$$

где I – интегральный индекс, R – доля респондентов, которые гордятся Россией, m_1 – доля респондентов, которые всю жизнь прожили на одном месте и не стали местными и не испытывают привязанности к какой-либо местности, m_2 – доля желающих эмигрировать из России, U_1 – доля согласных с поговоркой «с родной земли умри – не сходи», U_2 – доля несогласных с поговоркой «где ни жить – лишь бы сыту быть» (все – в %%).

Значения интегрального индекса по отдельным городам обнаружили значительную связь с такой существенной характеристи-

кой РИ, как «любовь к городу, краю», где проживают респонденты ($R_s=0,75$). Для связи с выбором своего поселения в гипотетической ситуации $R_s=0,65$. *Интегральный индекс совмещает функции характеристики местного патриотизма и силы РИ вообще и может быть рассмотрен как характеристика качества РИ, но он не учитывает пространственную самоидентификацию и надтрадиционную РИ.*

К *транстрадиционной РИ* относятся характеристики любви к родному городу, краю; российского патриотизма; отношения к поговоркам «с родной земли умри – не сходи», «где ни жить – лишь бы сыту быть». Культурный смысл этих поговорок во многом различен. Показатель согласия с первой из указанных поговорок мы назвали «*природным патриотизмом*»; гипотетически – это индикатор сохранения ядра *традиционной культуры*. Показатель несогласия со второй поговоркой назван автором «*просвещенным патриотизмом*». «Просвещенный патриотизм» – важный индикатор *соответствия региональной идентичности модернизации (и возможный интегральный показатель РИ)*. «Природный патриотизм» отражает позицию, связанную с однозначным преимуществом укорененности над мобильностью. В то же время, «просвещенный патриотизм» ориентирует индивидов на разумный синтез укорененности и мобильности, с преобладанием укорененности над мобильностью лишь в «конечном счете», при допущении элемента выбора. Отсюда – различие акцентов этих индикаторов: природного патриотизма на традицию, просвещенного патриотизма – на модернизацию.

Об акцентах природного патриотизма на традицию и просвещенного патриотизма на модернизацию свидетельствует также, помимо культурного смысла использованных индикаторов, анализ полученных эмпирических данных по модельному полигону. Это – *ослабление* природного патриотизма при повышении уровня образования (+52,1%); (+48,4%); (+36,3%), при одновременном *усилении* просвещенного патриотизма (-8,8%); (-6,2%); (+21,2%) (данные по Вологодской обл.; именование градаций образования (см.табл.2). Показатель просвещенного патриотизма значительно

меньше связан с показателем любви к своему городу, краю ($R_s = +0,46$), чем интегральный индекс РИ.

Интегральный индекс РИ относится к транстрадиционной РИ, наиболее существенной для характеристики РИ в целом.

В состав *традиционалистской РИ* входят характеристики «субэтничности» и «внеэкономизма мышления», коррелирующие между собой ($R_s = 0,65$). Сила идентичности по этим показателям убывает с ростом уровня образования (табл.2). Интересно, что традиционалистская РИ почти не связана с транстрадиционной по показателям интегрального индекса ($R_s = +0,1$); любви к своему краю ($R_s = -0,08$); российского патриотизма ($R_s = +0,20$).

Надтрадиционная РИ носит «футуристический» характер и в рамках модельного полигона четко проявляется лишь в Вологодской и Ярославской областях. Она возрастает с повышением уровня образования (табл. 2) и самооценки доходов респондентов, а также с размерами города в рамках каждой из областей (табл. 1), и внешне проявляется в чувстве превосходства над своими более бедными и менее образованными соседями. В рамках *надтрадиционной РИ* получает подтверждение гипотеза (Пантин, Лапкин, 2004) о формировании в современной России некоей новой РИ на базе крупнейших городов и наиболее образованных и богатых слоев населения. Ее связь с выбором своего населенного пункта в гипотетической ситуации ($R_s = +0,61$) близка к аналогичной связи интегрального индекса РИ ($R_s = 0,65$), который с надтрадиционной РИ мало связан ($R_s = +0,19$). Это, очевидно, является проявлением приблизительного «равенства сил» традиции и **футуризма** в рамках модельного полигона.

Футуризм надтрадиционной РИ проявляется и в отсутствии связи или в слабой связи с другими ракурсами РИ. Примеры: связь надтрадиционной РИ с показателями традиционалистской РИ ($R_s = -0,50$); природного патриотизма ($R_s = -0,27$); российского патриотизма ($R_s = +0,17$); показателем любви к своему краю ($R_s = +0,03$); просвещенного патриотизма ($R_s = +0,35$). Таким образом, *связь надтрадиционной РИ с «застойной» традицией еще слабее, чем с развивающейся традицией; у надтрадиционной РИ есть эле-*

мент связи с модернизацией, но нет связи с ядром традиционной культуры.

В Костромской области для надтрадиционной РИ была зафиксирована *обратная* зависимость с уровнями образования и доходов (см. табл. 2). В случае обратной зависимости в Костромской области следует говорить об **инверсии**, поскольку для этой территории зафиксированы элементы «*комплекса неполноценности*», обусловленные соседством Костромы с более динамичным Ярославем (см. п. 6.3). В Воронежской области данный феномен не представлен. Возможные причины этого – «нейтрализующая роль традиции», а также *повышенная «региональная самокритичность»*, фиксируемая на юге исторического ядра России в массовых опросах, а также в группах экспертов.

Надтрадиционная РИ хорошо вписывается в идеи о прогрессе как о росте автономии по отношению к среде (Мельянцев, 1996), о «сетевом обществе», не связанном с традицией предшествующего развития (Покровский, 2003; Кастельс, Киселева, 2000), об исчерпании роли факторов истории и географии в обществе всеобщей мобильности будущего (Тоффлер, 1997), о таких чертах нового гражданина-космополита, как ироничная дистанцированность от собственной культуры и «новый номадизм» (Turner, Rojek, 2001). В то же время, *транстрадиционная* РИ соответствует идее сохранения преемственности в развитии, развитию как идиоадаптации или прогресса, по Н.Я. Данилевскому (1991, с. 87; с. 112–113).

Транстрадиционная РИ (интегральный индекс) уже по определению сопряжена с сохраняющимся ядром традиционной культуры=природным патриотизмом (при $R_s = +0,51$); но она не связана с традиционалистской культурой ($R_s = +0,06$). Еще более существенно, что по эмпирическим данным, **ядро традиционной культуры (природный патриотизм) слабо связано с традиционалистской РИ** ($R_s = +0,23$), хотя вероятность этого далеко не очевидна. Уровни развития природного патриотизма и традиционалистской РИ совпадают или близки в Твери, Семилуках, Вологде, Грязовце, Вожеге, Шексне (с точки зрения их рангов), однако, очень сильно отличаются в Великом Устюге, Кириллове, Рыбин-

ске (большее развитие природного патриотизма), Череповце, Костроме, Тутаеве, Бабаеве (большее развитие традиционализма).

Также интересно несоответствие, в рамках РИ, модернизации и «сетевого общества» – они относятся к разным ракурсам и идентичностям.

Транстрадиционная и традиционалистская культуры могут быть рассмотрены как формы проявления культуры укорененности; при этом традиционалистской культуре соответствует пространственный «партикуляризм» как наименее динамичная ее составляющая.

В надтрадиционной культуре отчасти теряется дополнительность (и гармоничность) укорененности и мобильности – укорененность в этой культуре в значительной степени есть лишь временный пространственный базис для сиюминутных проявлений мобильности. Тем не менее, надтрадиционная культура продуцирует идентичность и чувство привязанности к месту, но это чувство является узко рациональным, эгоистичным (она связана не с «любовью», а с «выбором»).

Транстрадиционная и надтрадиционная РИ в достаточно явном виде сопряжены с определенными формами потенциальной или актуальной активности (поговорки-индикаторы природного и просвещенного патриотизма сопряжены именно с активностью) и в значительной степени сводятся к местному патриотизму. Это важно отметить в связи с доминирующими сейчас представлениями о связи с активностью лишь пространственной мобильности.

Несмотря на то, что эти культуры базируются на разных ценностях, они объединяются на основе преобладающей самоидентификации как «местного».

Каждая из трех культур-идентичностей характеризуется своим императивом, хорошо формулируемым в терминах местного патриотизма.

Надтрадиционная – «мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, «продвинутые» – поэтому я выбираю тот город, где я живу». **Транстрадиционная** – «мы любим свою землю, наш край, потому что это – наша земля». **Традиционалистская** –

«мы лучше других, потому, что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы – другие». (Императивы транстрадиционной РИ прослеживаются и для массовых опросов, и для экспертов, традиционалистской – в большей степени для экспертов, надтрадиционной – лишь для массовых опросов).

Жесткая самоидентификация «мы–они» характерна лишь для традиционалистской и надтрадиционной РИ. Последняя в таком случае приобретает неoarхаические черты (противопоставление «себя» и «себе подобных» жителям других территорий, которые считаются «варварами» – отсталыми, неудачниками).

Дефект надтрадиционной РИ – отсутствие связи с российским патриотизмом.

Транстрадиционная и традиционалистская РИ – «старые», надтрадиционная РИ – новая. Будучи новой, надтрадиционная РИ не может считаться более прогрессивной для региона – в том смысле, что она, в отличие от транстрадиционной РИ, не нацеливает на активизацию местных культурных ресурсов, а является проекцией «неместного» (допустим, успешностью в территориальном разделении труда) на местный (региональный) уровень. Однако надтрадиционная РИ потенциально может быть прогрессивной, но лишь в случае синтеза ее с транстрадиционной РИ. Тогда ценности местной традиции отстаивались бы и распространялись бы в активной полемике с другими ценностями (в т.ч. путем культивирования местного, уникального, которое приобретало бы статус неместного, выходящего за пределы данной территории, например, активизации развития местных промыслов).

Интересно, что ракурсы РИ, согласно расчетам, которые провел на основе наших данных *по поселениям* Вологодской области В.Р. Попов (Череповец, Институт ЛИНК), обнаруживают значимую положительную связь с рядом важных социальных и экономических индикаторов. Например, *транстрадиционный ракурс РИ* связан с показателями, характеризующими «центральные места» (по В. Кристаллеру), а именно, с показателями обеспеченности населения врачами, душевым объемом товарооборота и платных услуг, людностью города в 1897 г., а также со степенью

«демократичности выборов» за последние 10 лет. (Теория центральных мест – известная в географии модель, отражающая пространственную иерархическую организацию поселений – экономических центров). *Надтрадиционный ракурс РИ* имеет значимую положительную связь с показателями уровня промышленного развития, заработной платы, вековой динамики людности поселений, телефонизации и отрицательную – с уровнем «демократичности» выборов. *Традиционалистский ракурс РИ* коррелирует с показателями законопослушности населения и высокой демографической нагрузкой – значительной долей населения пенсионного возраста относительно работающих. Кроме того, по расчетам В.Р. Попова, все три ракурса РИ достаточно четко выделяются на основе метода главных компонент. (В.Р. Поповым были использованы также результаты своих исследований Вологодской области).

Ключевые показатели РИ по поселениям модельного полигона показаны в табл.1. Характерно преобладание уникальных особенностей мировосприятия жителей городов и регионов, которые далеко не всегда можно объяснить известными чертами их экономической и культурно-исторической специфики. Тем не менее, повышенные значения многих показателей РИ в Великом Устюге и особенно в Кириллове связаны, очевидно, с исторической ролью этих городов. Близость показателей РИ в Вологде и Грязовце можно интерпретировать как следствие общности региональных условий самоидентификации. Интересно значительное превосходство рыбинской идентичности над костромской, отчасти – даже над ярославской. Тверь и Череповец представляют собой во многом контрастные разновидности РИ при ускоренном развитии крупных городов: если в Череповце происходит некоторая маргинализация населения (ослабление просвещенного патриотизма), при усилении традиционализма (по сравнению с Вологдой), то для Твери, напротив, характерен «суперурбанизм» – отказ от природного патриотизма при мощном развитии просвещенного патриотизма. Результирующая идентичность в Твери оказывается ослабленной. Значительное ослабление просвещенного патриотизма характерно для «индустриально-маргинальных» поселений

Таблица 1. Ключевые показатели региональной идентичности по поселениям в пределах модельного полигона (историческое ядро Европейской России, в %/%)

Поселения	Интегральный Индекс	Любовь к родному городу, краю	Российский патриотизм*	Выбор своего населенного пункта в гипотетической ситуации	Просвещенный патриотизм – «где ни жить – лишь бы сыту быть»	Природный патриотизм – согласие с поговоркой «где ни жить – умири, не с поговоркой «с родной землей – умри, не сходи»	Традиционнальстская идентичность как среднее между субъективной и внешнеэкономизмом мышления	Натрадиционная идентичность (ощущение превосходства по отношению к жителям соседних территорий)
Кириллов	53,4	91,2	58,7	+66,3	+43,8	+62,5	+15,0	+21,2
Вожега	20,4	90,3	38,7	+33,8	-16,1	+51,6	+34,5	+1,7
Грязовец	27,8	77,7	40,7	+52,7	+1,4	+50,0	+16,6	+9,3
Великий Устюг	25,0	81,3	28,8	+44,1	+10,3	+67,8	+12,3	+20,3
Бабаево	18,0	81,2	13,7	+44,4	-0,8	+60,7	-29,0	-10,3
Тарногский Городок	15,3	61,7	36,7	+5,9	-25,5	+42,7	-3,0	+5,9
Шексна	10,0	35	26,7	+14,5	-42,0	+63,4	+45,0	-15,2
Вологда	29,0	74,7	31,7	+55,3	+38,4	+46,4	+13,0	+23,3
Череповец	14,5	64,2	25,4	+42,3	+3,0	+29,0	+28,1	+27,7
Тверь	5,0	48,0	---***)	+44,0	+58,0	-48,0	-52,0	**
Воронеж	39,5	91,0	45,3	+58,0	+35,3	+49,2	+45,0	0
Семилуки	38,5	75,0	46,3	+27,6	+3,8	+72,5	+46,0	-10,7
Ярославль	32,0	90,1	45,8	+90,1	+14,1	+39,3	+26,5	+26,8
Рыбинск	36,3	90,0	51,0	+90,0	+24,4	+65,8	+29,0	+7,0
Тутаев	23,5	48,0	33,4	-3,0	+22,0	+35,0	+32,5	-15,0
Кострома	16,5	72,5	25,2	+29,8	+10,0	+34,2	+44,6	+0,1

* «Российский патриотизм» дан, как и остальные параметры РИ, в единицах-«нетто» (как разница между гордящимися Россией и желающими эмигрировать, пассивно и активно).

** В Твери вопрос не задавался. Однако близкий смысл имеет (менее жесткий) показатель баланса мнения о том, лучше или хуже ситуация в Твери по сравнению с другими городами (-50%).

*** Нет данных.

(Бабаево и др.), резко контрастирующих с находящимся в тех же природных и др. условиях Кирилловым. Важно, что некоторые из наших результатов совпали с результатами исследований других авторов. Это – повышенный уровень местного патриотизма в Рыбинске (см.: Мезенцева, Косларская, 1998; Щедровицкий, 2005), ослабленность и деформированность социокультурного развития Костромы (по наблюдениям В.А. Колосова, А.И. Трейвиша).

Каждый из ракурсов РИ характеризуется значительными региональными контрастами. Различия по **интегральному индексу РИ** – Ярославская обл.: +34,3%, Воронежская обл.: +29,6%, Вологодская обл.: +18,6%, Костромская обл.: +9,4%, г. Тверь: +5%. Различия по характеристике **природного патриотизма**: Воронежская обл.: +53,8%; Ярославская обл.: +52%; Вологодская обл.: +46,3%, Костромская обл.: +29%, г. Тверь: - 52%; **просвещенного патриотизма**: г.Тверь: +58%; Воронежская обл.: +17,3%; Ярославская обл.: +10%; Костромская обл.: +7%; Вологодская обл.: -0,4%.

Можно заметить, что в случае просвещенного патриотизма просматривается тенденция усиления РИ в направлении с Севера на Юг (дополняемая «примыкающей к Москве» Тверью). При этом обнаруживается в целом никак не свойственная для модельного полигона меньшая сила РИ в Вологодской области по сравнению с Костромской. Для природного патриотизма и для интегрального индекса РИ характерна несколько другая картина: близость уровня развития РИ в Воронежской и Ярославской областях, при значительном ослаблении в Костромской области и особенно в Твери. На уровне поселений лидируют в развитии природного патриотизма Великий Устюг, Рыбинск, Кириллов, Семилуки (табл.1). Распространенные представления о наибольшем развитии традиционной культуры (фиксируемой нами в рамках природного патриотизма) на Севере в нашем исследовании не подтверждаются, в том числе, в связи со значительным развитием на Севере индустриальных поселений с иным менталитетом жителей (Череповец, Бабаево и др.).

Несколько иная географическая картина в распределении показателей, описывающих идентичность в ракурсе **традиционализ-**

ма: «субэтничность» – Костромская обл.: +65,6%, Воронежская обл.: +60,4%, Ярославская: +27,2%, Вологодская: +22,4%; «внеэкономизм мышления» – Костромская обл.: +51,0%, Воронежская обл.: +38,6%, Ярославская обл.: +25,3%, Вологодская обл.: +15,9%, г. Тверь: - 52%. *Получается, что с географической точки зрения традиционализм фиксируется на мезо-, но не на макрорегиональном уровне. В рамках модельного полигона традиционалистские Воронежская и Костромская области «противостоят» Ярославской и Вологодской областям и, в еще большей степени, Твери.*

Поддержка идеи сохранения специфики внешнего облика городов – Воронежская обл.: 85,7%, Ярославская обл.: 84,6%, Костромская обл.: 82,3%, Вологодская обл.: 59,5%. Оно растет с ростом уровня образования (хотя и не сильно): (49,5%) – (63,5%) – (64,5%) (градации – см. табл. 2), а также российского патриотизма (32,2%) – (61,8%) – (64,2%) (желание эмигрировать – привычка – гордость). Данные по Вологодской области. Поддержка экокультурных движений – Воронежская обл.: 53,9%, Вологодская обл.: 48,3%. Везде, если это особо не оговорено, показатели – «нетто».

Важным признаком территории модельного полигона является его относительная *социальная однородность*. Факт этой однородности может быть проиллюстрирован и полученными нами данными, например, по доли местных по рождению и местных по убеждению, доли тех, у кого малая родина в другом месте и др. (глава 5, п. 5.1.). Сходство значений этих характеристик региональной самоидентификации по территории всего модельного полигона не противоречит положению о структурированности рассматриваемого геокультурного пространства. Указанная *социальная однородность* сосуществует со значительными **культурными различиями** между этими регионами по признаку РИ, при **однородности параметров РИ в поселениях в пределах каждого из регионов**. Самоидентификация как местного является хотя и **важнейшей, однако, потенциальной предпосылкой развития РИ той или иной «силы»**. Такая предпосылка актуализируется, благодаря возникновению **региональной культурной установки (парадигмы)**, своего рода **«регионального стиля самоидентифи-**

кации». Местная культурная установка, в значительной степени предопределяющая характер, «силу» и внутреннюю логику местной РИ, позволяет предполагать существование внутренних (неконъюнктурных) источников формирования идентичности. Один из примеров – то, что каждая из областей обнаруживает значительную специфику в аспекте влияния уровня образования на развитие идентичности. Лишь для Костромской области характерно ослабление идентичности по всем показателям при росте уровня образования (табл. 2). Нередко «сила» идентичности очень мало меняется при изменении уровня образования.

Представляется, что, с учетом неодинаковой для разных регионов и в целом по России неоднозначной роли фактора уровня образования для региональной идентичности, можно дать такую формулировку (носящую иллюстративный характер): региональная идентичность феномен не только «интеллигентский» в противовес «народному», и не только «народный» в противовес «интеллигентскому». Региональная идентичность может как усиливаться, так и ослабевать при увеличении уровня образованности жителей определенных территорий. Здесь может быть некоторая параллель с эпохой борьбы за сохранение чешского языка в конце позапрошлого века. Чешский язык был распространен в народе и пропагандировался чешской интеллигенцией, однако имел мощного конкурента в лице немецкого языка, обладание которым для народа указывало на более высокий социальный статус носителя языка. В Воронежской области региональная идентичность не только укоренена в народе, но в значительной степени является «интеллигентским» феноменом. В то же время, в Костромской области региональная идентичность в очень незначительной степени является интеллигентским феноменом, в меньшей степени, по сравнению с Воронежской областью, она укоренена в народе.

Закономерные тенденции формирования региональных культурных контрастов в характере *транстрадиционной*, а также *традиционалистской* РИ могут быть объяснены как результат наложения двух пространственных макроструктур: 1) фундаментального градиента **Север – Юг** с большей степенью традиционности и

Таблица 2. Влияние уровня образования на развитие региональной идентичности

Регионы (области)	Значения региональной идентичности для трех уровней образования, в % опрошенных (1 — начальное и незаконченное среднее; 2 — среднее и среднее специальное; 3 — высшее и незаконченное высшее)														
	Надтрадиционная идентичность			Любовь к родному городу, краю			Российский патриотизм («нетто»)			Укорененность как алгебраическая сумма природного и просвещенного патриотизма			Традиционалистская идентичность; субэтничность		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Вологодская	+11	+11	+19	74	72	65	38	34	27	22	21	29	34	24	15
Воронежская	----	----	----	96	84	83	45	41	30	26	37	35	81	63	50
Ярославская	+14	+14	+22	73	84	85	57	38	53	36	28	20	42	30	15
Костромская	+6	+8	-2	76	79	55	32	25	22	23	22	11	58	45	42

«пассионарности» на Юге и с тенденцией (не всегда реализуемой) усиления идентичности в этом направлении и 2) структуры **периферия – полупериферия – центр**, элементы которой различаются по *роли традиции*, и по соотношению *местных* и *неместных* факторов. На них накладываются региональные мезоструктуры, связанные с различиями в силе и роли *традиционализма*.

Важное значение (в частности, как характеристика устойчивости) имеет **органичность (соответствие, гармоничность) РИ по отношению к традиционализму**, которая была зафиксирована нами для ряда регионов. *В этом случае традиционалистская РИ может приобретать свойство стимулирования активности, подобно транстрадиционной и надтрадиционной РИ*. В качестве индикатора может быть использована причинная связь между традиционализмом и параметром РИ в целом. Усиление традиционализма предполагает (в случае органичности РИ) также усиление РИ.

Для того чтобы зафиксировать органичность РИ по отношению к традиции, сравнивались значения просвещенного патриотизма как возможного интегрального параметра региональной идентичности, характерные для групп респондентов в пределах одного и того же региона, с ориентацией, соответственно, на внеэкономизм или на экономизм. В Воронежской области происходит *ослабление* просвещенного патриотизма с величины +23% до величины +9%. В Ярославской и Костромской областях (вместе), наоборот, *происходит рост показателя* просвещенного патриотизма при смене ориентации респондентов на «экономизм» – с +8% до +26%. Таким образом, обнаруживается безусловная органичность РИ по отношению к традиции в Воронежской области, частичная органичность в Вологодской и отсутствие органичности по отношению к традиции в Ярославской и Костромской областях.

В контексте РИ Воронежскую область мы считаем поэтому периферией (поскольку в ней наивысшее по модельного полигону соответствие – органичность традиции), *а Костромскую и Ярославскую области – полупериферией*. «Центром» для нашего модельного полигона может считаться Тверь ввиду характерного для

нее контраста между гипертрофированно развитыми показателями «просвещенного» и «природного» патриотизма, а также в связи с ослабленными показателями традиционализма (см. табл. 1), что связано с высоким уровнем развития в этом городе модернизации.

Смысл противопоставления центра и периферии в случае РИ отражает характер взаимодействия местного и неместного на соответствующих территориях, органичность и роль традиции в развитии РИ, а также значение модернизационной составляющей РИ. На периферии роль традиции не тождественна степени традиционности. Если в Воронежской области сравнительный «избыток» традиционализма совмещен с повышенной ролью традиции и является важным ресурсом РИ, то в Костромской области традиционализм совмещен с пониженной ролью традиции и ослабляет РИ. Исключением на полупериферии являются процессы, связанные с усилением российского патриотизма, благодаря элементам традиционализма. Тогда полупериферия подобна периферии.

В центре, в связи с доминированием неместных факторов, происходит ослабление не только традиционности (традиционализма и ядра традиционной культуры), но и РИ в целом (по совокупности параметров РИ). На периферии сохранение традиционализма эквивалентно активности. На полупериферии традиционализм чаще эквивалентен пассивности, депрессии, однако сохраняющееся ядро традиционной культуры стимулирует активность. Наибольшая «сила» РИ характерна для территорий и городов, где достигнут оптимум между традицией и модернизацией (в Ярославской и Воронежской областях – в формах российского патриотизма, просвещенного патриотизма и природного патриотизма, отчасти – в Вологде – в формах просвещенного и природного патриотизма).

В целом развитие модернизации отражено показателями просвещенного патриотизма и надтрадиционной идентичности, а традиционность – показателями природного патриотизма и традиционалистской идентичности. Для центра характерно развитие модернизации, очень сильно превосходящее развитие традиционности. Для крупных и исторически значимых поселений (Череповец,

Вологда, Великий Устюг, Кириллов) *полупериферии* и *периферии* характерно равенство развития модернизации и традиционности или слабое превосходство традиционности. Для небольших индустриальных поселений Вологодской области характерно сильное превосходство традиционности над развитием модернизации, для Костромы и Тутаева – среднее превосходство традиционности над развитием модернизации.

В описанной конструкции «центр – полупериферия – периферия» центр является своего рода «воронкой» для неместных факторов, трансформирующих или даже разрушающих региональную идентичность, в то время как полупериферия демонстрирует разные варианты формирования идентичности, а периферия является основой органической модернизации и развития региональной идентичности на основе традиционности.

Учет традиции как фактора развития трансформирует «идеологическую подоплеку» модели «центр – периферия» (ср.: К.Н. Леонтьев о Баварии: «Только одна католическая Бавария обнаруживает (из всех германских государств – М.К.) признаки жизни, благодаря своему *своеобразию, своей отсталости...*» 1991, с. 271).

Для **транстрадиционного и традиционалистского** ракурсов идентичности существенно ***сохранение регионального исторического сознания и памяти о предках, живших в данной местности***. Например, доля респондентов, *знающих места рождения предков*: Воронежская обл.: 93%, г. Рыбинск: 89%, Ярославская обл., сельская местность: 87%, г. Тутаев: 80%, г. Ярославль: 74%, Костромская обл.: 64% (прослеживается градиент Юг – Север). Доля респондентов, *затруднившихся* ответить на вопрос о *местах захоронения* своих предков (предки – 2 и более поколений назад): Воронежская обл.: 1%, г. Рыбинск: 10%, Ярославская обл., село: 14%, г. Кострома: 17%, г. Ярославль: 18%, г. Тутаев: 23% (градиент Юг – Север менее четок).

Полученные результаты на примере РИ позволяют утверждать, что региональные различия в менталитете и ценностных предпочтениях населения не менее, а часто и более важны (как это характерно для модельного полигона), чем соответствующие раз-

личия, определяемые социальным рангом поселения (его рангом в иерархии), возрастным или социальным слоем (см. табл. 1, 2, 3). «Оплотом традиционализма» являются не столько типы городов по их рангу в иерархии, как полагают многие авторы, сколько определенные регионы (в нашем исследовании таковыми оказались Воронежская и Костромская области, а также Тутаев). Традиционализм, однако, не исключает развитие ценностей модернизации (Воронеж). **В реальных условиях модельного полигона традиционализм и модернизация – не антагонисты, хотя степень их дополнительности, «притяжения» или «отталкивания» для разных регионов – разная.** Однако для части небольших индустриальных поселений Вологодской области характерно значительное развитие традиционализма при резком ослаблении модернизации, в отличие от небольших старинных городов (Великого Устюга и др.). Однако традиционалистская РИ доминирует лишь в Череповце.

На мировом уровне в странах-лидерах интеграционных процессов глобализации не более 15% населения приемлет «космополитические» ценности, в то время как остальные идентифицируют себя с национально-локальными ценностями (Вопросы философии, 2004, №11, с. 3). Приблизительно такое же соотношение, судя по модельному полигону, характерно и для России, хотя для части опрошенных характерно сочетание традиционных и «космополитических» ценностей.

Для всего модельного полигона связь силы РИ с размером города для массовых опросов статистически не прослеживается; существуют лишь тенденции к возникновению такой связи в рамках отдельных регионов, а также для надтрадиционной РИ. Есть тенденция к обратной зависимости от размера поселения для традиционалистской РИ и тяготение к существованию максимума «силы» РИ в городах «среднего ранга» для транстрадиционной РИ. При анкетировании экспертов лишь в отдельных малых городах наблюдается пониженный местный патриотизм. Напротив, часто не самые крупные города региона являются лидерами по основным параметрам РИ в данном регионе – Рыбинск (наряду с Ярославлем), Моршанск (наряду с Тамбовом), Новохоперск.

Региональная идентичность не имеет тенденции однозначного усиления или ослабления в какой-либо возрастной группе, каждая из них является лидером по какому-либо параметру (группе параметров) идентичности. **Не подтверждается мнение об угасании региональной идентичности в более молодых возрастных группах, как полагают многие авторы (например, А.Л. Андреев, 1999). Реально существует более сложная, неоднозначная картина (судя по массовым опросам в Вологодской области (см. табл. 3).**

Таблица 3. Показатели региональной идентичности в разных возрастных группах, у мужчин

Показатели региональной идентичности, в %	Группа до 30 лет	Группа 30-60 лет	Группа старше 60 лет
Гордость за Россию («брутто»)	51,7	46,4	61,5
Необходимость сохранения различий в специфике внешнего облика городов	57,5	60,1	53,5
Любовь к родному городу, краю	57,5	70,9	80,8
Просвещенный патриотизм	5,1	3,1	4,7
Природный патриотизм	28,8	55,3	71,1
Внеэкономизм мышления	8,1	22,2	19,2
Субэтничность	13,9	23,1	37,6

С точки зрения идеи доминирования мобильности над укорененностью, молодежь должна была бы иметь существенно меньшую силу РИ. И при анкетировании экспертов нередко просматривается тенденция высокой укорененности молодежи.

Не наблюдается тенденции однозначного усиления или ослабления РИ в какой-либо возрастной группе. Мужчины в возрасте до 30 лет лидируют по выраженности идентичности в рамках «просвещенного патриотизма». По характеристике «гордость за Россию» эта возрастная группа превосходит 30–60-летних, но лидером здесь является группа старших возрастов (соответственно, 51,7%, 46,4% и 61,5%, см. таблицу 3). По оценке «необходимости сохранить различия во внешнем облике городов» молодежь несколько превосходит лиц старше 60 лет, но уступает лицам среднего возраста (57,5%, 53,5% и 60,1%; данные по Вологодской обла-

сти, см. таблицу 3). Среди школьников в Моршанске вдвое преобладают желающие остаться (38%) над желающими уехать (19%); в Муроме желающих остаться после окончания школы также несколько больше (44% и 40%). Эти результаты хорошо согласуются с общим контекстом высокого местного патриотизма в этих городах. Таким образом, *не подтверждается мнение об обязательном угасании РИ в более молодых возрастных группах*, как полагают многие авторы.

Роль экономических факторов в региональной идентичности: самоощущение богатства индивида усиливает идентичность, в то же время идентичность местных общностей безразлична к уровню социально-экономического развития региона. В рамках массовых опросов *в целом не подтверждается идея о существовании обусловленности развития РИ уровнем социально-экономического развития региона.* (Вывод о такой обусловленности был сделан, в частности, в исследовании стран Евросоюза, Millard and Christensen, 2004).

Однако иногда такая связь все же прослеживается. Так, Костромская область – регион с наименее развитой РИ (без учета Твери), в том числе по интегральному индексу РИ – по 7-ми выбранным (устойчивым во времени) *душевым* показателям социально-экономического развития имеет существенно более низкий уровень развития *по сравнению с соседней Ярославской областью*, в т.ч. по показателям ВРП, доходам населения, общей безработице (что является «материальной» предпосылкой рассмотренного ниже стресса соседства).

В то же время, по всему модельному полигону Костромская область является отстающей лишь по 2-ум показателям из 7-ми. Для других регионов такого рода связь не прослеживается, в частности, если РИ сводить к ее интегральному индексу (данные 2002–2004 гг.).

При анкетировании экспертов был обнаружен феномен сопротивления населения идее о присоединении к экономически более благополучным (с точки зрения населения) регионам – довольно сильное в Тамбове и Моршанске – к Липецкой области, в Гали-

че – к Ярославской области, в Туле, Плавске и Богородицке – к Московской области; умеренное – в Пензе и Нижнем Ломове – к гипотетически укрупняемой Самарской обл. Однако среди экспертов в Костроме фиксируется тенденция присоединиться к экономически преуспевающему соседу (что в случае реализации сопряжено с потерей Костромой статуса центра самостоятельного региона).

Может казаться парадоксальной роль экономических факторов в региональной идентичности: **в рамках каждой из местных общностей** самоощущение материального благополучия индивида усиливает его идентичность по ряду параметров, в то же время, идентичность местных общностей в целом (в рамках совокупности таких местных общностей) – характеристика, определяемая долговременной местной спецификой, – *безразлична к уровню современного социально-экономического развития региона.*

При этом усиление идентичности индивида происходит в рамках самых разных форм РИ, в том числе различающихся между собой в отношении к традиционализму, модернизации и т.д. Основным смысл такой зависимости, как мы полагаем, укладывается в формулу: «Пролетарии не имеют отечества». Наиболее четко она проявляется для многих параметров РИ в **Вологодской области**. Выбор своего населенного пункта в гипотетической ситуации представителями разных по имущественному положению групп («нищие», «бедные», «богатые, среднего достатка» – самооценка) – 20,6%, 38,4%, 47,2%; любовь к своему городу, краю – 59%, 71%, 72%; российский патриотизм – 18%, 30%, 35%; субэтничность – 9%, 19%, 27%. Особенно явно прослеживается усиление с ростом доходов надтрадиционной РИ – 2%, 10%, 19%. *Такого рода единообразие отличает воздействие «фактора богатства» от факторов уровня образования и принадлежности к определенному поколению.*

Для надтрадиционной РИ в **Костромской области** характерна **инверсия** (так же, как и в случае влияния уровня образования на РИ на этой территории, согласно таблице 2): (+9%) – (+2%) – (-8%). С ростом самоощущения богатства в Костромской обла-

сти ослабевает также российский патриотизм. По-видимому, эта *инверсия обусловлена стрессом соседства и сопряженными с ним факторами, в частности, ослабленностью роли традиции при повышенном традиционализме*. Если в других регионах более богатые чаще довольны жизнью на своих территориях, то в Костромской области у них возникает «крамольная» мысль: почему и зачем мы живем именно здесь?!

Можно ли говорить о противоречии между уровнем индивида и уровнем региона? Получается, что существование региона как целостности определяется не только экономическими факторами: культура (в широком смысле слова) оказывается равноправным партнером экономики. Здесь подтверждается, как мы полагаем, неоднократно высказывавшаяся позиция об *эмерджентном, целостном характере региона* по отношению к входящим в него элементам (В.И. Данилова-Данильяна, М.Г. Завельского). Кроме того, существуют обстоятельства, позволяющие говорить о существовании приоритета (в данном случае) соотношений (тенденций, закономерностей) уровня региональной общности над уровнем групп индивидов.

Необходимо также обратить внимание на следующее. Если, как представляется, принадлежность к «нищим» слоям достаточно убедительно подтверждает вышеприведенную формулу о пролетариях, то противоположно направленное тяготение к богатству в пределе стимулирует усиление РИ лишь для показателей, которые не предполагают ограничения пространственной мобильности индивида (показатели, имеющие смысл ограничения пространственной мобильности и для которых *не характерна тенденция наличия большей силы идентичности у богатых*, – это просвещенный и природный патриотизм). Данное обстоятельство указывает на «эгоистический» и «конъюнктурный» характер патриотического выбора многих богатых. В то же время, усиление традиционалистской РИ у богатых может быть связан с наблюдаемым в последнее время появлением тяги к традиционному – старинному («посконному») как элемент престижа и моды более обеспеченных слоев населения. Отсюда следует, что (в основном) никакого парадокса

в данном случае нет – отсутствие связи с экономическими факторами на уровне региона и наличие тенденции к появлению такой связи на уровне индивида не исключают друг друга.

В разных регионах существует разная пропорция «патриотов» и «не-патриотов»; эти различия сохраняются, несмотря на «вторичное» ослабление идентичности по некоторым параметрам при обнищании населения. *Сходные* по уровню благосостояния группы населения, проживающие в *разных* регионах и городах, характеризуются *разным* уровнем патриотизма, *разной* силой идентичности. В связи с этим характерно сравнение Рыбинска – экономически неблагополучного в настоящее время города, обладающего повышенным местным патриотизмом жителей (это обстоятельство зафиксировано и другими авторами) и экономически более благополучной (по сравнению с Рыбинском) Костромой с пониженным местным патриотизмом населения.

Кроме того, дополнительным препятствием для превращения тенденции роста силы РИ с ростом богатства индивида в тенденцию увеличения силы РИ с ростом современного социально-экономического развития региона является слишком малое количество «богатых». И в гипотетическом случае значительного увеличения доли «богатых» уровень богатства все равно не стал бы доминирующим. Этому препятствует, во-первых, отсутствие положительной связи между уровнями богатства и образования респондентов и, во-вторых, отсутствие единой тенденции связи между уровнем образования и силой РИ по материалам модельного полигона (табл. 2).

Лишь немногие из анкетированных экспертов указали на приоритет «возможности заработать больше денег» как на основной или единственный фактор смены места жительства. Но и в этом случае чувство «малой родины», как правило, все равно сохраняется. В то же время, значительную роль в стимулировании идентичности играют факторы «оптимального города»: не обязательно экономически преуспевающего по всем параметрам, однако, обязательно экологически чистого, с природным окружением, старинного, со значительным выбором мест приложения труда и учебы.

(В качестве «оптимальных» были указаны экспертами Смоленск, Воронеж, Тамбов, Калуга, Иваново, отчасти – Арзамас, Алексин, Елец, Плавск). Люди любят (или не любят) свой край независимо от его благосостояния. Нередки антропоэкологические предпочтения: «люблю холод», «люблю жару», «люблю природу Камчатки», «хочу жить уединенно на хуторе», «остались хорошие впечатления о Волгодонске». Случаи негативного отношения к своему краю чаще связаны с комплексом причин, включая негативное отношение к «стереотипу поведения местных жителей».

Знание старинного герба своего города (показатель «брутто»): Ярославль – 91,2%, Кострома – 70,5%, Рыбинск – 61,8%, Великий Устюг – 59,3%, Тутаев – 37%, Воронеж – 40,7%, Вологда – 24,7%, Череповец – 16,7%, Грязовец – 12,5%. Представляется, что некоторая ослабленность знания своего старинного герба в Воронеже и Вологде, контрастирующая с повышенным значениями идентичности по другим показателям, связана с образно-графическими свойствами данных гербов. В то же время, гербы Ярославля, Костромы, Рыбинска, Великого Устюга, Тамбова легко запоминаются и выглядят «солидно». Как правило, эксперты указывают на *необходимость сохранения старинных гербов как культурного достояния*.

Тамбов: «этот герб старинный, и мы не вправе, по истечении стольких времен, изменить его» (ж., 15 л., шк.); «изменений в герб не нужно никаких – это наш символ» (ж., 14 л., шк.).

Плавск: знание старинного герба города: «Неофициально – это герб князей Гагариных». «Это старинный герб рода Гагариных. Город основан в 1563 г. (до 1954 г. был сельским поселением – М.К.) , герба пока нет у города – наконец-то его надо утвердить! И гимн тоже!» (Посетители краеведческого музея). Возможность изменения герба: «в историю прошлого вмешаться невозможно» (м., 19 л., раб., уч.).

Лишь изредка вносятся **предложения по дополнению или корректировке содержания старинного герба**: «рядом с изображением улья поместить изображение волка» (раб. шк. возраста, м., 15л); «т.к. Тамбов и крепость был, надо добавить что-то

угрожающее» (м., 15л., шк.) (все – Тамбов); «достаточно 1–2 веточек (сейчас их 9 – М.К.), остальное – на тему обороны и ремесел» (ж., 41 г., музей) (Богородицк). Еще реже – **более радикальные предложения**: «полностью изменить герб» (ж., 40 л, архитектор), «в гербе убрать рыбу (герб Саратова – М.К. – ж., 43, в/о, музей) (все – Сердобск). (Реже **используются географические образы как символы региона, города**: «Новомосковск – центр Среднерусской возвышенности».

Новые и старые топонимические символы и РИ. РИ может обогащаться некоторыми новыми символами, однако это «кровенато» изменением и смысла, и силы идентичности. Например, в советское время идентичность жителей Мичуринска оказалась связанной с идеей «мичуринского плодоводства». Поэтому *жители города крайне негативно оценивают идею возвращения городу исторического названия* – Козлова (что автоматически уменьшает значимость города в глазах местных жителей). Часть советских преобразований, напротив, в прошлом активно отвергалась населением (примеры: Лиски – Гергиу-Деж, Раненбург – Чаплыгин; сохранялась двойственность старого и советского имени в Нижнем Новгороде, Самаре, Твери).

Глава пятая

ФОРМЫ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

5.1. Феномен «местных»: позитивная и негативная самоидентификация

*В ходе проведенного исследования было установлено, что сквозным процессом формирования РИ местных общностей, объединяющим все ее три ракурса, является осознание индивидом себя как «местного». При этом выделяется **позитивная** самоидентификация – «местные» по рождению и/или по убеждению, имеющие малую родину «здесь» или же в другом месте, а также **негативная** самоидентификация, которая характерна для тех, кто считает, что у них нет малой родины, а также для тех, кто всю жизнь прожил на одном месте, но так и не стал местным. К указанным формам негативной самоидентификации примыкает «космополитическая» региональная самоидентификация тех, кто вообще не испытывает привязанности к какому-либо месту (имеются в виду места внутри России, но не Россия в целом).*

Доминирующая при этом тенденция заключается в большей выраженности (большей «силе») идентичности и местного патриотизма «местных по убеждению», основанная на убежденности (достаточно часто это люди, чья малая родина находится в другом месте), а не на факте рождения (или в большей степени на убежденности, чем на факте рождения) – у «местных по рождению». С наименьшей силой РИ и местный патриотизм проявляется у тех, кто отрицает для себя наличие малой родины, а также у тех, кто, долго прожив в одном месте, так и не стал местным. Местные по рождению – это те, кто на вопрос анкеты о том, местные ли они, отвечают: «да, мы местные, мы родились и/или выросли здесь»; местные по убеждению – это те, кто на вопрос анкеты отвечает: «да, мы считаем себя местными, хотя мы родились и выросли в другом месте».

«Местные» обычно именует себя «тамбовскими», «рязанскими» и т.д., но здесь это самоназвание существенно шире, чем пространственная самоидентификация.

Суммарная доля местных «по рождению» и «по убеждению» приблизительно одинакова по всем рассматриваемым регионам и варьирует среди респондентов от 81% в Костромской области до 84% в Ярославской области. «Коренными тверичами» считают себя 64% респондентов. Доля местных по рождению также меняется несущественно – от 48,7% в Воронежской области до 54,7% в Вологодской области. В Твери родилось 53% респондентов. (Подобная пропорция характерна для современного общества, в отличие от общества традиционного (см. : Татевосов, 1999, с. 31). Как правило, в рамках **транстрадиционной идентичности сила РИ более развита у местных по убеждению, чем у местных по рождению** (исключение – наиболее патриархальная и отчасти экономически неблагополучная и испытывающая стресс соседства Костромская область) (ср. таблицы 4 и 5). Самоидентификацией как местного определяется и российский патриотизм.

Характеристикам **надтрадиционной идентичности** свойственно преобладание наибольшей силы РИ для местных по рождению. Для **традиционалистской РИ (субэтничность)** наибольшая сила РИ у местных по убеждению в Ярославской области и у местных по рождению в Костромской области; наименьшая (как и для транстрадиционной РИ) – у тех, кто живет в данной местности давно, но не считает себя местным.

Таблица 4. Сравнение показателей региональной идентичности при различной самоидентификации как «местного»: наибольшая «сила» идентичности у «местных по убеждению» (Воронежская область)

Показатели региональной идентичности, в %	Местные по убеждению	Местные по рождению	Живут в данной местности давно, но не считают себя местными
Природный патриотизм	+78	+44	+36
Просвещенный патриотизм	+26	+14	+6
Выбор своего места жительства	+72	+54	+16
Российский патриотизм	+62	+26	+48

Другой аспект взаимодействия укорененности и пространственной мобильности (наряду с выделением местных по рождению и по убеждению) – *идентификация своей малой родины как находящейся в другом месте*. **Доля лиц, у кого малая родина – в другом месте**, варьирует от 26,7% в Ярославской до 28% в Воронежской области. Практически одинаковая степень распространения таких лиц в конечном счете связана с однородностью региональных условий, отражающихся в сочетании пространственной мобильности индивидов и сохранении у них памяти о покинутой малой родине. По отдельным городам: Вологда – 29,2%, Череповец – 36,0%, Кириллов – 15,0%, Великий Устюг – 15,3%, Грязовец – 30,6%, Воронеж – 26%, Ярославль – 26,4%, Рыбинск – 16,7%, Тутаев – 22,7%, Кострома – 29%.

Таблица 5. Сравнение показателей региональной идентичности при различной самоидентификации как «местного»: как правило, наибольшая «сила» идентичности у «местных по рождению» (Костромская область)

Показатели региональной идентичности, в %	Местные по рождению	Местные по убеждению	Живут в данной местности давно, но не считают себя местными
Природный патриотизм	+38,0	+33,0	-15,6
Просвещенный патриотизм	+12,0	+4,0	-10,0
Выбор своего места жительства	+56,7	+24,4	-41,0
Российский патриотизм	+28,0	+33,0	- 2,6

Взаимодействие мобильности и укорененности может приводить и к маргинальным формам самоидентификации, в частности, к значительному увеличению числа **лиц, которые считают, что не имеют малую родину** (таблицы 6–8).

В их числе более многочисленна и дифференцирована по регионам категория лиц, **«которые не испытывают привязанности к какому-либо месту»** (РИ здесь ослаблена; впрочем, иногда для нее характерна умеренно развитая российская идентичность). Доля таких лиц составляет: Воронежская обл.: 6,7%; Вологодская обл.: 8,5%; Ярославская обл.: 10,3%; Костромская обл.: 14,4%. При-

меры по отдельным городам: Вологда – 9,2%, Череповец – 9,4%, Кириллов – 1,3%, Великий Устюг – 10,2%, Грязовец – 9,7%, Воронеж – 8,0%, Ярославль – 9,3%, Рыбинск – 22,6%, Тутаев – 10%, Кострома – 13%.

Менее распространена еще одна категория лиц, которые считают, что не имеют малую родину (*«всю жизнь прожили на одном месте, но предпочли бы уехать оттуда»*; это – **негативная РИ**): Вологодская обл.: 4,9%; Костромская: 3,8%; Воронежская обл.: 2%; Ярославская обл.: 1,2%. Примеры по отдельным городам: Вологда – 5,8%, Череповец – 3,4%, Кириллов – 3,8%, Великий Устюг – 6,8%, Грязовец – 0%, Воронеж – 0,7%, Ярославль – 1,3%, Рыбинск – 1%, Тутаев – 5%, Кострома – 4,3%.

Суммарная доля респондентов, которые «всю жизнь прожили на одном месте, хотя предпочли бы уехать оттуда» и «которые не испытывают привязанности к какому-либо месту» значительно различается по регионам: **Костромская обл.: 18,0%**, Вологодская обл.: 13,4%, Ярославская обл.: 12,0%, Воронежская обл.: 8,7%. *Вопреки нередко высказываемым взглядам, такая категория населения составляет явное меньшинство, хотя настораживает его значительная доля, зафиксированная в Костромской области.*

В Воронежской области наибольшая сила транстрадиционной РИ у тех, чья малая родина – в другом месте (даже включая показатель *природного патриотизма*, нацеливающий на жесткую физическую укорененность, исключаящую пространственную мобильность, табл. 6). В Ярославской области и Костромской области она чаще всего наибольшая у тех, у кого *малая родина здесь*; однако **в Ярославской области по показателю просвещенного патриотизма наибольшая сила РИ – опять же у тех, у кого малая родина в другом месте** (табл. 7). В случае *традиционалистской РИ (субэтничность)* для Ярославской области сохраняется та же тенденция: наибольшая сила РИ у тех, у кого *малая родина в другом месте*; для Костромской области она – у тех, у кого *«малая родина – здесь»*. Для *надтрадиционной РИ* наибольшая сила РИ – чья малая родина здесь.

Очевидно, что *ассимиляция неместных, ставших местными по убеждению, а также имеющих малую родину в другом месте (здесь*

может идти речь о частичной ассимиляции) проходит в рамках транстрадиционной РИ, отчасти даже в рамках традиционалистской РИ. Таким образом, региональной ассимиляции способствует местная культурная традиция. В то же время, надтрадиционная РИ, связанная с современным преуспеванием (в различных формах) в данном месте и развитием в связи с этим чувства превосходства над соседями, не способствует формированию «правильного котла» и консервирует разделение на местных и неместных.

Таким образом, в регионах с более сильным местным патриотизмом и РИ в целом (Воронежская и Ярославская обл.) элемент пространственной мобильности усиливает не только идентичность (респонденты, у кого малая родина в другом месте), но даже укорененность на данной территории (местные по убеждению). Можно ли считать, что патриотизм местных по рождению – априорный, в то время, как патриотизм местных по убеждению – рациональный, связанный с какими-то осязаемыми преимуществами соответствующей территории? Если бы дело обстояло именно так, то в надтрадиционной РИ проявлялась бы гордость местных по убеждению за успешность своей территории. Однако, согласно результатам массовых опросов, этого нет. Кроме того, для местных по убеждению сопряженное с местным патриотизмом усиление и природного патриотизма («с родной земли умри – не сходи»), и просвещенного патриотизма (несогласие с тем, что «где ни жить – лишь бы сыту быть»), и российского патриотизма свидетельствует об альтруистическом, эмоциональном отношении к территории, которая стала для них новой (или второй) – подлинной малой родиной. Самоидентификация как местных по убеждению – это стремление к «конкретной идентичности», а не бесконечный поиск «лучшего». Поэтому ее нельзя считать «чисто рациональной».

Судя по анкетам экспертов, для местных по убеждению характерна любовь к своему краю (в том числе к новой, или второй, малой родине) за те или иные субъективные, в конечном счете, моменты (красота природы, людей и т.п.). Здесь необходимо учесть, что феномен «местных по убеждению» характерен для всех регио-

нов, независимо от их современной экономической успешности. Случаи сильной негативной идентификации неместных также носят обычно эмоциональный, субъективный характер, например (о Нижнем Ломове): «... вообще не люблю сонные города, где чувствуешь безучастность по отношению друг к другу. По мне такие города, где процветает братство, как, например, города шахтеров» (свыше 60 лет, родилась в Сергиевом Посаде).

Во всех регионах фиксируется примерно одинаковая доля желающих *эмигрировать из России* (это говорит о слабой зависимости стремления эмигрировать от местных условий). Хотели бы уехать, но не имеют такой возможности 9,8% в Ярославской области, 11,0% в Воронежской, 11,7% в Вологодской, 13,6% в Костромской. Заняты поиском возможности эмигрировать 0,7% в Воронежской, 1,7% в Вологодской, 3,2% в Ярославской, 5,0% в Костромской области. Тем не менее, местный фон корректирует уровень потенциальной эмиграции. В Череповце доля жителей, потенциально желающих и предпринимающих конкретные попытки эмигрировать, составляет, соответственно, 14,9% и 2,3%, в Вологде – 10,8% и 0,9%, в Великом Устюге – 6,8% и 0%, в Ярославле – 9,0% и 5,1%, в Рыбинске – 9,8% и 1,9%, в Тутаеве – 14,1% и 2,0%, в Воронеже – 12,0% и 0,7%. Как видим, выделяются «космополитичный» Череповец и отчасти маргинализированный Тутаев.

5.2. **Ценностные установки позитивной и негативной региональной самоидентификации**

Взаимосвязь между региональной самоидентификацией индивидов и региональной идентичностью местных общностей осуществляется в рамках многообразных ценностных установок индивидов. *Многообразие самоидентификации индивидов было зафиксировано в анкетах экспертов (в каждой из которых просматривается целостная личностная позиция – в отличие от формализованных и поэтому обезличенных анкет массовых опросов) и очень характерно для проживающих в малых и средних городах, где индивиды острее ощущают «место».*

Таблица 6. Сравнение показателей региональной идентичности при различной самоидентификации в отношении местонахождения малой родины (Воронежская обл.)

Показатели региональной идентичности, %	Малая родина – Здесь	Малая родина – в другом месте	Всю жизнь прожили на одном месте, но предпочли бы уехать оттуда	Не испытывают привязанности к какому-либо месту
Природный патриотизм	+58,0	+62,0	+50,0	+30,0
Просвещенный патриотизм	+16,0	+22,0	0,0	+15,0
Российский патриотизм	+35,0	+45,0	+16,0	+35,0

Таблица 7. Сравнение показателей региональной идентичности при различной самоидентификации в отношении местонахождения малой родины (Ярославская обл.)

Показатели региональной идентичности, %	Малая родина – Здесь	Малая родина – в другом месте	Всю жизнь прожили на одном месте, но предпочли бы уехать оттуда	Не испытывают привязанности к какому-либо месту
Природный патриотизм	+54,0	+36,3	-26,7	+14,5
Просвещенный патриотизм	+19,4	+22,0	-13,3	+2,5
Российский патриотизм	+53,0	+43,0	-46,0	+13,0

Таблица 8. Сравнение показателей региональной идентичности при различной самоидентификации в отношении местонахождения малой родины (Костромская обл.)

Показатели региональной идентичности, %	Малая родина – Здесь	Малая родина – в другом месте	Всю жизнь прожили на одном месте, но предпочли бы уехать оттуда	Не испытывают привязанности к какому-либо месту
Природный патриотизм	+40,5	+27,5	-5,7	-1,0
Просвещенный патриотизм	+17,2	+11,0	-16,0	-12,5
Российский патриотизм	+41,3	+23,5	-15,8	0,0

Спектр градаций региональной самоидентификации индивидов выглядит следующим образом, например, для Тамбовского края: 1) Я живу в Тамбовском крае, но я не тамбовский (**малая родина в другом месте**); 2) я – тамбовский (а какой же еще?!), но все тамбовское меня раздражает – говор, экологическая ситуация, стереотип поведения людей и т.д.; жители Тамбовского края, безусловно, отличаются в худшую сторону от жителей соседних территорий (**негативная РИ**); 3) я – тамбовский, но не хотел бы жить в Тамбовском крае, потому что я его недостаточно люблю и хотел бы полюбить какой-либо другой край (**поисковая самоидентификация с ослаблением укорененности**); 4) я – тамбовский; с одной стороны, мне хотелось бы жить в другом, более престижном месте, каком именно, я не знаю, с другой стороны, хотя я не очень люблю Тамбовский край, я к нему привык и, может быть, останусь в нем (**ослабленная РИ**); 5) я – тамбовский и очень люблю Тамбовский край, но не хотел бы жить там постоянно (**местный патриотизм, сочетаемый с пространственной мобильностью**); 6) я – тамбовский и очень люблю Тамбовский край и могу (буду, собираюсь) жить только в нем (**местный патриотизм, сочетаемый с укорененностью**). В этом ряду, в основном, сочетается убывание любви индивидов к своему краю с увеличением их потенциальной пространственной мобильности, однако в действительности любовь к своему краю и пространственная мобильность не связаны жестко. Возможны высокая пространственная мобильность при сильной любви (**сильная РИ**) и пониженная пространственная мобильность при слабой любви (**слабая РИ**).

В отличие от крупных городов, местный патриотизм в малых и средних городах в гораздо большей степени основан на априорном и эмоциональном, а не на рациональном начале и включает максимы «любовь за то, что здесь родился и вырос» и «любовь, несмотря на...» (ср. со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Родина»).

Ниже приведем примеры высказываний, характеризующих различные градации региональной самоидентификации индиви-

дов. **Неоднозначная конкретная РИ (с разной пропорцией позитивного и негативного).**

Тамбов. «Люблю за природу в окрестностях города и за то, что здесь родился и вырос, не люблю за тяжелую экологическую ситуацию и за то, что Тамбов – криминальная столица» (м., 16 л., шк.)

Нижний Ломов. «Хотела бы жить в Арзамасе (родина мужа). Но вообще-то кроме Нижнего Ломова нигде не хотела бы жить – здесь все нравится, здесь моя Родина; много есть городов лучше нашего, но здесь мои корни, мои родители живут здесь. Но я бы хотела, чтобы дети жили не в Нижнем Ломове: здесь мало перспектив для профессионального роста, нет работы. В Нижнем Ломове много злых, завистливых людей; много добрых, простых, работающих людей»» (директор музея).

Поисковая РИ, не связанная с ослаблением духовной укорененности в конкретном месте проживания. Здесь первична идея поиска.

Новомосковск. «Хотел бы пожить в разных городах, чтобы лучше узнать их историю, по методу включенного наблюдения» (м., художник, местный по убеждению, уроженец Молдовы). «Хотела бы жить в другом городе, но именно ностальгия будет непременной – хотела бы жить в г. Алексин, но несмотря на то, что природа там лучше, все же Новомосковск мне ближе (хотя Алексин и старше, и древнее Новомосковска)» (ж., 30 л. н/в.о.).

Плавск. «Плавск – спокойный, компактный городок. Люблю его за природу в окрестностях, отличный вид раздолья и свободы, и за то, что здесь родился и вырос. Однако в городе тяжелая экологическая ситуация: имеется повышенная радиация. Жители Плавска отличаются только от москвичей – они дикие и напряженные – а так нет. Насмешек над жителями Плавска нет, но по всей области плавчан знают и уважают. Где-то даже считают агрессивными; наш район достаточно дружный. Но хотел бы жить не в Плавске, а где-нибудь в горах (Алтай или Новая Зеландия), отличная природа, идеально чистый воздух и простор. Там много необитаемых территорий» (м., 19 л., рабочий, учащийся).

Поисковая РИ, связанная с ослаблением духовной укорененности в конкретном месте проживания. *Здесь первично ослабление укорененности, а не идея поиска.* При отсутствии негативной идентичности слабость позитивной – своего рода нулевая РИ: «любить-то люблю, но на самом деле тянет меня в другое место». Часто это «другое место» еще не определилось или носит чисто абстрактный характер.

Богородицк. «Альтернативное место жительства – затрудняюсь ответить, хотя мечтаю о Калуге». «Хотела бы жить в Иванове – там есть промышленность, то, что называется цивилизация, и при этом – естественная красота природы». «Хотела бы жить в Смоленске – с Богородицком нет никакого сравнения» (ж., 68 л., технолог). «Хочу жить в Воронеже – лучше природные условия, социальные условия» (ж., 27 л., в/о).

Новомосковск. «Хочу жить во Владимире – стариннее, красивее, уютнее, выше культурный уровень» (ж., 27 л., н/о в.о.). «Хотел бы жить в Тамбове – интересный, ухоженный город, много достопримечательностей, экологически чистый».

Сердобск. «Альтернативное место жительства – Нижний Новгород – мне нравятся люди, населяющие этот город, и река Волга».

Негативная конкретная РИ (все анкетированные – местные).

Нижний Ломов. «Не нравится стереотип поведения местных жителей – за их непробиваемую провинциальность». «Не нравится стереотип поведения местных жителей – люди характеризуются нетерпимостью, алчностью, в отличие от Беднодемьяновска и Наровчата. Там люди хорошие» (м., 67 л., учитель). «Специфика – в худшую сторону – завистливые и злопамятные – именно в Нижнем Ломове» (м., 52 г., краевед). Жители города отличаются «жадностью, завистливостью, а уж сплетники №1, а вообще, у нас есть село Гаи, про жителей которого говорят: «Гаевские воры», а про село Верхний Ломов – «Верхнеломовские бандиты». Нижний Ломов – скучный, серый, где каждый сам по себе – хмурые лица; негде отдохнуть, прогуляться. «Садки» сейчас стараются благоу-

строить, а фанерой дымит» (ж., старше 60 л., библиотекарь, уроженец Сергиева Посада).

В ответ на вопрос о давлении и конкуренции со стороны других территорий.

Богородицк. «Кому мы нужны» (ж., 27 л., в/о); «у меня нет ничего» (м., 40 л., б/р). «Не люблю Богородицк за тяжелую экологическую ситуацию. Не люблю за грязь и неблагоустройство». «Очень чувствительна к недостаткам. У нас тяжелая экологическая ситуация. Это главное и очень тревожное, что у нас много пьющих. Достопримечательности – «дворцовый комплекс» – больше гордиться нечем, к сожалению».

Елец. Жители Ельца отличаются от жителей других территорий «своим менталитетом – жуткое мещанство, глубочайшая необразованность подавляющего большинства жителей, глубоко скандальный и наглый народ» (м., 22 г., преп., хотел бы жить в Угличе, но сам – уроженец Ельца).

Позитивная конкретная самоидентификация – местный патриотизм.

Нижний Ломов. «Нижний Ломов люблю за природу, и за то, что родилась и выросла, и за тишину и даже за недостатки». «Люблю Нижний Ломов. Когда знаешь, за что любишь, это уже не любовь».

Плавск. «Не хочу переезжать из Плавска. Но, если пришлось бы переезжать, то выбрала бы экологически чистую зону, маленький старинный город» (ж., 50 л., с/с о.).

Тамбов. «Жители Тамбова лучше жителей крупных технократизированных городов». «Какой бы он ни был, это мой город» (ж., 16 л., шк.). «Мне кажется, что жители Тамбова немного злые, жестокие, но они гостеприимные» (ж., 15 л., шк.). «Коренные жители в народе называются тамбовскими волками, а они всегда отличаются манерой поведения от жителей других городов» (ж., 16 л., шк.).

Елец. «Хочу жить в Елецкой области. Изменения и дополнения в старинный герб Ельца: подрисовать карту РФ и указать, где Елец. Елец весь в достоинствах, начиная с земли и до неба» (м.,

21 г., студент). «Елец – весь город – достопримечательность» (м., 21 г., студент). «Люблю за старину, природу, климат» (ж., 54 г., в/о, преподаватель).

Новомосковск. Люблю – «очень горжусь своим городом; люблю за то, что это – новый благоустроенный город, за то, что здесь родилась и выросла, здесь много любимых уголков, здесь культурное, трудовое и героическое прошлое и будущее» (ж., 30 л., н/в о.). «Люблю – очень! Он хоть и не старинный, но за 70 лет имеет свою славную историю» (ж., 41 г., ср.т.о.)

Позитивная конкретная самоидентификация: местный патриотизм, сочетаемый с пространственной мобильностью.

Тамбов. «Люблю за то, что старинный город, в котором много примет старины: церкви, картинная галерея, за природу в окрестностях города, реку Цну, леса вокруг, парк Дружбы, за то, что я здесь родился и вырос. Но хотел бы жить в Москве – легко найти работу, много вузов – легче поступить без денег. Красивый, большой, благоустроенный город, много старинных зданий, музеев» (м., 15 л., шк.).

Самоидентификация как гражданина Земли (только) или как гражданина России (только).

Новомосковск. «Малая родина – Россия» (м., 41 г., архитектор).

Тамбов. «Малой родиной считаю Россию, а большой Родной – всю Землю» (м., 15 л., шк.). «Мне пришлось поехать по городам России и могу сказать, что сходств и различий между ними примерно одинаково. Особенно теплых чувств к своему городу (краю) не питаю. На мой взгляд, по большому счету люди мало чем отличаются друг от друга везде». «Я не люблю город, но люблю Россию. Не люблю Тамбов за тяжелую экологическую ситуацию, стереотип поведения местных жителей и за технократию. Хотел бы жить в глухой деревне, в лесу, вдали от технократии, заводов, т.е. лучше, чем в Тамбове» (м., 15 л., шк.).

Анализ анкет экспертов показал приблизительное соотношение различных градаций самоидентификации индивидов для разных групп городов (см. таблицу 9, где эти группы городов по-

казаны в порядке убывания силы позитивной РИ, для местных, без школьников): 1) Муром, Новохоперск; 2) Моршанск, Галич; 3) Арзамас, Балашов, Елец, Пенза, Тамбов; 4) Борисоглебск, Мичуринск; 5) Нижний Ломов, Новомосковск, Плавск, Сердобск, Череповец; 6) Богородицк. Попадание в одну группу контрастных по характеру своего географического положения Борисоглебска (изоляция) и Мичуринска (повышенная связность) подтверждает положение о равнозначности изолированности и связности при формировании РИ.

Эксперты, ориентированные на самоидентификацию гражданина Земли или гражданина России (только) зафиксированы не во всех городах и составляют приблизительно 3% опрошенных. Поисковая самоидентификация, не связанная с ослаблением духовной укорененности, составляет не более 5% и также зафиксирована не во всех городах.

Таблица 9. Приблизительная доля групп экспертов, в %%, по градациям региональной самоидентификации, для разных групп городов

Группы городов	Местный патриотизм, сочетаемый с укорененностью	Местный патриотизм, сочетаемый с пространственной мобильностью	Поисковая самоидентификация, связанная с ослаблением духовной укорененности	Негативная региональная самоидентификация
1	73-83	6-17	0	0
2	45-53	27-28	0-6	0
3	40-45	32-35	7-26	0-15
4	38-44	38-55	13-33	21-25
5	32-35	25-58	20-33	12-25
6	15	25	20	40

ПРИМЕЧАНИЕ: Сердобск и Плавск характеризуется *пониженной негативной* самоидентификацией.

Возможно говорить также о **соответствии между характером и силой региональной самоидентификации индивидов и силой РИ местных общностей** (по результатам массовых опросов и анкетирования экспертов):

1) очень сильная РИ местных общностей: развитые укорененность и местный патриотизм индивидов, а также местные по убеждению;

2) умеренно сильная РИ местных общностей: местный патриотизм индивидов, сочетающийся у них с поисковой самоидентификацией и другими формами пространственной мобильности; индивиды с самоидентификацией «малая родина – в другом месте»;

3) ослабленная РИ местных общностей: негативная региональная самоидентификация индивидов; самоидентификация индивидов, всю жизнь проживших на одном месте и стремящихся уехать оттуда, а также не испытывающих привязанности к одному месту; не гордящихся Россией и даже не привыкших к ней, а лишь стремящихся эмигрировать.

Наряду с этим, ракурсы РИ местных общностей могут быть расшифрованы в терминах наиболее характерной для них региональной самоидентификации индивидов.

Транстрадиционной РИ соответствует местный патриотизм индивидов, сочетающийся у них с укорененностью или пространственной мобильностью. *Надтрадиционной РИ* – поисковая региональная самоидентификация и пространственная мобильность индивидов, в ряде случаев – с ослабленной укорененностью и предполагающей тогда лишь чисто прагматичные элементы идентичности (сила РИ здесь не тождественна силе местного патриотизма). Отсюда видно, что усиление надтрадиционной РИ может быть сопряжено с ослаблением транстрадиционной РИ (что реально зафиксировано в Череповце, однако, не характерно для Вологды и Ярославля). *Традиционалистской РИ* соответствует укорененность при *разной* силе местного патриотизма у индивидов.

Региональная самоидентификация индивидов, судя по анкетированию экспертов, имеет смысл отношений (позитивное, негативное, поисковое), РИ местных общностей – потенциального доминирования какого-либо действия, направленного на реализацию идентификационных отношений индивидов.

Глава шестая

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

6.1. Пространственная самоидентификация населения в Европейской России

Пространственная самоидентификация населения Европейской России определяется культурно-историческими факторами и географическим положением городов и регионов (см. табл.10).

Как видно из таблицы 10, пространственная самоидентификация проявляется особо («порознь») для **мезо-** и для **макроуровня**. Мезорегион коррелирует с административной областью, а макрорегион – с историко-культурным эквивалентом экономического района. Пространственная самоидентификация на макроуровне выражена менее четко, чем на мезоуровне. Так, в Воронежской области – «Воронежском крае» принадлежность к «Черноземному краю» сосуществует с принадлежностью к «Югу», а в соседней Тамбовской области – «Тамбовском крае» идентификация с Черноземным краем сочетается с принадлежностью к «Центру» или «средней полосе» России. Структура пространственной самоидентификации на **мезоуровне** *дискретна, более или менее однозначна, в значительной мере – коллективна; на макроуровне* она – *континуальна, более или менее аморфна и специфична для разных индивидов*. Обычно у людей существуют четкие представления, что они живут в Тамбовском, Воронежском, Хоперском, Ярославском крае, но по вопросу о том, живут ли они в Центре, Юге или средней полосе, обычно нет единого мнения.

В Сердобске обнаруживается существование **«межрегионального пространства»** (понятие введено А.Е. Левинтовым, 1994). У жителей этого города нет сколько-нибудь четкого тяготения не только к Черноземному краю или Поволжью, но также и к Пензенскому, Саратовскому или Тамбовскому краю (Сердобск входил в состав Саратовской губ., ныне – в Пензенскую обл., стан-

Таблица 10. Аспекты пространственной самоидентификации жителей городов (в % % анкетированных экспертов)

Города	Свой регион необластного города*	Мезорегион, соответствующий формальному	Соседний мезорегион**	Смешанная пространственная самоидентификация	Макро регион
Галич	36	64	0	0	0
Кострома	-----	87	0	13	0
Череповец	36	44	0	9	11
Муром	67	0	0	33	0
Арзамас	37	48	0	15	0
Новомосковск	0	56	12	24	8
Плавск	0	72	6	0	22
Богородицк	0	82	0	6	12
Нижний Ломов	0	53	7	0	40
Сердобск	0	60	20	8	12
Елец	50	5	10	35	0
Тамбов	-----	75	0	18	7
Моршанск	11	44	0	5	40
Мичуринск	17	36	0	7	40
Балашов	40	45	0	12	3
Борисоглебск	40	33	15	0	12
Новохоперск	40	40	0	13	7

* Для Новохоперска свой регион – это Хоперский край, для Борисоглебска – Хоперский и Борисоглебский край суммарно, для Балашова – Балашовский и Хоперский край суммарно (для Балашова и Борисоглебска хоперская идентичность доминирует).

** Самоидентификация с соседними регионами обусловлена вхождением в них в историческом прошлом; для Новомосковска (а также Плавска) такой регион – Подмосковье, для Борисоглебска и Нижнего Ломова – Тамбовский, для Ельца – Орловский, для Сердобска – Саратовский край. 4) В Нижнем Ломове идентификация с Поволжьем – 8%.

ция Сердобск относится к Юго-Восточной железной дороге, подобно Черноземному Центру; ранее эта территория входила в состав Тамбовской провинции). Наибольшая множественность вариантов самоидентификации на уровне *макорегиона* существует на определенном удалении от Москвы (но не на окраинах ЕТР). Именно к *макроуровню* относится устное выражение «в наших краях» (изначально непонятное множественное число находит здесь объяснение – см. также главу 1, п. 1.1.).

Из табл.10 видно, что часть исторически и экономически значимых необластных городов (однако все же относительно *менее* значимых по сравнению с другими городами модельного полигона, с точки зрения их размеров или же исторического прошлого) не имеет «своих» неформальных регионов. Препятствует существованию «своего» региона также экстерриториальность, в частности, *экстерриториальность* Новомосковска – при принятии жителями города *тульской* идентичности. Там же, где такие неформальные регионы есть, их идентификационная значимость часто приблизительно равна значимости административной области (Балашов, Борисоглебск, Новохоперск), а иногда может превосходить ее (Елец, Муром).

Пространственная самоидентификация с **макорегионами** более развита в поселениях, удаленных (прежде всего культурно, а не пространственно) от центров **мезорегионов**.

Контрастные примеры такой самоидентификации – Моршанск, жители которого считают себя «тамбовскими» (в т.ч. судя по реакции на символ «тамбовский волк»), пространственная, но не культурная удаленность от центра мезорегиона, и Мичуринск, где развита тенденция «отторжения» от Тамбова, удаленность культурная, но не пространственная. Характерны такие высказывания: «Мичуринск – старый купеческий город, люди думают больше о вещах и деньгах» (Тамбов); «Тамбов – это не вполне город (прежде всего, имеется в виду меньшая плотность и этажность застройки в историческом центре города в Тамбове (М.К.))» (Мичуринск).

Удаление от центров **макорегионов** определяет противоположную тенденцию – усиление ориентации на **мезорегион**. Так, *Пензенская область* (без Нижнего Ломова, где обнаружена иден-

тификационная близость к Тамбовскому краю, что исторически может быть объяснено отнесением этого города к Тамбовской, но не к Пензенской, провинции в эпоху до образования Пензенской и Тамбовской губерний) *ментально находится вне основных макрорегионов – Поволжья, Черноземья, а Балашов – вне Поволжья* (судя по оценкам экспертов). Аналогичная ситуация возникает и на областном уровне – в удаленном от Тамбова и находящемся на границе с Рязанской областью Моршанском районе для сельских жителей характерна высокая самоидентификация не с Тамбовским, а с Моршанским краем (30%).

Положительная либо негативная эмоциональная реакция по отношению к **макропространственной** самоидентификации встречается довольно редко, однако представляет значительный интерес: «Центрально-Черноземный отстой», «да идите вы со своим произношением “г”» (студенты ТГУ им. Г.Р. Державина); в Вологодской области, в отличие от Воронежской, «люди другие – северные, добрые» (б. жительница Никольска, 27 лет, живущая в Новохоперске). «Хотел бы жить в Угличе – там народ другой» (в смысле – северный=мягкий; уроженец Ельца, бывал в Угличе у родственников, преп., 22 г.). Тем самым *обнаруживается обычно отрицаемое российскими этнографами существование особого северорусского и южнорусского самосознания, а также возможность доминирования макрорегиональной идентичности.*

По результатам исследования, региональные различия **в силе местного патриотизма** часто *не укладываются* в рамки внешне правдоподобных гипотетических схем (связанных с историей, разнообразием топонимики и т.д.). В то же время, **пространственное самосознание на мезоуровне** в значительной мере **объяснимо** с точки зрения гипотез, учитывающих пространственную расчлененность, местную историю, ландшафтное разнообразие и др.

Для **Тамбовского края** таковая основа – *реальная историческая провинция* (в смысле П.Н. Милокова), *идея существования которой давно вошла в культивируемую традицию и в народное сознание, в т.ч. в качестве широко известного символа «тамбовский волк».* Эта историческая провинция выходит за границы совре-

менной Тамбовской области, присутствуя, например, в Борисоглебске (ныне Воронежской обл.) в качестве *реликта Тамбовской губернии и в Нижнем Ломове* (ныне Пензенской обл.) как реликт Тамбовской провинции (или же постоянного ощущения Тамбовского края как близкого соседа). С физико-географической точки зрения эта территория приблизительно соответствует Тамбовской равнине (Окско-Донской низменности). В советское время Тамбовский край ассоциировался с «антоновщиной». Тамбовские историки связывают прошлое края с лесным мордовским порубежьем между Русью и Золотой Ордой. Эта идея уже давно транслируется в «истории своего края».

Хоперский край является чисто неформальным (неадминистративным) регионом, хотя он и близок к недолго существовавшему Балашовской области и Борисоглебскому округу ЦЧО. Этот край включает в себя «пограничные» части соседних областей и губерний и не имеет бесспорного центра, или даже центра вообще (в отличие от большинства российских историко-культурных регионов), и тем самым напоминает регион «западного» (неполиценого) типа. Хоперская РИ в сознании жителей Балашова, Борисоглебска и Новохоперска сочетается с воронежской, саратовской и, отчасти, тамбовской РИ. В Хоперском крае нами зафиксировано первенство (наибольшая величина) в силе РИ отнюдь не центрального города данной территории – Новохоперска. Такая ситуация не уникальна для России – *в Тамбовском крае тамбовская идентичность больше всего развита в Моршанске, а ярославская – в Рыбинске* (включая как пространственную самоидентификацию, так и местный патриотизм).

Идея хоперской идентичности популярна в Урюпинске, где появилась поговорка (в контексте идеи возрождения Балашовской области): «Балашову – хлеб да сало, Волгограду – пыль да слава». Для Тамбова и Новохоперска характерен наибольший контраст между ответами «местных» и «неместных», что связано со сложностью ассимиляции в субэтнически развитой среде.

Самоидентификация на уровне *макрорегиона* и *мезорегиона* – это не только «**пространственная ориентация**», хотя **простран-**

ственный аспект здесь является исходным. Она включает в себя некоторые аспекты ценностной ориентации и отчасти приближается к «микроцивилизационной».

Как мы уже отмечали выше (глава 2, п. 2.1), на этой основе могут быть частично поняты *«противоречия русского национального характера»*, отдельные контрастные черты которого могут тяготеть либо к Югу, либо к Северу, а нередко к отдельным регионам: характерен контраст между ярославским, костромским и галичским характером (полевые исследования автора 2002 г.). Часто считают, что по характеру жители Воронежского края существенно мягче, чем жители Тамбовского и Белгородского края. К северу от Москвы люди гораздо менее меркантильные. Список такого рода наблюдений можно значительно расширить.

Наши результаты вписываются в совокупность известных идей, связанных с противопоставлением Севера и Юга России, в частности, в концепцию *«красного пояса»*, которая предполагает активность, «сопротивление» и традиционность Юга в отличие от Севера. Интересно, что, с точки зрения гипотезы Л.Н. Гумилева о *пассионарности*, выявленный срез реальности может быть интерпретирован следующим образом: Юг как бы находится в фазе молодости-зрелости, в то время как Север – зрелости-старости.

Очень большое значение имеет традиция культивирования представлений о «своем крае» как о самобытном историческом регионе (Алленова, Мизис, 2001; Гордеев, 1966; Черменский, 1961; Тамбовская энциклопедия, 2004; Дубасов, 1993) в качестве самостоятельной составляющей и пространственного самосознания, и местного патриотизма. Необходимо обратить внимание на отождествление «своего края» с дореволюционной губернией, что особенно эффектно смотрелось в случае «Историко-литературной карты Тамбовского края» (Гордеев, 1966).

С «чисто пространственной» точки зрения края, – объекты самоидентификации легко могут получить генетическое объяснение исходя из их географического положения и культурного статуса городов-центров этих территорий. Однако **распространение именно такой (хоперской, арзамасской и др.) пространственной**

самоидентификации **среди населения** определяется местным патриотизмом.

Очень интересная методика выявления и картографирования пространственной составляющей региональной идентичности предложена А.А. Гриценко – см. с. 33–34.

6.2. Элементы структуры общественно-географического пространства Европейской России в контексте региональной идентичности

В данном параграфе мы рассмотрим примеры этнокультурной и ментальной структурированности пространства Европейской России как проявления региональной идентичности, прежде всего, в различных аспектах региональной рефлексии: региональные проявления связности местного сообщества (общинности?), отношение к региональным символам, выделение черт регионального характера, самооценка местной общности, отношение к жителям соседних регионов и к проблеме конкуренции и «давления» со стороны соседних территорий, а также Москвы. Использован анализ анкетирования экспертов, а также массовых опросов.

Пример этнокультурной структурированности географического пространства – общинность. При анализе данных массовых опросов фиксируются элементы связности местного сообщества (общинности?), которые оказались сопряженными с *региональными чертами характера* (такое мнение напрашивается ввиду четкости градиента «Север – Юг»), хотя непосредственно они фиксируются на уровне населенных пунктов. «Доля респондентов, которые знают в лицо свыше 500 чел. среди жителей своего населенного пункта» – Вологодская обл.: 19,8%, Костромская обл.: 20,0%, Ярославская обл.: 33,0%, Воронежская обл.: 36,0%. «Доля респондентов, которые здороваются более чем с 300 жителями своего населенного пункта» – Вологодская обл.: 17,0%, Костромская обл.: 23,4%, Ярославская обл.: 26,0%, Воронежская обл.: 43,0%. Показатели «знания жителей в лицо» и развитость круга лиц, с кем здороваются, обнаружили высокую корреляционную связь (на уров-

не городов) между собой ($R_s=+0,85$) и с показателем «любовь к городу, краю» ($R_s=+0,60$ и $R_s=+0,69$).

Пример этнокультурной и ментальной структурированности географического пространства – восприятие регионального символа «тамбовский волк». Для внешнего наблюдателя не всегда очевиден культурный смысл регионов, существующих на базе современных административных областей. Однако неформальный характер, например, Тамбовского края подтверждается вышеупомянутым **региональным символом «тамбовский волк»**. Тамбовский волк – аналог «скобаря» (коренного жителя псковского края), или «сибиряка» (см.: Кувенева, Манаков, 2003; Сверкунова, 1996, 2002). В группах экспертов выявлено несколько десятков значений понятия «тамбовский волк» или связанных с ним ассоциаций: «благородный русский геральдический зверь» (м., 29 л., журналист), «ответственный, строгий, злой волк» (ж., шк., 15 л.), «волка ноги кормят» (ж, н.о, 65 л.), «...значит – не бездельник» (ж., н.с.о., 64 г.), «тамбовский волк – это я» (м., ст., 20 л.), «это человек, который вырос в Тамбове, патриот Тамбова и несет какие-то важные черты тамбовской местности» (м., шк., 16 л.), «сильный, смелый, преданный, способный вести за собой «стаю», стремящийся к высокому, т.е. «луне» как бы» (м., шк., 16 л.), «тамбовчанин, который любит свой город и готов отстаивать свою любовь» (ж., шк., 16 л.), «тамбовскими волками называют коренных жителей тамбовского края, людей выносливых, смелых; во время нашествия монголов защитники южных рубежей (в том числе тамбовцы) дрались как волки; часто это выражение употребляют как насмешку» (ж., 15 л., шк.), «независимый, свободолюбивый человек», «человек, который обладает качеством волка (характер)», «злой, как собака», «символ Тамбовской области» (м., 15 л., шк.), «человек с тамбовским характером, душой» (ж., 16 л., шк.), «раньше в Тамбовской области жили самые большие в мире волки» (ж., 14 л., шк.) «преданность к Тамбову: сколько волка ни корми, а он все в лес смотрит» (ж., 15 л., шк.), «настоящий друг» (м., 14 л., шк.), «так раньше называли тамбовских крестьян, которые зарабатывали в соседних губерниях» (м., 16 л., шк.), «так раньше называли наших

мужчин, потому что, несмотря на голод, пришли к месту, какому надо» (ж., 16 л., шк.), «так называют жителей Тамбовщины. Есть как бы миф: волков, живших на наших землях, постепенно выстреливали, и осталось их мало» (ж., 14 л., шк.) и т.д.

Наряду с этим существует и совсем иное, в т.ч. негативное, понимание этого символа: зверь – обитатель тамбовских лесов, товарный знак, враг, преступник, нехороший, ненадежный человек и др.

Положительные значения увязываются с распространением в прошлом в Тамбовской губернии не крепостных, а государственных крестьян, с коллективизмом и свободой личности, с «сопротивлением при «антоновщине», с успешной трудовой конкуренцией, отрицательные – с грубостью (или грубоватостью), резкостью, хамоватостью, агрессивностью, недипломатичностью.

Негативные значения данного символа у «местных» в Тамбовском крае нередко являются «оборотной стороной» положительных значений, за пределами Тамбовского края чаще распространены однозначно негативные значения. В целом, уроженцы других территорий, укоренившиеся в Тамбовской области, в значительной степени по отношению к образу «тамбовского волка» отличаются от «местных». Фиксируется зона относительно активной (отчасти – положительной) реакции на образ «тамбовского волка» (Елец; Пензенская обл., особенно Нижний Ломов; отчасти Богородицк и Плавск), переходящая в зону незнания, недоумения и резко негативной трактовки (Тула, Новомосковск, Алексин).

Елец о «тамбовском волке». «Мы их загоняли в леса и они рычали и выдавали нам, за это мы, ельчане, их сильно били» (м., 21 г., н/в.о., историк). «... простой, замкнутый, небогатый человек» (м., 21 г., студент). «... дикий край». «... понимаю как неплохое ЛИПЕЦКОЕ мороженое с таким названием (д.фил.н. Н. Борисова).

Плавск о «тамбовском волке». «... дикий, глупый человек» (м., 19 л., раб., уч.). «... коренной житель глубинки» (м., 31 г., в/о, военнослужащий). «... люди, которые приехали из других областей, в частности, из Тамбовской» (ж., 48 л., с. с/о, бухгалтер). «... человек, который живет в глуши» (м., 24 г., в/о, юрист). «... одинокий, злой» (ж., 40 л.,

в/о, служащая). «... человек, агрессивно настроенный по отношению к другим, но лезет в друзья» (ж., 50 л., в/о, культработник).

Богородицк. «... старожил данной местности» (ж., 20 л., н.в/о, журналист). «... пришедший откуда-нибудь с другого места» (м., 20 л., инженер по обслуживанию телерадио). «Все друзья» (безработный).

Отличие «тамбовского волка» от «брянского волка». Нижний Ломов. «Тамбовский волк страшнее брянского волка». «Типичный «срез» местного жителя; от брянского волка тамбовский волк отличается также, как котелок от кастрюльки» (ж., 24 г., в/о, журналист). «Тамбовский волк – понимаю нормально. Тамбовский волк отличается от брянского благородством» (м., 57 л., преподаватель). «Тамбовский волк – это повстанец, боровшийся с советской властью, а брянский волк, это, наверное, волк брянских лесов или партизан ВОВ» (м., 52 г., в/о, краевед). «Плохой товарищ»; «Причина выражения: 1) в Тамбове действительно мощные леса и волки там были, 2) антоновские бандиты прятались в тамбовских лесах, их называли тамбовскими волками, жестокими волками; тамбовский волк отличается от брянского волка своей жестокостью» (ж., 48 л., в/о, директор музея).

Народное, характерное для жителей и уроженцев Тамбовского края понимание выражения «тамбовский волк» (фактически – их самоназвание), очевидно восходит к известным историческим фактам, отражающим специфику Тамбовского края и «тамбовского регионального характера», которые сохранились в исторической памяти жителей края и соседних территорий как обобщающий образ. Так, согласно В.П. Семёнову и П.П. Семёнову (Россия, с.136): «Сбродный характер населения – наследие смутного периода породил в некоторых частях нашей (Среднерусской чернозёмной – М.К.) области, долго не умиротворявшихся и сочувствовавших разинцам, булавицам, пугачёвцам и пр., как напр. в Тамбовской губ., страшную грубость нравов во всех слоях населения, подмеченную ещё поэтом Г.Р. Державиным: здесь, например, даже в XVIII в., в елизаветинское и екатерининское время, существовали разбойничьи шайки, между прочим под предводительством титу-

лованных помещиц..., некоторые же помещики отличались таким самоуправством и жестокостью, которые были немислимы даже и в те времена в других частях России, а крестьянское и инородческое население, прячась в лесных дебрях северной половины губернии, зачастую не признавало ни каких бы то ни было властей, ни религии (инородцы) и приводилось в повиновение нередко военной силой, причём слабые «гарнизонные команды» не раз терпели поражение от разбойничьего сброда». Представляется, что выражение «тамбовский волк» сохранило и память об изолированном, даже скрытом, от Руси и татар существовании свободлюбивой мордвы, жившей в лесах на границе Руси и Золотой Орды на территории будущих Тамбовской и Пензенской губерний и в основной массе обрусевшей после принятия ею православия, начиная с конца XVII в. Известные события, связанные с «антоновщиной» (1920 – 1922 гг.), а также более ранние, – Холерный бунт, раскол (и связанная с этим ликвидация Тамбовской епархии), образование именно в Тамбовской губернии первых скопцов, хлыстов, молокан и духоборов и ещё более ранние, – сопротивление мордвы крещению, – хорошо вписываются в такое объяснение (см.: Дубасов, 1993; Черменский, 1961). *Широкое распространение выражения «тамбовский волк», особенно за пределами Тамбовского края, произошло после выхода в прокат фильма «Дело Румянцева» (1959).*

Нельзя согласиться с мнением доктора филологических наук М.А. Грачёва (2009) из Нижнего Новгорода о происхождении выражения «тамбовский волк», использующего словари и другие литературные источники, которые ориентируют на уголовный жаргон, а не на особенности реального словоупотребления населения.

Пример ментальной структурированности географического пространства – выявление и оценка жителями городов своих черт характера и образа жизни, нередко – негативная. Здесь, по данным анкетирования экспертов (учитываются распространенные позиции), в направлении от юга к центру и северу происходит переход от эгоизма, «жлобства», трудолюбия и сообразительности

(Новохоперск, Борисоглебск) сначала к коллективизму, агрессивности, нахрапистости, дерзости и угрюмости (Тамбов), затем к пьянству (Мичуринск), любопытству, завистливости, терпеливости и пьянству (Богородицк), замкнутости, завистливости, злопамятству (Нижний Ломов), далее – к сердобольности (Сердобск), мягкости, доброте (Моршанск, Балашов), доброжелательности и завистливости (Плавск), предприимчивости, прижимистости, открытости, лени и доброте (Новомосковск, Тула), затем – к прагматичности («куркули»), доброжелательности, любви к сплетням (Арзамас, Муром), севернее – к доброте и инертности (Кострома), севернее – к суетливости, беспокойности и трудолюбию (Галич). Фиксируются барьеры: воронежско-тамбовский, связанный с переходом от «эгоизма» к «коллективизму», и галичско-костромской – переход от «инертности» к «активности»; «добрая» территория – Арзамас, Балашов, Моршанск, Муром, Пенза, Сердобск; «злая» – Нижний Ломов, Тамбов (происходит дифференциация тамбовской идентичности на собственно тамбовскую и моршанскую). Жители Новохоперска оцениваются как «злые» только неместными.

Пример ментальной структурированности географического пространства – оценка экспертами своей и соседской местных общностей – показаны в табл. 11.

Примеры мнений об отличиях от жителей других территории, высказываний об этом и поговорок.

Новомосковск. «Отличаются добродушностью, мягкостью, остроумием, открытостью» (ж., 21 г, н/в.о., культуролог, бухгалтер-экономист). «Несуетные, доброжелательные, но медлительные, ленивые» (ж., 27 л., с/о, актриса). «Они очень предприимчивы – мал, да удал; глаза боятся, а руки делают» (ж., 32 г., музыкант).

Богородицк. Жители Богородицка «слишком любопытны» (ж., 41 г., научный сотрудник музея); «завистливые» (ж., 26 л., в/о, библиотекарь); они – «сплетники», для них характерна «глупость» (м., 40 л., безработный); «терпение» (ж., 47 л., в/о, библиотекарь); «больше пьют, тяжелые на подъем» (ж., 40 л., в/о, библиотекарь). «Терпенье и труд – все перетрут: люди годами, месяцами не полу-

Таблица 11. Оценка своей местной общности в сравнении с соседями (в %, столбцы)

Жители поселений	Оценка местной общности позитивная	Оценка местной общности негативная	Оценка местной общности неоднозначная	Местная общность оценивается как не имеющая специфику	Насмешек соседей нет	Насмешки соседей есть	в т.ч. над поведением	в т.ч. над говором
Череповец	22	7	18	44	0	0	0	0
Галич	27	0	9	18	45	18	18	0
Кострома	0	25	12	25	12	38	6	32
Муром, Школьники	17	4	0	25	67	12	0	8
Муром, Местные	17	0	17	0	33	16	0	16
Муром, Неместные	0	25	0	0	25	25	25	0
Арзамас	5	0	16	37	53	16	5	11
Балашов	16	0	6	32	58	13	10	3
Борисоглебск	22	25	18	9	15	22	7	15

Жители поселений	Оценка местной общности позитивная	Оценка местной общности негативная	Оценка местной общности неоднозначная	Местная общность оценивается как не имеющая специфику	Насмешек соседей нет	Насмешки соседей есть	в т.ч. над поведением	в т.ч. над говором
Новохоперск, местные	7	0	21	43	50	14	14	0
Новохоперск, неместные	11	44	33	0	22	33	0	33
Тамбов, Школьники	32	5	27	9	32	41	14	27
Тамбов, местные по убеждению	38	24	38	0	38	38	25	13
Мичуринск	15	21	19	17	21	36	13	15
Моршанск, школьники	25	0	13	6	25	31	19	6
Моршанск, Местные	9	6	16	25	16	34	3	13
Моршанск, Неместные	0	0	29	29	43	14	0	14
Моршанский район, села	15	0	0	20	50	0	0	0

чают зарплату и терпят» (ж., 47 л., в/о, библиотекарь). «Жителей села Малеевка называют «побирушками» – у них раньше был отхожий промысел – попрошайничество» (ж., 40 л., в/о, библиотекарь).

Тамбов. «Другое поведение, манера разговаривать – не знаю, в какую сторону отличия, в лучшую или худшую» (ж., 14 л.). «Жители моей местности отличаются в лучшую сторону: спокойные, рассудительные» (ж., 15 л.). «Наши жители более понимающие и спокойные». «Тамбовцы, или тамбовчане, весьма оригинальный народ». «Отличаются, но в лучшую сторону: тамбовский волк тебе – товарищ». «Мои земляки всегда гостеприимны и просты в общении». «Доброжелательное отношение, нет такого высокомерия больших городов, называют «тамбовский волк». «Слишком гордый и грубый народ в Тамбове». «В Тамбове все жестокие». «Черты характера – в худшую сторону: население г. Тамбова злое, агрессивное, хитрое, в лучшую сторону: слишком стойкое ко всему, патриархальное». «Жители Тамбова в основном доброжелательные; «тамбовские водохлебы»» (м., 15 л., шк.).

Нижний Ломов. «Отличаются добротой, замкнутостью – в худшую сторону» (ж., 36 л., в/о, библиотекарь). «Завистливость, «и нашим, и вашим; и мордвам, и чувашам» (ж., 35 л., в/о, журналист). Жители отличаются «злорадством, завистью» (ж., 30 л., в/о, ПГПУ). («Кривошеевка село все покрыто тюлею, там ребята ничего, а девочки с дурею» (ж., 48 л., в/о, директор музея). «Пензяки толстопятые, т.к. вязали носки с двойной пяткой» (м., 52 г., в/о, краевед).

Сердобск. Специфика: «Говор, когда растягивают слова» (ж., 18 л., студентка). «Произношение» (ж., 18 л., с/о, сотрудница музея). «Певучий говор (растягивание гласных)». «Отличаются простотой – сердобольные; часовой завод славится кукушкой» (ж., 25 л., музей).

Елец. «Отличительное положительное качество – гордость за древность города» (ж., 48 л., н. в/о, фотограф-историк). «Нравы могли бы быть помягче» (Н. Борисова, д. фил. н.). «Ростов наш папа, Одесса мама, а мы ребята из Ельца, видали ваших мать и

отца» (м., 20 л., н. в/о). «Елец – всех воров отец (вор – в древнем истолковании – бунтарь, лихой человек) и т.д.» (м., 21 г., н. в/о, историк-политолог).

Примеры насмешек со стороны жителей соседних территорий.

Новомосковск. «нет истории» (ж., 31 г., библиотекарь). «Манера отрезать хлеб крупными кусками» (ж., 32 г., с/с.о.).

Богородицк. «Насмешки за черты характера»; «за говор, особенно в Москве, но не только»; «звук «г» произносится как «к» (ж., 36 л., в/о, музейный работник). «Диалект – слишком выделяется в речи звук «г» (ж., 37 л., в/о, ст. н. с. музея).

Елец. «Насмешки за говор» (ж., 24 г., учитель математики).

Нижний Ломов. Говор: «в окрестных селах преобладает умеренное яканье, съедание окончаний: «знат», «делат». Мы «поем», т.е. растягиваем слова» (ж., 48 л., в/о, директор музея).

Тамбов. «Тамбовский говор». «Скорее всего, это произношение буквы «х» вместо «г», латинское «ха». «Черты характера». «Произношение буквы «г» и название «тамбовцы». «Букву «г» изображают глухой, я исключение».

«Я уважаю людей, которые живут в соседних поселениях, поэтому не обращаю внимание на людей, которые пренебрежительно отзываются о той или иной местности» (Тамбов, ж., 15 л., раб. шк. возраста).

Пример ментальной структурированности географического пространства (по данным анкетирования экспертов), – отношение к анекдотам об Урюпинске.

При приближении к Урюпинску растет доля относящихся к этим анекдотам положительно (Балашов – 14%, Борисоглебск – 20%, Новохоперск – 32%). На определенном расстоянии от Урюпинска формируются зоны: **активного знания** этих **анекдотов** при распространении позитивного и негативного отношения к ним (Тамбов, разные категории экспертов); **переходная** (Моршанск; Пензенская обл.); **зона, где не знают эти анекдоты и сам Урюпинск** (Мичуринск, Тульская обл.). «Анекдоты об Урюпинске – перлы недалеких умов» (Нижний Ломов, ж., 27 л., журналист).

«Анекдоты об Урюпинске осуждаю: высокомерие не одобряю никогда» (Новомосковск, ж., 30 л., н. в/о.). «Анекдоты об Урюпинске одобряю – это только привлекает внимание общества к проблемам «глубинки» (Плавск, м., 19 л., рабочий-учащийся).

На территории модельного полигона фиксируется приблизительно одинаковая величина ощущаемого *давления и конкуренции со стороны других территорий* – порядка 11–13% % (по данным массовых опросов). Практически везде доминирует ощущение давления со стороны Москвы, но кроме Костромы и Тутаева, где преобладает мнение о давлении со стороны Ярославля (соответственно, 7% и 9% всех респондентов). В Ярославле давление Москвы ощущают 10,8% всех респондентов, в Рыбинске – 6,9%, в Воронежской области – 4,7%, в Костроме – 2,3%, в Тутаеве – 1%.

Тамбов. Распространено мнение о давлении со стороны Москвы, а также Липецка, Мичуринска и Воронежской области: «Политики из Москвы приватизируют тамбовские предприятия и организации» (м., шк., 16 л.); «Сейчас по всей области много товаров липецкого производства; строительство по области осуществляется многими московскими строительными организациями» (ж., раб., 15 л.). «Москвичи, живущие в столице, считают нас за «деревенщин», т.к. Тамбов не такой большой и знаменитый город, как Москва». «Тамбов – город независимый» (ж., 16 л.). «Московская молодежь считает себя крутой» (ж., 13 л.). Конкуренция существует «в сфере торговли со стороны Липецкой и Воронежской областей» (ж., 15 л.), «конкуренция в благоустройстве города, в выпуске лучшего качества продукции (Липецк, Белгород, Воронеж)» (ж., 14 л.). «Москва присваивает себе Рахманинова» (м., 13 л.). «... особенно москвичи (с москалем дружи, а камень за пазухой держи» (ж., 16 л.).

Новомосковск. Мнение о давлении и конкуренции со стороны Москвы и Тулы. «Москвичикупают у нас разные учреждения, фирмы, магазины» (ж., 32 г., н.в/о, музыкант).

Елец. Очень распространено мнение о давлении и конкуренции со стороны Липецка, в меньшей степени – Москвы и Тамбова. «Липецк пытается стать старше Ельца – безосновательно» (м., 21 г., историк-политолог).

Нижний Ломов. Распространено мнение о давлении Мордовии: «присваивают марки продукции» (ж., 35 л., в/о, журналист).

Мнение о давлении со стороны Кавказа на момент проведения опросов было слабо распространено. Однако характерно, что ощущение давления со стороны Кавказа усиливается по направлению именно с севера на юг: Вологодская обл. – практически нет; Костромская обл. – 0,24%; Ярославская обл. – 1,2%, Воронежская обл. – 1,8%.

Внимание к жителям соседних территорий. Тамбов. «По ТВ обращаю внимание на информацию о Пензе, Воронеже, Липецке – потому, что они наши друзья и соседи». «По ТВ обращаю внимание на Пензу, Липецк, Воронеж – мы сравниваем их развитие с нами».

6.3. Феномен стресса соседства

Важную роль в изменении пространственной самоидентификации играет введенное нами *понятие «стресс соседства»*. «Стресс соседства» в нашем случае – это ситуация, связанная, во-первых, с присутствием в сознании индивида «образа преуспевающего соседа», создающего соблазн изменения самоидентификации, и, во-вторых, с «излишней открытостью» мезорегиональных границ, дополнительно стимулирующей указанный соблазн. При этом изменяется, чаще – ослабевает, или становится неоднозначной РИ (обычно на уровне поселения, чаще – города). Нарушается пространственная рефлексия жителей – их принадлежность к данной территории уже кажется им не столь однозначной, положенной им «по судьбе», им как бы навязывается внутренне не очень приятный выбор, который в целом их дезорганизует, создает дискомфорт, приводит их в положение «между двумя стульями». Возможно появление «комплекса неполноценности». Например, в Твери проявляется излишняя близость к Москве, а в Костроме – к своему конкуренту – более преуспевающему и динамичному Ярославлю (ср.: Родман, 1999, с. 15).

В Мичуринске сказывается близость, благодаря удобному нахождению на коммуникациях, к преуспевающим Москве и Липецку, а также к Рязанской области. Для этого города характерны, например, следующие особенности стресса соседства. Там преобладает восприятие *регионального символа* «тамбовский волк» не как положительного (подобно Тамбову и Моршанску), а как негативного образа. На вопрос о гипотетическом объединении Тамбовской и Липецкой областей около половины экспертов высказалось в пользу целесообразности такого объединения, мнения же в пользу Тамбова или Липецка как центра объединенной области разделились поровну. В то же время, в Тамбове и Моршанске среди местных уроженцев доля пожелавших присоединиться к Липецку ничтожна. В Новомосковске 48 % анкетированных – за присоединение к Московской области (35% – против). Стресс соседства может охватывать и меньшую часть населения. Так, в Сердобске 40% анкетированных пожелало присоединиться к преуспевающим Самарской или Саратовской областям (против – 60%), в Нижнем Ломове – 18% (против – 80%); в Богородицке – 75% против присоединения к Московской обл., 25% – «за», в Плавске против – 66%, «за» – 33%.

Предельный случай изменения пространственной самоидентификации – трансформация местного патриотизма в результате стресса соседства.

Для стресса соседства характерно в целом мало распространенное единство процессов, связанных с местным патриотизмом и пространственной самоидентификацией: ослабление того и другого происходит параллельно. В Костроме происходит частичный отказ от костромской идентичности, в Мичуринске – от тамбовской идентичности, при преобладании негативной оценки своей местной общности по сравнению с соседями. Стресс соседства в Костроме характеризуется не только отмеченными в табл.1 ключевыми показателями – ослабленной (точнее, *инверсионной*) надтрадиционной идентичностью (в отношении уровня образования и уровня богатства респондентов) и пониженной долей выбравших свой город, – также рядом других, более частных показателей РИ (по массовым опросам): 12,3% респондентов считает, что их город (Кострома)

исторически не относится к Костромскому краю (против 0,4% для аналогичного вопроса о Ярославском крае в Ярославле, 0% в Рыбинске и Тутаеве), старинный герб своего города ярославцы знают лучше костромичей, хотя с графической и исторической точек зрения гербы идентичны. Для Костромы характерно также *повышенное мнение о наличии насмешек со стороны жителей соседних территорий* (7,2% в городе, 12% в сельской местности, против 1% в Рыбинске и 3,1% в сельской местности Ярославской области). Выражение «Кострома полна ума» зафиксировано нами не в Костроме, а в Ярославле.

В группе экспертов зафиксировано преобладание негативного мнения костромичей о костромском говоре (ср. с совершенно иной реакцией жителей Тамбова на тамбовский говор, который в гораздо большей степени отличается от московского). В то же время, *стресс соседства не распространяется на удаленные от Ярославля части Костромской области* (Галич – ср.: «Нам дорого название Костромской области»).

Феномен стресса соседства является одним из доказательств (в данном случае – «от противного») позитивной основы местного патриотизма.

Это же доказывает доминирование среди экспертов ***отрицательного отношения к образам ряда городов как распространенным символам глубинки*** (глуши, провинции, глубокой периферии), например, Тамбов (школьники): 52% негативно, 9% позитивно; Тамбов (работающие школьного возраста): 63% негативно, 25% позитивно; Моршанск (школьники): негативно – 56%, позитивно – 13%; Мичуринск (взрослые): негативно – 45%, позитивно – 15% (везде – «Тамбов» как символ); Нижний Ломов (взрослые): негативно – 35%, позитивно – 9%; Сердобск (взрослые): негативно – 33%, позитивно – 27% (везде – «Пенза» как символ). Ответ на этот вопрос в анкете нередко сопровождается критикой в адрес «столичных снобов» и обычно соответствует развитому местному патриотизму. Иногда позитивное отношение к символу глубинки также означает позитивную основу самоидентификации: «наш город действительно провинциальный, и это хорошо».

Исследование показало существование в Европейской России весьма значительных культурных контрастов (в том числе между соседними регионами и городами). Однако эти контрасты проявляются в континуальной и часто неплотно освоенной геопропространственной среде (в том числе с относительной невысокой, по западным меркам, плотностью городских поселений), что фокусирует региональные различия на города-центры регионов. Континуальность геопропространственной среды усиливает корреляцию между существующим в Европейской России областным делением и местными этнокультурными типами. Культурные (в том числе субэтнические) контрасты, местное самосознание и местный патриотизм проявляются в рамках единого субстрата, местного проявления российской цивилизации. В совокупности все это может создавать впечатление «аспатиальности».

6.4. Региональная идентичность и российский патриотизм

В ходе исследования нами было установлено, что российский патриотизм стимулирует и местный патриотизм, это – «две стороны одной медали»: табл. 12–15; связь между характеристиками российского патриотизма и «любви к своему городу, краю» ($R_s = 0,59$); российского патриотизма и выбора своего населенного пункта в гипотетической ситуации ($R_s = 0,42$). Отпадает высказываемая иногда парадоксальная идея о сопряженности российской РИ (для русских территорий!) и сепаратизма (который усматривают, например, Бызов, 2002; Пантин, Лапкин, 2004; Российская идентичность, 2005, с. 119, 143; Костиков, 2005). Взаимосвязь местного и российского патриотизма – аргумент против радикального изменения административно-территориального деления РФ (трансформация регионов в целях «усиления вертикали власти» содержит риск ослабления российского патриотизма).

Однако были зафиксированы тенденции внутрорегионального «сепаратизма» в Балашове и Ельце как стремление иметь «свой регион» (табл.10); в Мичуринске, Новомосковске, Алексине, в слабой форме – Сердобске и Нижнем Ломове – стремление перейти в соседние регионы (в смысле изменения границ областей).

Таблица 12. Изменение местного патриотизма в зависимости от отношения к российскому патриотизму в Вологодской области

Формы местного патриотизма	Гордость за Россию	Привычка жить в России	Желание эмигрировать из России
Выбор своего населенного пункта (%)	+58,2	+40,2	+6,8
Любовь к своему городу, краю (%)	+80,9	+73,6	+26,0

Таблица 13. Изменение местного патриотизма в зависимости от отношения к российскому патриотизму в Воронежской области

Формы местного патриотизма	Гордость за Россию	Привычка жить в России	Желание эмигрировать из России
Выбор своего населенного пункта (%)	+60,1	+56,1	+5,7
Любовь к своему городу, краю (%)	+90,5	+88,7	+55,5

Таблица 14. Изменение местного патриотизма в зависимости от отношения к российскому патриотизму в Ярославской области

Формы местного патриотизма	Гордость за Россию	Привычка жить в России	Желание эмигрировать из России
Выбор своего населенного пункта (%)	+58,3	+47,5	-2,3
Любовь к своему городу, краю (%)	+93,3	+81,3	+53,5

Таблица 15. Изменение местного патриотизма в зависимости от изменения отношения к российскому патриотизму в Костромской области

Формы местного патриотизма	Гордость за Россию	Привычка жить в России	Желание эмигрировать из России
Выбор своего населенного пункта (%)	+48,8	+36,3	-21,0
Любовь к своему городу, краю (%)	+89,3	+75,1	+14,7

Глава седьмая

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СРЕДА ОБИТАНИЯ

Ранее охарактеризованные особенности РИ служат основой экологического сознания, восприятия культурно-исторического наследия в поселениях и культурно-пейзажного разнообразия поселений, связанных со средой обитания человека. Такого рода *вторичные* черты достаточно «выпукло» отражают специфику российской региональной идентичности, являясь примером ее актуализации, перехода от состояния «энергии потенциальной» к «энергии кинетической», однако, в конечном счете, они производны от *первичных* черт.

7.1. Региональная идентичность и отношение населения к местным экологическим движениям

Информация по проблеме экологического сознания и отношения населения к местным экологическим движениям. Для исследования российского экологического сознания в контексте региональной идентичности были использованы материалы социологического обследования 96,3 тыс. человек – горожан в пределах СССР в 1990 г. (из которых наиболее детально рассмотрено 102 города России – Мнение, 1991). Указанное обследование было осуществлено Госкомстатом СССР. Эти материалы являются уникальными с точки зрения их географической репрезентативности и отражают период наибольшей «раскрутки» экологической проблемы, осознание которой тогда не отягощалось грузом бытовых экономических и социальных проблем (которые казались относительно легко преодолимыми в рамках политического воздействия). В настоящее время выявление экологических приоритетов населения затруднено, однако никак нельзя согласиться с частыми утверждениями о затухании, исчезновении или деградации этих приоритетов; в частности, по результатам обследования населения России в 1996 г. (3130 человек в 36 городах России), проведенного

БСО «Выбор» совместно с ВЦИОМ, (материалы были любезно предоставлены нам Я.Г. Красниковским), уровень развития экологических приоритетов и основные закономерности развития российского экологического сознания сохранились, несмотря на мощный экономический стресс (см.: Крылов, 1999 В).

Ракурсы региональной идентичности и роль региональной идентичности как одной из важнейших основ экологического сознания. Модернизация и вестернизация. Осознание себя в качестве жителя определенной местности, ощущение себя как «местного» (по рождению или по убеждению), осмысление окружающей территории как «своей» и, соответственно, региональная самоидентификация в целом определяют существование элемента тождественности между транстрадиционной РИ и экологическим сознанием, при первичности именно РИ. Основной характеристикой экологического сознания в связи с РИ является отношение (уровень, степень поддержки) местных жителей к экологическим движениям (уровень региона). На основе официальных данных (Мнение, 1991) был сделан вывод о том, что если 60% и более жителей данного города не желает менять место жительства, то поддержка местных экологических движений безусловна. Экологическое сознание как проявление РИ является своего рода аналогом протестантской этики – и как критерий модернизации, и как форма проявления «заботы о своем доме», «рачительности и аккуратности». Здесь следует особенно жестко различать формы традиционалистской, транстрадиционной и надтрадиционной РИ. Традиционалистская РИ в целом не создает в обществе экофильные тенденции. Надтрадиционные формы РИ сопряжены с ослаблением чувства солидарности и «отрывом человека от земли», что также ослабляет экофильные тенденции. Поэтому *развитое экологическое сознание связано, в основном, с транстрадиционной РИ.* Местный патриотизм при относительно чистой среде в такой же степени активизируют местных «зеленых», что и озабоченность состоянием среды в своем городе. «Пик» поддержки местных экологических движений приходится на города со средним уровнем развития социально-культурного потенциала, по ЦНИИПградостроительства (Ка-

занцева, 1988), что составляет 12–40% от социально-культурно потенциала Москвы (а не на города с наибольшим уровнем его развития – см. рис. 1). Такие города названы нами «постпатриархальными» (типа Рязани или Ростова-на-Дону), в отличие от «патриархальных» (типа Вологды), столичных и «предстоличных» (типа Казани, Нижнего Новгорода, Самары, Красноярска, Новосибирска). В городах со средним уровнем развития социально-культурного потенциала – наибольший ущерб от нарушения природной и историко-культурной среды; наименьшая заменяемость экологических и культурных ценностей и наибольшая их приближенность к отдельному человеку; большая значимость, для масштабов города, отдельной человеческой личности. В целом *на внутрироссийском уровне* не подтвердилось действие «евроцентристских» (с точки зрения «эталона»: Glinsky, 1988) закономерностей, в том числе экономической, этноконфессиональной, урбанистической детерминант, принципа «центр-периферия» и др.

На уровне республик б. СССР по критериям экологического сознания выделяются макрорегионы, которые легко можно ин-

Рис. 1

терпретировать как соответствующие цивилизациям: исламской (отношение числа сторонников к числу противников «зеленых» составляет (1 : 10), славянской (1 : 1), западно-христианской (3 : 1). Выявляется также «лимитрофная зона» между славянской и исламской цивилизациями – Армения, Грузия, Киргизия, Молдова (1 : 3). Казахстан в данном случае вошел в состав славянской цивилизации. Каждый из выделенных по экологическому критерию регионов характеризуются конфессиональной однородностью, а также сходным для всей его территории уровнем модернизации. Таким образом, на уровне республик б. СССР доминируют евроцентристские закономерности (сходные, в частности, с «эталоном» Glinsky, 1988). Весьма высока роль экономической (величина национального дохода на душу населения (по данным: Bond, Bellkinder and Treyvish, 1991) ($R_s = 0,80$)), а в еще большей степени – этноконфессиональной детерминанты в поддержке «зеленых». Влияние же воспринимаемого уровня деградации среды на формирование поддержки «зеленых» значительно меньше, чем социокультурных и экономических факторов ($R_s = 0,43$).

Указанные соотношения подтверждают идею о движениях «зеленых» как важных субъектах современной (предпостиндустриальной) российской модернизации (Красильщиков, 1993) и в целом иллюстрируют позицию о том, что экологическое сознание – пример действия РИ и укорененности как важного фактора социальной активности.

Исследование автора, со ссылкой на публикацию (Крылов, 1995), было взято за основу при разработке теории экономического измерения результата природоохранных мероприятий (Хлебопрос, Фет, 1999, с. 87).

Восприятие экологической ситуации.

При анализе роли региональной идентичности при формировании реакций населения на экологическую ситуацию в качестве показателя оценки (коллективно) воспринимаемого состояния среды нами была использована *доля жителей города, связывающих ухудшение своего здоровья с состоянием среды* (в %%). Он удобен благодаря относительно равномерному распределению городов по

различным уровням загрязнения, а также весьма значительному диапазону численных значений (3–85%). Имеющиеся данные по этому показателю близки официальной информации о загрязнении атмосферного воздуха. Явно не соответствует воспринимаемое качество среды такого рода «физическому» качеству лишь в 8 городах (Дзержинске, Хабаровске, Нижнем Новгороде, Красноярске и др. – с учетом данных ГГО им. А.И. Воейкова). Это обстоятельство мы считаем отражением социокультурной ситуации в этих городах – прежде всего, «пролетаризацией» сознания, а также «предстоличным» характером части перечисленных городов, что понижает роль экологических ценностей у населения – вплоть до неадекватной оценки экологической ситуации.

Важной характеристикой, связанной с экологической проблемой, является развитие местного самосознания, отраженное в социологических опросах (Мнение, 1991) как «отсутствие желания сменить место жительства». Значения этого показателя близки к значениям воспринимаемого состояния среды ($R_s = 0,62$) (и в еще большей степени – показателям желания сменить место жительства (уехать в другой город) ввиду загрязнения среды ($R_s = - 0,89$)). Степень связи последнего показателя с уровнем воспринимаемого загрязнения составляет: $R_s = 0,79$.

Структура и оценка экологического сознания населения городов России. Большая часть населения России не склонна противопоставлять экологические и экономические *блага* и отвергает постановку вопроса о выборе между ними. Характер предпочтений здесь никак не связан с экологической обстановкой в городе и регионе и определяется социокультурными обстоятельствами. По сути, характер этих предпочтений мало меняется по территории России; исключение составляют города с «пролетарским сознанием», а также ряд городов на окраинах России, для которых характерен всесторонний «эгоизм» в данной проблеме: предпочтение экономических благ экологическим и отсутствие поддержки «зеленых», излишне оптимистичная оценка экологической обстановки при возмущении замусоренностью территории и т. д. Тем не менее, большинство населения и в этих городах не склонно к

выбору предпочтения между экологическими и экономическими благами.

С другой стороны, у большей части населения пока не сложилось достаточно четкого отношения к «зеленым». «Аморфность» отношения к «зеленым» дополняется активным стремлением в одинаковой степени удовлетворять как экологические, так и экономические *блага*. Это уже само по себе свидетельствует о неустойчивости экологического сознания россиян (поэтому результаты экологических референдумов для большинства городов и для России в целом непредсказуемы). Однако в исследовательских целях следует обратить внимание на сферу сознательного выбора (альтернативного). Результирующее соотношение «экологических» и «антиэкологических» тенденций также неустойчиво. Доля лиц, предпочитающих экологические *блага*, безусловно, выше доли лиц, предпочитающих экономические *блага*: 18% > 11%. Но доля лиц, отрицательно относящихся к «зеленым», превышает долю лиц, поддерживающих их: 15,2% > 10,9% (Мнение, 1991). *Все же «проигрыш» экологического сознания в случае отношения к «зеленым» не так велик, как «выигрыш» при выборе между экологическими и экономическими благами.*

Любопытно, что по показателю «антиэкологичности» США опережали Россию (Мнение, 1991; Vig, Kraft, 1990) и в 1981 (45% > 11%), и в 1989 г. (15 > 11%). Сравнивалась доля лиц, не считающих экологические проблемы значимыми для США и отдающих однозначное предпочтение экономическим благам в России.

«Региональная композиция» российского экологического сознания в целом подтверждает мнение о его неустойчивости, однако дает более «экологичную» картину. Выделяются 22 города – «сверхэкологиста» (превышение сторонников «зеленых» в 1,5–2 раза и более), 14 – умеренных экологистов, 20 городов – «центристов» (с примерным равенством сил сторонников и противников «зеленых»), 37 – пассивных «антиэкологистов» (с превышением противников «зеленых» до 3,5 раз) и 9 городов – «ультраантиэкологистов» (где число противников «зеленых» до 30 раз выше числа их сторонников).

Наибольшее значение степени предпочтения экологических благ наблюдается в «глубинных» районах России, достаточно равномерно, как бы зонально, убывая к ее окраинам. В то же время, наблюдается своеобразный антагонизм поддерживающих в целом «зеленых» Юга, Северо-Запада и Урала, и относящихся к ним в целом отрицательно Севера, Юго-Запада и Дальнего Востока. Почти зональная картина распределения значений предпочтения экологических благ несколько нарушается азонально пониженными значениями этого показателя в Красноярске, Самаре, Нижнем Новгороде и Липецке. Одновременно наблюдается излишне оптимистическая оценка экологической ситуации в этих городах (кроме Липецка). Возможно, это связано с гипертрофией индустриального развития и доминированием «пролетарского» сознания, не характерных для остальных полифункциональных и односторонне-индустриальных городов с доминированием, соответственно, интеллигентского и трансформированного крестьянского сознания, которые, в отличие от пролетарского сознания, являются органичными (хотя отчасти и противоположными) для российского экологического сознания.

Доля городов, в которых доля жителей, одобряющих вынос и закрытие предприятий, превышает 50% из числа опрошенных, скачкообразно возрастает при достижении местным самосознанием уровня <60%. При исключении городов с наиболее благоприятной экологической обстановкой (10% и менее) все города с таким уровнем развития местного самосознания характеризуются названной тенденцией. Отсюда следует, что *отношение жителей городов к выводу и закрытию предприятий-источников загрязнения является проявлением местного самосознания*. Именно в этом случае некоторым городам с высоким уровнем местного самосознания удалось проявить себя активными «экологистами», в рамках используемой нами информации (Тамбову, например).

Доля жителей, имеющих желание покинуть город ввиду неблагоприятной экологической обстановки в этом городе, растет прямо пропорционально уровню воспринимаемого загрязнения среды. Явное нарастание «силы» этой ответной реакции наблюда-

ется после уровня загрязнения 20% и достигает пика в интервале воспринимаемого загрязнения 50–55%. При этом соответствующая доля горожан возрастает с 10 до 50% (рис. 2).

Характеристика ответных реакций, связанных с поддержкой экологических движений. Нами было обнаружено циклическое чередование безусловной поддержки и почти полного отторжения населением «зеленых», при котором доля городов - экологистов меняется в зависимости от цикла от 70–80 до 10–20% и даже 0% (рис. 2). Наиболее благоприятная экологическая обстановка сопровождается высокой или даже повышенной силой ответной реакции, а наименее благоприятная – резко пониженной силой. Феномен обвального ослабления силы ответной реакции, происходящей непосредственно после достижения ее пика, мы назвали *экологической депрессией*. Экологическая депрессия наступает при уровне деградации среды: $\geq 70\%$ по показателю здоровья, $\geq 60\%$ по показателю «желающих уехать» и $\leq 10\%$ по показателю «желающих остаться». При использовании показателя «желающих уехать» обнаруживается одна, а в других случаях – две значимые «точки перегиба» (*точки бифуркации*). Обнаруженные формы зависимости оказались подобными тем, на которые обращают внимание исследование неравновесных процессов и теория катастроф (Арнольд, 1990). *Процесс осознания экологической катастрофы как бы сам носит катастрофный характер.*

Наряду с феноменом экологической депрессии обнаруживается и феномен экологической «обломовщины» – резкого спада силы реакции при незначительном ухудшении экологической обстановки (по сравнению с повышенной силой ответной реакции в наиболее чистых городах). Термин «обломовщина» выбран потому, что резкое падение силы ответной реакции происходит при относительно чистой среде: 10–30% по показателю здоровья, 60–40% по показателю «нежелание уехать» (рис. 2). Этот феномен возникает, когда силы местного самосознания уже недостаточно сильны, а силы беспокойности деградацией среды еще недостаточно сильны. В результате возникает «самоуспокоенность».

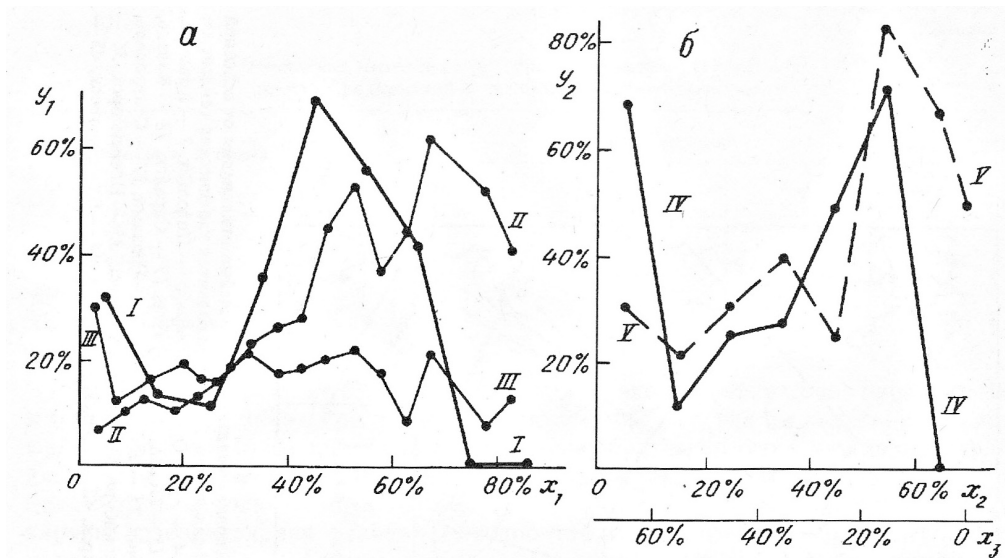

Рис. 2.

Реакция жителей городов России в целом на воспринимаемую экологическую ситуацию: *а* – относительно показателя заболеваемости; *б* – относительно показателей местного самосознания; по горизонтали – прямая шкала (более загрязненной среде соответствуют большие численные значения показателя): вариант 1 – доля жителей городов (%), связывающих ухудшение своего здоровья с загрязнением среды (x_1); вариант 2 – доля жителей городов (%), желающих уехать из своего города ввиду загрязнения среды в нем (x_2); *обратная шкала* (более загрязненной среде соответствуют меньшие численные значения показателя): вариант 3 – доля жителей городов (%), не желающих уезжать из своих городов (x_3). По вертикали – вариант 1: доля городов (%), в которых сторонники «зеленых» преобладают над их противниками (для кривых I, IV, V); вариант 2: доля жителей городов (%) как показатель силы ответной реакции (для кривых II, III). I – динамика поддержки «зеленых» относительно показателя заболеваемости; II – динамика желания уехать из своего города ввиду загрязнения среды в нем; III – динамика предпочтения экологических благ в ущерб экономическим благам; IV – динамика поддержки «зеленых» относительно показателя нежелания уезжать из своего города; V – динамика поддержки «зеленых» относительно показателя желания уехать из своего города ввиду загрязнения среды в нем.

В то же время, феномен экологической депрессии имеет более сложную природу. Для анализа этого феномена воспользуемся понятиями «экологический альтруизм» и «экологический эгоизм». К числу «альтруистичных» мы отнесли те города, в которых число сторонников «зеленых» не только превышает число их противников, но также превышает число горожан, желающих покинуть данный город ввиду загрязнения среды. «Эгоистичными» городами мы считали все оставшиеся (за вычетом «альтруистичных») города с преобладанием сторонников «зеленых». Таким путем мы разделили выражаемые в одних и тех же смысловых единицах, однако противоположно направленные силы местного самосознания и силы обеспокоенности загрязнением среды и проявление этих сил в форме альтруизма и эгоизма.

«Экологический альтруизм» неуклонно ступенчато убывает (от своего наивысшего значения, 33% доли городов) по мере убывания питающего его местного самосознания. Окончательная «гибель альтруизма» наблюдается после уровня деградации среды 50%.

«Экологический эгоизм», почти не проявляющийся при наиболее чистой (до 30%) среде, в интервале загрязненности среды 30–60% обнаруживает довольно стремительный рост (от 20 до 67% всех городов), но, достигнув пика при уровне загрязнения среды 60%, обнаруживает все ту же экологическую депрессию.

Как мы отметили, «экологический эгоизм» имеет точку перегиба при уровне деградации среды 60%. Легко видеть, что пик ответной реакции перед экологической депрессией при этом достигается за счет эгоизма. Основную ответственность за возникновение экологической депрессии несет, следовательно, эгоизм: *не (только) излишнее развитие внеэкономического (альтруистического) культурного начала, но, прежде всего, наличие определенных дефектов в экономическом культурном начале является подосновой экологической депрессии.* Эти дефекты выражены также в некотором убывании предпочтения экологических благ при наихудшей экологической ситуации (рис. 2). Если бы при уровне деградации среды, превышающем 70%, это предпочтение возрастало бы и со-

ставляло величину порядка 30% (а не 10%), то экологической депрессии, по-видимому, не было бы.

Феномен экологической депрессии указывает на экологические пределы роста, заложенные не (только) в природной среде и ее ресурсах, но также и в самом социуме. Подчеркнем, что речь идет о внутренней обусловленности пределов роста цивилизации относительно внешней, однако, весьма значимой для нее среды.

Очень интересно, что полностью воспроизводится евроцентристская прямо пропорциональная зависимость между уровнем загрязнения среды и поддержкой горожанами «зеленых» при использовании парадоксального, на первый взгляд, показателя *первичного*, «архетипического» интереса к экологической проблеме, не предполагающего необходимость альтернативного выбора между положительным и отрицательным отношением к «зеленым» и объединяющего (суммирующего) сторонников и противников «зеленых», в отличие от «затруднившихся ответить» и «ничего не знающих о деятельности «зеленых», по данным опросов (рис. 3). Этот феномен может быть истолкован как стрессовая реакция российского общества на необходимость вве-

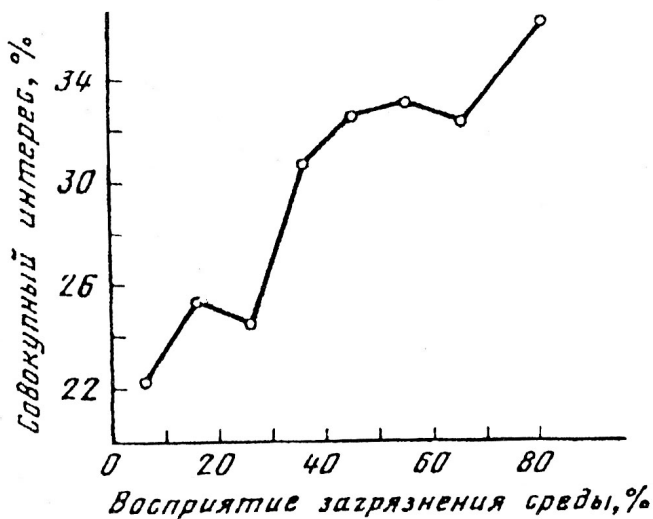

Рис. 3.

дения, использования западной модели поведения, связанной с обязательным альтернативным выбором. Однако и на «архетипическом» уровне проявляется деформированность местного самосознания горожан в России, формирующая «экологическую обломовщину» (рис. 4).

Очевидно, что при более высоком уровне местного самосознания в целом по российским городам и уровень поддержки «зеленых» был бы безусловно выше, и наблюдаемые зависимости носили бы евроцентристский характер (так как по мере ухудшения экологической обстановки не наблюдалась бы деградация местного патриотизма).

7.2. Региональная идентичность и восприятие культурно-пейзажного разнообразия

Роль местного патриотизма в восприятии культурно-исторического наследия и пейзажно-культурного разнообразия поселений. Примеры совпадения развитого местного патриотизма и «объективного» пейзажно-культурного своеобразия – Вологда, Елец, Кириллов, Ярославль, частично – Великий Устюг. Своеобразие при слабости местного патриотизма – Кострома. Примеры сочетания очень развитого местного патриотизма и проблематичного (или не очевидного для внешнего наблюдателя) своеобразия – Рыбинск, Балашов. Пример пониженного своеобразия при относительно высокой силе многих параметров РИ – Семилуки. По-видимому, в конечном счете, здесь играет роль неувлимое инструментальными методами «своеобразие вообще», «дух места», который может сохраняться, а может и исчезать при разрушении культурного пейзажного своеобразия. «Дух места» – равноправный партнер местного культурного субстрата, фиксируемого инструментальными методами.

Восприятие пейзажно-культурного разнообразия. В качестве объяснимого парадокса здесь можно привести пример Воронежа, где в сознании жителей доминирует идея безусловного своеобразия города, в частности, преобладающее (в 2,4 раза) мнение о

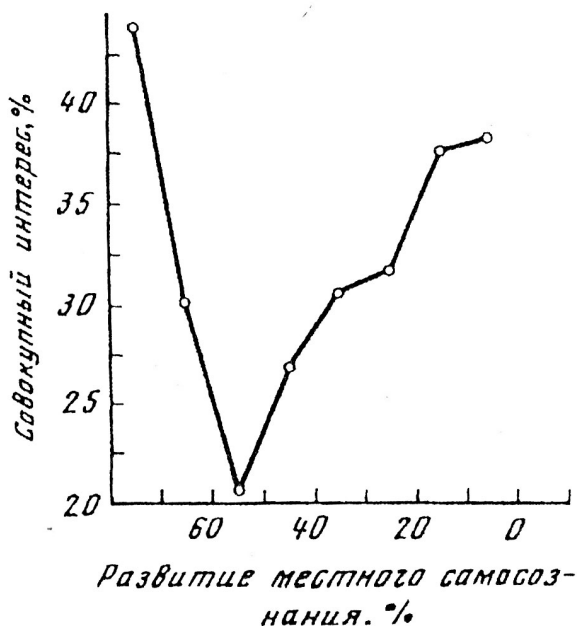

Рис. 4.

том, что Воронеж – это «старинный», но не «новый» город (несмотря на известные разрушения в период ВОВ), жестко определяемое оптикой местного патриотизма. Для сравнения – в Череповце (где в принципе сходное с Воронежем соотношение «старого» и «нового») доля любящих свой город за то, что он новый, в 3 раза превышает долю любящих свой город за то, что он старинный (табл. 16). *Очевидно, такое расхождение в оценках связано с различием местных типов культур-идентичностей* – «традиционностью», «периферийностью» Воронежа и «суперурбанизмом», «космополитизмом» Череповца, преобладанием в нем надтрадиционной РИ над транстрадиционной (единственный случай для всего модельного полигона). Череповец выделяется на фоне Вологодской области, которая, в свою очередь, менее «традиционна», чем Воронежская. Однако существенно и то, что для части «черепан» (хотя и меньшинства) Череповец – по-прежнему старинный город, и не только с точки зрения времени его основания, а с точки зрения реального наличия примет старины. Это проявляется и в группе экспертов, но только

в рамках позиции «я люблю и не хочу переезжать». В то же время, доминирующая ориентация любви за то, что Череповец – «новый, благоустроенный город», характерна для позиции – «люблю, но хочу переехать». Любовь за динамизм стимулирует «развить успех» – уехать; любовь за старину стимулирует укорененность.

Таблица 16. Отражение имиджа «старинного» и «нового, благоустроенного» города при формировании региональной идентичности

Города	Доля любящих свой город		превышение имиджем старины имиджа нового города (раз)
	За то, что он старинный, в %	за то, что он новый, в %	
Вологда	50,6	3,1	16,3
Череповец	12,1	38,9	0,31
Кириллов	73,0	0	-----
Великий Устюг	59,6	3,8	15,7
Грязовец	11,9	3,4	3,5
Ярославль	53,9	15,5	3,5
Рыбинск	12,2	0	-----
Тутаев	29,0	13,2	2,2
Кострома	35,7	3,5	10,2
Воронеж	18,3	7,7	2,4

При составлении учитывались ответившие положительно на вопрос о любви к своему городу. Во всех городах сумма ответивших первоначально превышала 100%. Остальные респонденты любят своей город за то, что там они родились и выросли, и за природу в окрестностях города.

7.3. Региональная идентичность как антропоэкологический феномен

В основе региональной самоидентификации лежит культурно, а также экологически обусловленное (экологическая обстановка, бытовые удобства, оптимальность размера и красота места) позитивное отношение к малой родине, которое может трансформироваться или даже деградировать под влиянием социальных и позиционных факторов. Наши материалы не позволяют согласиться с утверждением Ю.А. Дроздовой (2008, с. 74), которая предлагает использовать для жителей российских регионов по-

нятие «рессентимент», понимаемое как «состояние, когда человек (или общество) переживает проблему, которую он (оно) вначале не может, а затем не хочет решить, потому что сживается с этим состоянием и начинает находить его естественным. Самоаттестация и самооправдание строится в таком состоянии на постулатах: «Мы – серая провинция», «Мы – неудачники, если живем здесь», «Наш город – бесперспективен», «Виноваты в этом другие». Состояние рессентимента является на сегодняшний день одним из ярких показателей регионального сознания большинства жителей регионов РФ. В таких условиях проблематично выстраивать региональную идентичность, формировать институты гражданского общества, обеспечивать экономический и социальный рост».

Согласно нашим материалам, жители регионов (чаще изучались горожане) адаптировались к своему месту жительства и воспринимают его как свою малую родину, без жесткой связи с ее достоинствами, как их может понимать внешний наблюдатель, напротив, выделяя не всегда заметные для внешнего наблюдателя специфические, как бы интимные, достоинства; распространена «любовь ни за что». Случаи (отнюдь не доминирующие) негативной самоидентификации не связаны с мнением о том, что «виноваты другие»; объект негативных эмоций понимается отстраненно, как природный феномен, либо виновными в конкретных действиях считаются конкретные лица (например, спуск пруда в парке в Богородицке). Имеющиеся (происходящие на территории модельного полигона) миграции гораздо чаще предполагают позитивную, а не негативную региональную самоидентификацию по отношению к покинутой малой родине. Усиление западных ценностей, интегрированных с отечественной традицией, способствует значительному развитию адаптивных способностей (возможностей) социума, связанных с (обусловленных) региональной идентичностью (судя по реакциям жителей городов России и бывших республик СССР на местные экологические движения).

Судя по полученным в ходе исследования материалам (см., например, табл. 1, а также характеристики отношения к «символам глубинки» и феномену стресса соседства), **сила местного патрио-**

тизма определяется *позитивной* основой самоидентификации (в отличие от распространенного мнения, что местный патриотизм – отражение *комплекса неполноценности*).

По-видимому, в случае РИ ментальность людей основана на «простых», естественных, в частности, антропоэкологических, предпосылках. Эти предпосылки определяют первоочередную важность для жизни людей в определенном месте следующих трех факторов: 1) ощущения комфортности проживания в этом месте (комфортности – в очень широком смысле), 2) «насиженности» этого места и 3) любви к нему (она же – **местный** патриотизм, точнее, важная его составляющая). На этой основе **возникает следующая** тенденция: с ростом значений параметра каждого из трех факторов также растут значения других факторов и РИ в целом.

С такими естественными и поэтому *рациональными* факторами сопряжены другие факторы позитивного отношения к месту, содержащие значительную, внешне как бы *иррациональную*, компоненту, к которой сводятся многие составляющие местного патриотизма. С антропоэкологической точки зрения эта иррациональная компонента на самом деле является рациональной – она существенно повышает надежность жизни людей в этом месте.

Однако взаимодействие указанных антропоэкологических факторов РИ с фактором пространства нарушает отмеченную тенденцию прямой взаимозависимости предпосылок РИ. Геопространство является ареной действия многих факторов, из числа которых часть, так или иначе, противостоит антропоэкологическим предпосылкам РИ. Поэтому предпосылки РИ, связанные с геопространством, не всегда характеризуются прямой взаимозависимостью. Примеры – самодостаточность для людей данного места (пространства, региона) как предпосылка РИ (слабо формализуемый характеристики) и пространственная самоидентификация как составляющая РИ в целом, стресс соседства (более формализуемые характеристики).

Для региональной идентичности характерна своеобразная динамика, связанная с упорядоченной ответной реакцией соци-

ума на разрушение его «культурного гено типа» и описываемая известной формулой А. Дж. Тойнби: «Наиболее стимулирующее воздействие оказывает вызов средней силы» (1991, с. 212); «чрезмерная суровость вызова определяет задержку роста цивилизации, вплоть до гибели» (там же, с. 181–182). Вышеуказанная зависимость характерна и для взаимосвязи интегрального индекса РИ и разрушения ядра традиционной культуры (описываемого характеристикой «природного патриотизма», согласно табл.1), и для взаимосвязи РИ, основанной на поддержке местных «зеленых» движений, с воспринимаемым уровнем деградации среды (мнением респондентов о наличии влияния загрязненной среды на их здоровье). *Реакция на осознание экологической катастрофы и разрушение ядра традиционной культуры является во многом единым импульсом к попытке преодоления культурно-экологической катастрофы и как бы сама носит катастрофный характер* (катастрофы – скачкообразные изменения – ответ системы на плавное изменение внешних условий, по В.И. Арнольду, 1990).

Разрушение ядра традиционной культуры в определенных рамках стимулирует усиление РИ, но при дальнейшей его деградации резко ослабевает и РИ в целом. Аналогично, деградация «своей» (с точки зрения местных жителей) среды обитания лишь до определенных пределов стимулирует способность РИ продуцировать защитные, экофильные тенденции, и при угрозе ее исчезновения (субъективной и объективной) – вопреки экономическому и общенаучному «принципу редкости» – действует уже как «антистимул», вызывая своеобразную экологическую, а также культурную депрессию, за счет чего деградирует, прежде всего, транстрадиционная РИ и развиваются маргинальные формы РИ: «*после страха – апатия*»; в условиях наихудшей (с точки зрения самих людей) экологической обстановки подавляющее большинство жителей перестает поддерживать местные экологические движения, в других случаях весьма высокий уровень загрязнения сопряжен с мнением о благоприятной экологической ситуации и отторжением местных «зеленых».

Разрушение среды обитания и культурного ландшафта способствует разрушению РИ: чем субъективно грязнее среда обитания, тем ниже уровень местного самосознания.

Ядро традиционной культуры и РИ в целом разрушено в Костроме. В Твери разрушение ядра традиционной культуры сопровождается повышенным значением одних показателей РИ (просвещенный патриотизм) и пониженным других («любовь»). В то же время в Череповце, при деградации транстредиционной РИ (ввиду его ускоренного развития как бы на пустом месте в ходе индустриализации как межрегионального центра), активно развиваются «антагонистичные» надтрадиционная и традиционалистская РИ.

Ослабление РИ обычно связано с **увеличением** размеров пространства, с которым идентифицируют себя индивиды (связь с малой родиной становится менее интимной, более формальной). *Существующая РИ – более **духовный**, чем материальный феномен – обнаруживает большую устойчивость, чем запечатленное в ландшафте **материальное** культурное и природное наследие.* В составе РИ более устойчива традиционалистская РИ. Транстредиционная РИ более устойчива там, где возможна связь с традиционалистской РИ.

ВЫВОДЫ

1. Российская РИ – это *объективно, реально существующий феномен, а не порожденная средствами массовой информации искусственная конструкция*. Несмотря на известные процессы и меры, направленные на нивелирование местной культурной специфики, изучавшаяся автором городская культура в России вовсе не утратила индивидуальных черт. Пример сохранения развитой РИ – *ярко выраженная реакция на сохраняющуюся, в т.ч. в городах, специфику местных говоров*, которые на территории модельного полигона в Вологодской, Тамбовской, Костромской областях сильно отличаются от московского.

Воздействие на население электронных средств массовой информации уже, по-видимому, достигло того критического порога, после превышения которого дальнейшая унификация местных говоров уже не происходит. Напротив, при постоянном общении населения с телевидением и радио в его сознании закрепляется несхожесть местных «неправильных» говоров с московским «правильным», что, в конечном счете, становится мощным (дополнительным) фактором самоидентификации. По-видимому, в пределах Европейской России сохранилась специфика характерных черт жителей разных территорий, в чем-то подобных тем, что фиксировались в начале XX в. В условиях роста образовательного уровня и динамизма городской жизни более обостренным, отчетливым и массовым становится осознание существования этих различий и рефлексия по поводу своей специфики, активно присутствующие в городах – процессы, которые ранее не наблюдались.

2. В современной Европейской России РИ выявляется как одна из важнейших констант культуры, сочетающая ее современные и традиционные, порой внешне противоречащие друг другу, формы; при этом развитие (приоритет) традиционалистских ценностей (там, где оно существует) не всегда – реликт прошлого. Оно может быть продуктом нынешней эпохи. РИ отражает глубинные, долговременные, неконъюнктурные тенденции динами-

ки российского общества. Ее можно рассматривать в качестве заложенного в культуре координатора инерционного и динамического начала.

3. В Европейской России существует развитая РИ. Это свидетельствует о способности российских социальных структур к саморегуляции и воспроизводству, о существовании стабильных, но эволюционирующих, ментально-поведенческих стереотипов, своего рода архетипов, сопряженных с сохраняющимися механизмами поддержания исторической памяти и специфичными во многих своих чертах для каждого из регионов. В рамках РИ формируются исторически обусловленные и в таком смысле оптимальные по размеру ячейки общества на мезоуровне, объединяющие индивидов (разных – в разной степени) на территории. Механизмы, поддерживающие историческую память, оказываются социокультурной основой регионального развития в целом, а региональная идентичность – ядром его культурного генотипа. Развитие РИ в Европейской России свидетельствует об устойчивости неформальных социокультурных механизмов, сочетании коллективного и индивидуального, создает предпосылки для различных форм социокультурной активности, прежде всего в аспекте регионов и городов.

4. РИ – относительно автономный культурный феномен, обладающий собственной внутренней логикой и в значительной степени основанный на априори позитивном, в условиях нормально развивающейся культуры, отношении индивидов и общностей к регионам, городам, местностям, территориям, ландшафтам – конкретной социальной, культурной среде обитания людей. РИ не зависит напрямую от современного *уровня* социально-экономического *развития* территорий, однако частично она связана со многими местными *особенностями* социально-экономического, социально-политического и культурного развития, а также с характером расселения. Для отдельных городов не прослеживается прямая зависимость между развитием местного патриотизма и статусом города. Чувство местного патриотизма не обязательно сильнее развито у жителей богатых регионов и более крупных городов.

Характерный пример: значительное превосходство Моршанска над Мичуринском в развитии РИ (местного патриотизма, тамбовской идентичности, «своей» локальной идентичности). Лишь для части наименьших городов обнаруживается тенденция ослабления местной идентичности. Не наблюдается прямой зависимости между РИ и такими индивидуальными характеристиками, как уровень образования и возраст жителей. Близость к современным административным границам регионов неоднозначно влияет на РИ (ослабление РИ чаще для «активных», усиление – чаще для «пассивных» границ).

5. Феномен российской РИ (для Европейской России) показывает укорененность существующих регионов в сознании современного поколения русских. Эти регионы не только исторически сложились и стали неформальными целостностями, но и воспринимаются в качестве таковых населением, причем, с точки зрения населения, «объективность» (историческая обусловленность) регионов существенно выше, чем это может быть показано на историко-географическом материале. Однако зафиксированы и исключения: *судя по экспертам, значительная часть жителей Мичуринска, Костромы, Новомосковска и Алексина желала бы присоединиться к соседним регионам. Существует тенденция к возрождению Балашовской области, не лишенная историко-географических предпосылок.* Эти тенденции обусловлены культурно-историческими, экономическими и психологическими факторами. Идеи существования регионов, не имеющих культурно-исторического смысла как типичной для России ситуации и необходимости искусственного привнесения такого смысла посредством разбиения территории России на вновь создаваемые территории («земли»), – продукт современного мифотворчества.

6. *РИ не тождественна сепаратизму.* Опросы показали, что установки на российский и на местный патриотизм стимулируют друг друга. Региональная идентичность территорий с русским населением не сопряжена с сепаратизмом, а также с чувством недоверия к жителям других территорий (с этим часто связывают региональную идентичность). В рамках модельного полигона РИ, по

сути, является одной из форм российского патриотизма. Поэтому попытки деформировать РИ (например, посредством радикального изменения административно-территориального деления) чреваты деформацией российского патриотизма.

7. Сила местного самосознания и местного патриотизма – это не отражение (компенсация) комплекса неполноценности, который якобы неминуемо возникает у провинциала под воздействием престижных образов столичных городов и заграницы. Скорее, это – норма и культуры, и поведения индивида, а также местной общности. Напротив, деформация или ослабление местного самосознания и местного патриотизма сопряжены с появлением комплекса неполноценности.

8. Несмотря на определенную автономность и устойчивость, РИ может деградировать или трансформироваться под воздействием социокультурного стресса, в особенности под воздействием «стресса соседства» или же под влиянием радикального изменения социальной атмосферы, культурной среды и внешнего облика города, утраты историко-культурного наследия или приобретения новых функций, не связанных с историческим прошлым (что наблюдается, например, в Череповце). Однако доминирующей особенностью региональной идентичности является устойчивость, поэтому в целом ее следует считать слабо управляемым феноменом. Она достаточно индифферентна даже по отношению к социально-культурному потенциалу города; несколько большее, хотя тоже не очень выраженное значение, имеет архитектурное и пейзажное своеобразие местности. Восприятие особенностей культурного ландшафта в контексте «старины» или «новизны», а также красоты, уюта в очень многом определяется характером региональной идентичности, ее отношением к традиции, а также развитостью местного патриотизма.

9. Представляется, что мнение об обязательном наличии у «провинциала» комплекса неполноценности является проявлением «*географического шовинизма*» – «чувства высокомерного превосходства» человека «от сознания своей принадлежности к ... территориальной группе» (Бурлина, 1994, с. 48).

Развитие РИ вовсе *не требует* «москвоборчества», хотя обычно и сопряжено с ощущением давления со стороны Москвы. Это ощущение фиксируется у меньшинства и может сочетаться с различными формами ориентации на Москву, в том числе как на центр своего макрорегиона.

10. Региональной идентичности не свойственен «*территориальный шовинизм*» – отторжение неместных на своей территории, восприятие их как «чужаков». Большинство механизмов региональной самоидентификации направлено на активное включение всех жителей в местную общность. Ядро территориальных общностей составляют лица, идентифицирующие себя как «местные» по рождению и по убеждению, для которых малая родина очень важна. Не воспринимаются как чужаки и жители соседних регионов; они тоже «свои», но выделяющиеся некоторыми другими особенностями, в чем-то превосходящими, в чем-то уступающими, а в чем-то просто иными по сравнению с привычными чертами жителей своего региона. Отношение к этим особенностям в определенной степени ироническое и вместе с тем «уважительное»; они (особенности) чаще всего воспринимаются жителями каждой территории как своеобразное историческое и культурное достояние.

Суммарная доля «местных по рождению» и «местных по убеждению» по всем регионам модельного полигона приблизительно одинакова и варьирует от 81% в Костромской области до 84% в Воронежской области. Для части городов (особенно *средних* необластных), согласно нашим материалам, значительное присутствие «неместных» вообще нехарактерно (Арзамас, Балашов, Борисоглебск, Елец, Мичуринск, Моршанск). В то же время, ряд авторов (например, Глазычев, 1994, с. 52) отстаивает противоположную точку зрения: в контексте «нарушенности устоев даже в исконных русских городах» (фактически же, судя по нашим данным, в таких случаях речь идет о некоторых *малых* городах).

Идентификация себя как «местного» – это важнейшая предпосылка формирования РИ. Самоидентификация для массы индивидов вероятна – в рамках любого региона как пространства социокультурного взаимодействия индивидов существует

множество не совпадающих между собой пространств самоидентификации отдельных индивидов.

11. Результаты исследования убеждают в верности научной традиции, берущей начало от Н.И. Костомарова (о значительных территориальных различиях в мировоззрении и образе жизни русских) в противовес взглядам М.П. Погодина и С.М. Соловьева о культурной однородности России. Нами зафиксирована весьма *высокая степень разнообразия и структурированности* культуры и менталитета населения в пространственном ракурсе, вопреки распространённому мнению о «культурном монизме» русского народа, что, однако, не противоречит его *культурно-цивилизационному единству*.

Сходные черты отношения к малой родине проявляются именно на уровне регионов, на мезоуровне; в этих рамках они модифицируются, исходя из индивидуальных особенностей поселений. РИ формируется в целом безотносительно к реакции на соседей, а исходя из местных факторов.

12. Русская культура, как и всякая другая культура, ориентирует человека на любовь к малой родине. Однако для русской культуры (в отличие от российских цивилизационных и государственных структур) характерна нежесткость и относительная независимость от внешних факторов, определяющая свободный выбор индивидов в самоидентификации. Этот выбор в большинстве случаев – в пользу своей малой (и большой) родины. РИ – аргумент в пользу существования в России срединного («мещанского») уровня культуры (идея отсутствия «срединного» уровня культуры в России принадлежит Н.А. Бердяеву и поддерживается рядом современных российских философов и социологов).

Распространённое сочетание любви к своему краю с неоднозначным отношением к стереотипу поведения местных жителей – пример доминирования индивидуального, а не коллективного начала в самоидентификации.

13. Ещё один важный вывод – о *взаимодополнительности культуры мобильности и культуры укорененности*. Во-первых, доминирующий ныне исследовательский и мировоззренческий акцент на

мобильность должен быть уравновешен вниманием к противоположному полюсу – укорененности. Во-вторых, выраженная региональная идентичность не противоречит пространственной мобильности, – это не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга характеристики личности. В-третьих, повышенная укорененность может иметь следствием большую динамичность и включенность в деятельность местной общности, что в конечном счете стимулирует разнообразную (не обязательно пространственную) мобильность. И, наконец, описанный нами феномен «местных по убеждению» представляет собой убедительный пример взаимодополнительности мобильности и укорененности.

Тем самым выдвинута альтернатива доминирующей тенденции связывать личностное начало исключительно с мобильностью, в противовес укорененности, а укорененность рассматривать как препятствие для свободы (ср.: Баньковская, 2006; также: Мильдон, 2005). Заметим, что акцент на пространственную мобильность, в противовес укорененности, содержится в недавно распространенном понятии «транскультура», которое описывает ряд феноменов эпохи глобализации. Это понятие предполагает диффузию и разрушение исходных идентичностей, нарушение связи идентичности и самобытности, «ненужность» самобытности территорий (см.: Глобальное пространство культуры, 2005).

Региональная идентичность, являясь результатом взаимодействия мобильности и укорененности, составляет одну из движущих сил российского социума, обеспечивает его способность к модернизации. Мобильность, разрушающая укорененность, не может считаться прогрессивной.

14. Согласно проведенным исследованиям, российский социум предстает как плавно развивающийся, относительно монолитный, хотя и регионально дифференцированный и своеобразно пространственно структурированный. Он обладает способностью к модернизации, в значительной степени сохраняет ядро традиционной культуры, а также традиционалистские (не «западные») ценности, которые в одних регионах являются ресурсом модернизации, а других регионах – ее тормозом. В рамках РИ российский

социум не обнаруживает признаков раскола на однозначных сторонников традиции или, напротив, модернизации, как это предполагается для России многими философами и социологами. Напротив, с позиций РИ становится очевидным невозможность жесткого противопоставления, в рамках современной русской культуры, традиции и модернизации, которые оказываются достаточно тесно переплетенными. Не подтвердились высказываемые авторитетные мнения о такой особенности российского общества, как сочетание доминирующего традиционализма с тенденцией к ослаблению эмоциональной связи с Родиной, о том, что ценности русских в целом носят внеэкономический характер, а для большинства населения характерен традиционализм (см.: Российская идентичность, 2005, с. 87–93, с. 143).

15. Различия с Восточной Европой (Драганова, Староста, Столбов, 2002) существенны: они могут быть сведены к *активному* присутствию традиционалистского начала в Восточной Европе, при его *пассивном* присутствии в историческом ядре Европейской России.

16. В ракурсе РИ в основном не подтверждается концепция российского «сетевого общества» как некоей доминирующей структуры, освобожденной от «бремени фактора геопространства» и маргинализирующей русскую культурную традицию, а также социокультурную и социально-экономическую периферию и полупериферию (Кастельс, Киселева, 2000).

17. Результаты проведенного исследования не подтвердили выводы других авторов об отсутствии у россиян и русских интереса к истории своей малой родины, в отличие от интереса к истории России (см.: Историческая память, 2002, с. 78).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Региональная идентичность является пространственным, территориальным феноменом. В то же время ее изучение очень важно для раскрытия сущностных сторон генотипа и фенотипа любого социума. В связи с этим изучение региональной идентичности требует междисциплинарных усилий. Значительная часть этих усилий должна быть направлена на преодоление того положения, когда большинство общественных наук исторически сложилось как внепространственные, детерриториальные, при этом многие важнейшие особенности территориального поведения на локальном и региональном уровне не осмыслены в социологической теории и по сей день. Поэтому концептуальная схема исследования региональной идентичности была создана автором именно как географом, а используемый научный аппарат был основан на адаптации подходов общественных наук (прежде всего социологии) к географической концептуальной схеме.

Проведенное исследование позволило апробировать предложенный автором научный аппарат и в первом приближении охарактеризовать «набор» черт региональной идентичности, достаточный для понимания этого феномена.

В отличие от других (пока еще очень немногих) исследователей российской региональной идентичности, автор большое внимание уделяет местному патриотизму, понимание которого особенно связано со спецификой культурно-психологического и исторического контекста и часто становится невозможным в рамках априорных конструкций, которыми «грешат» многие философы, социологи, политологи и публицисты.

Было выявлено существование сохраняющейся *ментальной преемственной в развитии* на русских территориях, в том числе и по отношению к дореволюционному прошлому, которое в сознании людей уже сливается в единый континуум и с гражданской войной, и с советской эпохой. Это проявляется в сохранении памяти о дореволюционных губерниях, в знании местного историко-

культурного наследия, в почитании земляков и во многом другом, без чего невозможно осознание своей специфики.

Опираясь на использование понятия «местный патриотизм», в работе удалось показать, что в реальном территориальном поведении людей (территориальное поведение – понятие, введенное И.П. Рязанцевым, А.Ю. Завалишиным) в Европейской России реализуется сочетание принципов пространственной мобильности и укорененности, при этом укорененность имеет большее значение. В связи с этим, возможно, следует уточнить известное выражение: «люди хотят жить, где лучше» («а рыбы – где глубже»), которое иногда считается своего рода императивом территориального поведения, – уточнить, быть может, не столько само это выражение, сколько его понимание. Говоря о причинах миграционной подвижности населения, имеют в виду, что люди покидают родные места, уезжая туда, где лучше. Конечно, люди не хотят жить там, где *им* хуже. Они хотят жить там, где *им* лучше. Но лучше для большинства людей – по их собственному мироощущению – у себя на родине. Соответственно, градиент миграционных перемещений, к которому часто приковано внимание политиков и исследователей, отражает лишь динамический аспект мироощущения «лучше – хуже» и в целом не характеризует позицию большинства жителей территорий, являясь лишь «вершиной айсберга». «Подводная» часть этого «айсберга» характеризуется укорененностью людей. Люди сохраняют ностальгическую связь с покинутой малой родиной, но стремятся укорениться на новом месте, становясь «местными по убеждению». Они предпочитают стратегию «синицы в руке» (в данном случае – укорененности на новом или старом месте, часто при сохранении связи со старым местом), а не стратегию поиска «журавля в небе» (бесконечного поиска лучшего места, без укоренения). Описанная модель территориального поведения характерна для большинства. Доля меньшинства – то есть тех, кто не испытывает привязанности к какому-либо месту, и тех, кто всю жизнь прожил на одном месте, но предпочел бы уехать оттуда, по изученным нами регионам колеблется в пределах 9% – 18% респондентов, значительно меняясь

по отдельным городам. Касаясь вопроса о «выходе в практику», необходимо отметить, что выбор концептуальных основ модели регионального социально-экономического развития в целом, а также модели региональной политики должен быть, безусловно, увязан с моделью реального территориального поведения (а не наоборот). Кроме того, очевидно, что укорененность является важным экономическим, в частности, институциональным, фактором, а разрушение укорененности, под каким бы лозунгом оно ни осуществлялось или пропагандировалось, приветствовать никак нельзя.

Заманчивая задача – сравнение полученных результатов с результатами изучения региональной идентичности в других странах. Однако маловероятно, что удастся обеспечить применение предложенного в настоящем исследовании концептуального и критериального аппарата вне России или же обнаружить применение сходного аппарата, хотя, думается, возможны некоторые пересечения в исследовательских подходах. В то же время для полноценного сравнения региональной идентичности в разных странах необходимо не только сходное понимание самой региональной идентичности (что далеко не всегда просто), но и приведение к общему знаменателю культурных и социально-экономических условий разных стран. Тем не менее, представляется, что в полученных нами результатах может быть найден элемент универсальности. Возможно, что полученные выводы, касающиеся автономности региональной идентичности как культурного феномена, имеют не только российское, а также и более общее значение, хотя, быть может, именно в России эту автономность обнаружить легче. То же относится к сочетанию традиции и модернизации, триединству региональной идентичности.

Автор полагает, что аспекты вестернизации (вестернизированной модернизации) применительно к региональной идентичности (рассмотренные на примере отношения жителей городов России к местным экологическим движениям) характерны для определенного круга стран, сходных в экономическом и культурном отношении с Россией, при этом в случаях наибольшего сходства можно

ожидать и близость параметров идентичности, вестернизации и модернизации.

По-видимому, приведенные выводы и значительная часть конкретных результатов осуществленных исследований могут быть распространены на регионы Европейской России за пределами модельного полигона. Это связано с тем, что, будучи эмпирически обоснованными, они имеют достаточно общий характер и допускают возможность существования социокультурных ситуаций, которые мало характерны непосредственно для модельного полигона, но вероятны на соседних территориях.

Искусственно созданные индустриальные регионы (например, Липецкая и Ивановская области) могут дать отчасти иную картину региональной идентичности (в том числе с иным воздействием на идентичность факторов бедности и богатства, иной значимостью типов поселений). На территории модельного полигона чертами искусственности и индустриализма обладает Череповец, где была обнаружены черты идентичности, связанной с суперурбанизмом, по-видимому, отсутствующие в Иванове и в Липецке.

И, наконец, последнее наше замечание представляется наиболее важным.

Необходимо предостеречь читателя от поспешного понимания позиции автора, который, якобы, нарисовал подозрительно «благостную», беспроблемную картину российской региональной идентичности. Такое понимание позиции автора было бы неверным.

По мнению автора, для большинства изученных и описанных в данной монографии аспектов и ситуаций, связанных с результатами измерения, оценки и интерпретации идентичности, «планка немного занижена»: от людей «требуется только» любить свою родину. При этом, вопреки циркулирующим взглядам, никакой патологии в российской региональной идентичности в связи с этим не обнаруживается: региональная идентичность, безусловно, может считаться структурно нормальной, в большинстве случаев довольно сильно или умеренно развитой (как в аспекте местного патриотизма, так и в аспекте пространственной самоидентифика-

ции). Одновременно удалось выделить и рассмотреть феномен в чистом виде (что позволяет рассматривать его во взаимосвязях с экономикой и политикой, не подменяя политикой и экономикой саму идентичность).

Однако если «поднять планку», выясняется недостаточность такой идентичности для вполне удовлетворительной социокультурной самоорганизации социума во многих городах и регионах России, хотя имеющаяся идентичность, даже там, где она оказывается недостаточной, является важнейшей предпосылкой такой самоорганизации. Об этом говорит изученный нами вопрос о поддержке местных экологических движений в городах. Но интересно и важно, что наиболее высокий уровень местного патриотизма по сути оказывается тождественным повышенной вестернизированности.

Литература

- Акульшин В., Пылькин В.А.* Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918–1921 гг. Рязань, Изд-во РОИРО, 2000, 141 с.
- Александров Д.Н.* Русские князья в XIII–XIV веках. М., РАЕН, 1997, 394 с.
- Алексеева Т.А.* Выступление. Взаимодействие культуры. Круглый стол // Вопросы философии. 1992, № 6, С. 38–40.
- Алленова В.А., Мизис Ю.А.* История тамбовского краеведения. Тамбов, Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002, 438 с.
- Андреев А.Л.* Российский социум на пути реформ: государство, нация // Мировая экономика и международные отношения. 1999, № 5, С. 94–105.
- Андреев Г.* Обретение нормы // Новый мир, 1994, № 2, С. 144–189.
- Анучин В.А.* Теоретические проблемы географии. М., Географгиз, 1960, 264 с.
- Арманд А.Д.* География информационного века // Известия Российской академии наук, серия географическая, 2002, № 1, С. 10–14.
- Арнольд В.И.* Теория катастроф. 3 изд., М., Наука, 1990, 128 с.
- Арутюнов С.А.* Адаптивное значение культурного полиморфизма // Этнографическое обозрение. 1993, № 4, С. 41–56.
- Архангельский А.* Вместо гламурки и духовки // Известия, 03 марта 2003 А.
- Архангельский А.* От какой идентичности мы отказываемся. Альгеро – Москва // Известия, 2003, 06 мая 2003 Б.
- Ахиезер А.С.* Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. Отв. ред. Э.В. Сайко, М., Наука, 1995, С. 21–28.
- Ахиезер А.С.* Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность, 1996, № 6, С. 58–66.
- Баньковская С.П.* Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации // Политические исследования, 2006, № 4, С. 120–126.
- Баткин Л.М.* Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. М., Изд-во РГГУ, 2002, 640 с.
- Бахтин А.Г.* Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // Вопросы истории, 2001, № 5, С. 52–72.
- Белобородова И.Н.* Фактор региональной идентичности в стратегии развития территорий // Социокультурная методология охраны окружающей среды. Ярославль, НПП «Кадастр», 1999, С. 101–114.
- Богданов А.А.* Красная Звезда // А.А. Богданов. Вопросы социализма, М., Политиздат, 1990, С. 104–203.
- Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке.

- Том 1. М., 1909.
- Богословский М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–1722 гг. М., 1902. 521с. + 43 с.
- Болдырев Н.Ф.* Жертвоприношение Андрея Тарковского. М., Варгиус, 2004, 527 с.
- Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., Политиздат, 1974, С. 112–115.
- Бородина Т.Л., Волкова И.Н., Гриценко А.А., Баринов С.Л.* Приграничные территории России и Украины: общая история и разделённое настоящее (географические подходы) // Трансформация российского пространства: социально-экономические и природно-ресурсные факторы (полимасштабный анализ). М., ИГ РАН, 2008, С. 266–287.
- Бурлина Е.* Мифы о провинциальной культуре // Российская провинция. 1994, № 1, С. 48–51.
- Бызов Л.Г.* Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России, 2002, № 1, С. 117–152.
- Быков Дмитрий.* Мажарово. Иллюстрации: Дмитрий Горячкин // Саквояж (СВ), 2007, № 7, С. 86–93.
- Висконти о Висконти. М., Радуга, 1990, 443 с.
- Виткович В.С., Ягдфельд Г.Б.* Сказки среди бела дня. М., Изд-во «Тервинф», 2009, 160 с.
- Вишнев С.М.* Основы комплексного прогнозирования. М., Наука, 1977, 287 с.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* Очерки истории русского права. Пг. – Киев, 1915, 699 с.
- Волкова И.Н., Крылов М.П.* Структурные уровни геопространства // Третий всесоюзный симпозиум по теоретическим вопросам географии // Одесса-Киев, Наукова думка, 1977, С. 66–68.
- Волгонова О.Д.* Есть ли будущее у русской идеи? // Мир России, 2000, № 2, С. 28–52.
- Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформаций (поколенческий подход) // Социологические исследования, 2002, № 1, С. 96–105.
- Гельман В.Я.* Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, том 6, № 2, С. 91–105.
- Глазычев В.Л.* Выслободжение городов // Российская провинция, 1993, № 1, С. 51–59.
- Глазычев В.Л.* Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. Отв. редактор Э.В. Сайко, М., Наука, 1995, С. 137
- Глазычев В.Л.* Капитализация пространства // Эксперт, 2004, № 1, С.100–104.
- Глинчикова А.Г.* Выступление. Трансформации в современной цивили-

- зации. Постиндустриальное и постэкономическое общество. Материалы Круглого стола // Вопросы философии, 2000, № 1, С. 26–32.
- Глобальное пространство культуры. Материалы международного форума 12–16 апреля 2005 г., СПб., Изд-во СПбГУ, 2005.
- Гончар Олесь* (А.Т. Гончар). Собор. Роман. Авторизованный перевод с украинского Изиды Новосельцевой. Послесловие Ю. Щербака, М., Советский писатель, 1988, 269 с.
- Гордеев Н.М.* Историко-литературная карта Тамбовского края, Тамбов, Издание ТОИУУ, 1966.
- Горизонтов Л.Е.* «Большое русское ядро» в имперской и региональной стратегии // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности, М., МОНФ, 2001, 129 с.
- Город на Цне. Ред.–сост. А.И. Светлов, Тамбов, Тамбовское кн. изд., 1960, 175 с.
- Города России. Энциклопедия. Главный редактор Г.М. Лаппо, М, БРЭ, 1994, 559 с.
- Городецкий А.Е.* Проблемы российской модернизации. Круглый стол // Мир России. 2001, № 4, С. 3–47.
- Горский А.А.* О древнерусских «землях» // Отечественная история, 2001, № 5, С. 144–150.
- Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства, М., Языки славянской культуры, 2004, 390 с.
- Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в., б.м., б.г., 602 с.
- Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, Т. 1, М., 1913, 472 с.
- Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II, Т. 2. М. – Л., 1941, 303 с.
- Градовский А.Д.* История местного управления в России. Сочинения А.Д. Градовского 1–9 тт., том 2, СПб., тип. М.М. Стасюлевича, 1868, 492 с.
- Грачёв М.А.* Кому товарищ тамбовский волк? // Мир имён и названий, №33 (03 – 09), март 2009 г. www.familii.ru
- Григорьева Н.В.* Региональная идентичность и самоназвания населения в районах Псковской, Тверской и Смоленской областей // Проблемы этнической географии и культурного районирования. Сборник научных статей. Псков, Псковский отдел РГО, 2004.
- Грищенко А.А.* Российско-украинское порубежье и региональная идентичность в Курской области // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). М., ИГ РАН, 2009, С. 355–364.
- Грушевский М.С.* Очерк истории украинского народа, Киев, Изд-во Лыбидь, 1990, 398 с.
- Гудков Л.Д.* Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности // Демографическая ситуация, частная жизнь и идентичность в России, М., ИЭА РАН – ИНП РАН, 2002, С. 62–63.

- Гумилев Л.Н.* От Руси до России, СПб., Изд-во ЮНА, 1992, 269 с.
- Гуриев С.* Индустриальный феодализм // Эксперт, 2001, № 14, С. 56.
- Гусейнов А.А.* Об идее абсолютной морали // Вопросы философии, 2003, № 3, С. 3–12.
- Даллмар Ф.* Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм - партикуляризм» // Вопросы философии, 2003, № 3, С. 13–29.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа, М., Книга, 1991, 574 с.
- Даркевич В.П.* Происхождение и развитие городов Древней Руси // Вопросы истории, 1994, № 10, С. 48–59.
- Динамика социально-территориальной структуры современного российского общества. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции 28–29 апреля 2008 г. МГУ им. М.В. Ломоносова – ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», Волгоград, Изд-во ВАГС, 171 с.
- Долгов В.В.* Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков, Ижевск, 1999, 351 с.
- Дорофеев В.* Повести и рассказы Андрея Платонова (вступительная статья) // А.Платонов. В прекрасном и яростном мире. Повести и рассказы, М., Художественная литература, 1965, С. 3–34.
- Драганова М., Староста П., Столбов В.* Социальная идентификация жителей сельских поселений и малых городов Восточной Европы // Социологические исследования, 2002, № 2, С. 52–60.
- Дроздова Ю.А.* Региональное сознание россиян: опыт социологического анализа // Динамика социально-территориальной структуры современного российского общества. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции 28–29 апреля 2008 г. МГУ им. М.В. Ломоносова – ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», Волгоград, Изд-во ВАГС, С. 73–76.
- Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края, Тамбов, Изд-во ТГПИ, 1993, 445 с.
- Евгенов С.В.* Жизнь на миру, М., Советский писатель, 1967.
- Ерасов Б.С.* Концепция самобытности как методологическая предпосылка цивилизационной компаративистики // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С. Ерасов. М., Аспект Пресс, 1999, С. 280–285.
- Завалишин Ю.А., Рязанцев И.П.* Территориальное поведение: опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования, 2005, № 10, С. 83–92.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.Ю.* Моделирование географических образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. Отв. ред. Д.Н. Замятин, М., Институт Наследия, 2008, 759 с.
- Зинovieв А.А.* Логика науки, М., Мысль, 1971, 279 с.
- Зубов А.Б.* «Вестминстерская модель» и общественное бытие Востока // Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования, вып.1, М., Наука, 1991, С. 50–75.

- Зуев С.* Искусство создания знаков // Эксперт, 2002, № 22, С. 67–71.
- Игнатов А.* Русская философия истории: романтический консерватизм // Вопросы философии, 1999, № 11, С. 116–123.
- Ильин М.В.* Слова и смыслы: общение – общность // Политические исследования, 1994, № 6, С. 88–95.
- Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии, 2004, № 4, С. 58–69.
- Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») // Социологические исследования, 2002, № 8, С. 76–85.
- История древнего мира. Упадок древних обществ, М., Наука, 1989, 407 с.
- Кабачков А.* Мы – европейцы ещё со времён Петра. Россия – европейская страна? // Известия, 2005, № 69.
- Каганский В.Л.* Россия: национальная модель культурного пространства // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов, М., Издание ИЭА РАН, 2003, С. 288.
- Каганский В.Л.* Регионализация, регионализм, пострегионализм // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития, М., Издание ИГ РАН, 2002.
- Каждан А.П.* Византийская культура. X - XII века, СПб., Алетейя, 1997, 279 с.
- Казанцева Г.В.* Оценка социально-культурного потенциала городских агломераций // Проблемы развития городских агломераций, М., Издание ИГ АН СССР, 1988, С. 95–106.
- Катица С.П.* Общая теория роста человечества, М., Наука, 1999.
- Кара-Мурза А.А.* Выступление. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993, № 7, С. 19–21.
- Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество // Мир России, 2000, №1, С. 23–51.
- Касьянова К.* О русском национальном характере, М., Издание ИНМЭ, 1994, 367 с.
- Каценелинбойген А.И.* Системный анализ и проблема ценностей // Системные исследования. Ежегодник 1972, М., Наука, 1972, С. 46–71.
- Кирдина С.Г.* Современные социологические теории: актуальное противостояние?! // Социологические исследования, 2008, №8, С. 18–28.
- Климова С.Г.* Критерии определения групп «Мы» - «Они» // Социологические исследования, 2002, № 6, С. 83–95.
- Кнабе Г.С.* Внутреннее пространство: дом, город, общество // Город как социокультурное явление исторического процесса. Отв. ред. Э.В. Сайко, М., Наука, 1995, С. 224–233.
- Ковалёв Ю.А.* Книга – вежа и проблема ценностного противостояния «Восток – Запад» // Социологические исследования. 2002, № 2, С. 142–149.
- Кондаков И.В.* Методологические проблемы изучения культурного и природного наследия в России // Наследие и современность, вып. 6, М., Институт Наследия, 1998, С. 29–94.

- Кортен Д.* Рыночная ересь капитализма (интервью) // Эксперт, 2002, № 26, С. 58–63.
- Коссов В.В.* Эгоцентризм как губитель России // Мир России, 2000, №2, С. 53–62.
- Костиков В.* Где наша родина // Аргументы и факты, 2005, №39.
- Костомаров Н.И.* Об отношении русской истории к географии и этнографии (Лекция, прочитанная в Географическом Обществе 10-го марта 1863 г.) // Земские соборы, М., Чарли, 1995А, С. 424–440.
- Костомаров Н.И.* Старинные земские соборы // Земские соборы, М.: Чарли, 1995Б, С. 5–64.
- Красильщиков В.А.* Модернизация в России на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993, № 7, С. 43.
- Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв., СПб., Изд-во СПбГУ, 2003, 464 с.
- Кропоткин П.А.* Этика. Избранные труды, М., Политиздат, 1991, 496 с.
- Крылов М.П.* Оценка населением городов России современной экологической ситуации // Известия Российской академии наук, серия географическая, 1995, № 6, С. 52–62.
- Крылов М.П.* Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России // География и региональная политика. Часть I, Смоленск, Изд-во СГУ, 1997, С. 32–38.
- Крылов М.П.* Экологические идеи в русском провинциальном городе // Провинциальный город. Культурные традиции. История и современность, М.- Калуга, Эйдос, 1999А, С. 42–51.
- Крылов М.П.* Историческая преемственность территориального устройства Европейской России и проблемы актуализации историко-культурных районов // Н.М. Пржевальский и современное страноведение, ч. II, Смоленск, Изд-во СГУ, 1999Б, С. 73–79.
- Крылов М.П.* Социально-экологический подход к феномену российской урбанизации // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. Отв. ред. Э.В. Сайко, М., Наука, 1999В, С. 228–236.
- Крылов М.П.* Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание // Культурная география, М., Институт Наследия, 2001, С. 14–52.
- Крылов М.П.* Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования, 2005, № 3, С. 13–23.
- Крылов М.П.* Региональная идентичность населения Европейской России // Вестник Российской академии наук, 2009, № 3, С. 266–277.
- Кувенева Т.Н., Манаков А.Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования, 2003, № 7, С. 77–89.
- Кузнецов В.Н.* Побег крестьян от помещика как социально-психологический феномен // Вопросы истории, 2001, № 2, С. 148–152.
- Кутряшина Т.* (автор концепции). Окландия. Туристический проект

- «Край родной навек любимый». Содружество музеев Нижней Оки (буклет), Муром, б/г.
- Куренной В.А.* Русский экшн: структурно-социальный анализ // Отечественные записки, 2002, № 3, С. 266–280.
- Кустова Е.В.* Городское самоуправление в Вятке в конце XVIII – середине XIX в. // Вопросы истории, 2004, № 5, С. 134–138.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках, М., Наука, 1984, 346 с.
- Ларюэль, Марлен.* Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. Пер. с фр. Т.Н. Григорьевой, М., Изд-во «Наталис», 2004, 287 с.
- Лебедева Н.М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал, 1999, том 20, №3, С. 48–57.
- Левада Ю.А.* Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2001, № 1, С. 7–15.
- Леви-Стросс К.* Раса и история // К. Леви-Стросс. Путь масок, М., Республика. 2000, С. 323–356.
- Левинтов А.Е.* Районная и региональная парадигмы: субъективизация географических представлений // Трансформация региональных структур в период перехода к рынку. Под ред. Ю.Г. Липеца, М., Издание ИГ РАН, 1994, С. 19–16.
- Левинтов А.Е.* Реальность и действительность истории, М., Изд-во «Аграф», 2006, 383 с.
- Лекторский В., Дилигенский Г.* Проблемы целостности мира // Вопросы философии, 1990, № 12, С. 32.
- Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьёв, СПб, Наука, 1991, С. 171–296.
- Лоренц К.* Обратная сторона зеркала, М., Республика, 1998, 493 с.
- Лоскутов М.П.* Рассказ о говорящей собаке, М., Детгиз, 1958, 31 с.
- Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века.), СПб., Искусство – СПб, 1994, 399 с.
- Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации, М., Изд-во МГУ, 1996, 682 с.
- Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута, М., 1892.
- Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности, Л., 1929.
- Любарский Г.Ю.* Морфология истории: сравнительный метод и историческое развитие, М., Изд-во КМК, 2000, 449 с.
- Любищев А.А.* Понятие эволюции и кризис эволюционизма // А.А. Любищев. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов, М., Наука, 1982, С. 133–148.

- Макарихин В.П.* Губернские учёные архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начале XX века // История СССР, 1989, № 1, С. 160–169.
- Макаров Н.А.* Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII в.: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XII веках. Взаимодействие Севера и Юга, М., Наука, 2005, С. 5–10.
- Мамардашвили М.К.* Другое небо // М. Мамардашвили. Как я понимаю философию, М.: Прогресс, 1992, С. 320–339.
- Мартин Г.П., Шуман Х.* Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. Пер. с нем., М., Альпина, 2001, 330 с.
- Мезенцева Б.Б., Косларская Н.П.* Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России, 1998, № 3, С. 141–188.
- Мельяницев В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность, М., Изд-во МГУ, 1996, 303 с.
- Мильдон В.И.* Русский ренессанс, или фальшь Серебряного века // Вопросы философии, 2005, № 1, С. 40–51.
- Милоков П.Н.* Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого, СПб., 1905, 679 с.
- Митрохин Н.А.* Русская партия: движение русских националистов в СССР в 1953–1985 гг., М., Новое литературное обозрение, 2005, 617 с.
- Мленар З., Штебе Я.* Мобильность и идентификация в условиях открытости мира: теоретическая интерпретация и опыт Словении // Социологические исследования, 2005, № 4, С. 33–42.
- Мнение населения о состоянии окружающей среды и эффективности мероприятий по её охране. М., Росинформцентр Госкомстата РФ, 1991, 220 с.
- Мрочек-Дроздовский П.* Областное управление в России в XVIII веке до учреждения о губерниях, М., 1876, 280 с.
- Мурзина И.Я.* Методологические аспекты изучения региональной культуры // Социологические исследования, 2004, № 2, С. 60–55.
- Неволин К.А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб. Записки Императорского Русского географического общества, кн. 5, 1853.
- Неволин К.А.* Образование управления в России от Иоанна III до Петра Великого (1844) // К. А. Неволин, Собрание сочинений, т. 6, СПб., 1859.
- Негго А.Г.* Остров великанов, М., Детгиз, 1960, 224 с.
- Павловский Г.* Тренировка по истории. Мастер-классы Гефтера, М., Русский институт, 2004, 184 с.
- Пантин В.И., Ланкин В.В.* Трансформация национально-цивилизационных идентичностей современного российского общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность, 2004, № 1, С. 52–63
- Парето В.* Компендиум по общей социологии. Пер. с итал. А.А. Зотова.

- Научный ред., автор предисловия и указателя имён М.С. Ковалёва. Научный консультант Н.А. Макашёва, М., Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007, 511 с.
- Петров М.К.* Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии, 1990, № 5, С. 79–82.
- Петров-Стромский В.Ф.* Три эстетики европейского искусства // Вопросы философии, 2000, № 10, С. 155–170.
- Пилясов А.Н.* И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания, М., Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2008, 542 с.
- Покровский Н.Е.* В зеркале глобализации // Отечественные записки, 2003, № 1, С. 51–65.
- Покровский И.М.* Русские епархии XVI–XIX веках, их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования, тт. 1–2, Казань, 1907; 1913.
- Померанц Г.С.* Нравственный облик исторической личности // Знание-сила, 1990, № 5, С. 18–22.
- Посадский А.В.* Крестьянская самооборона в годы гражданской войны в России // Отечественная история, 2005, № 1, С. 125–132.
- После страха – апатия // Зелёный мир, 1993, № 10.
- Пронина Е.Е.* Последняя электричка (Венедикт Ерофеев. «Москва – Петушки») // Общественные науки и современность, 2005, № 3, С. 151–165.
- Пчелинцев О.С.* Региональная экономика в системе устойчивого развития, М., Наука, 2004, 258 с.
- Пятигорский А.М.* Интервью // Вопросы философии, 1990, № 5, С. 93–105.
- Родман Б.Б.* Захотят ли наши правнуки путешествовать по Земле // Земля и люди. Географический календарь – 1970. М., Мысль, 1969, С. 73–75.
- Родман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск, Изд-во «Ойкумена», 1999, 256 с.
- Родман Б.Б.* Местные особенности как ресурс развития регионов и стран // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия). М., ИГ РАН, 2009, С. 20–27.
- Российская идентичность в условиях общественной трансформации. Общенациональные черты и региональные особенности. Результаты исследования, проведённого при поддержке Московского представительства Фонда им. Ф. Эберта. Руководители проекта и авторы текста Петросян Д.И. и Свинцов И.В., Владимир, Среднерусский консалтинговый центр, 2004, 44 с.
- Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. Отв. ред.: М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, М., Наука, 2005, 396 с.
- Российская модернизация. Проблемы и перспективы. Материалы Кру-

- глый стол // Вопросы философии, 1993, №7, С. 3–41.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под редакцией В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского, том второй, Среднерусская черноземная область, СПб., А.Ф. Девриен, 1902. 717 с.
- Рунова Т.Г. Оценка экологической ситуации населением городов России // Известия Российской академии наук, серия географическая, 1993, № 3, С. 68–75.
- Русские // Народы и религии мира. Энциклопедия. М., изд-во БРЭ, 1998, С. 438–461.
- Русь в IX – XII веках. Взаимодействие Севера и Юга, М., Наука, 2005, 326 с.
- Рыжов К.В. Ещё раз о смысле и значении понятия «Русь» и «Русская земля» в летописях XII–XIII вв. // Вопросы истории, 2002, № 3, С. 137–143.
- Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ), М., Академический Проект; Гаудеамус, 455 с.
- Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Русский мир. Геополитические заметки по русской истории, М., Эксмо, 2003, С. 799–859.
- Савоскул М.С. Локальное самосознание современных русских // Очерки русской народной культуры, М., Наука, 2009, С. 73–112.
- Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в., СПб, Академический проект, 2003, 735 с.
- Сверкунова Н.В. Феномен сибиряка // Социологические исследования, 1996, № 8, С. 90–94.
- Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования., СПб., Изд-во НИИ Химии СПбГУ, 2002, 191 с.
- Селье Г. Стресс без дистресса. Пер. с англ. Под общей ред. Е.М. Крепса., М., Мир, 1979, 113 с.
- Семенов И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Политические исследования, 2003, № 1, С. 5–23.
- Сивевич З.В. Русские: образ народа, СПб, Изд-во СПбГУ, 1996, 152 с.
- Синицкий Л.Д. Политическая география по Ратцелю // Землеведение, 1899. Кн.3, С. 53.
- Смирнов С.Н. Несвоевременные мысли о России // Мир России. 2004. №4, С. 102–114.
- Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России, М., МОНФ, 1999, С. 108–115.
- Согомонов А.Ю. Глокальность (очерк социологии пространственного воображения) // Глобализация и постсоветское общество («аспекты

- 2001»), М., Изд-во «Стови», 2001, С. 141–188.
- Соловьёв С.М.* Чтения и рассказы по истории России, М., Правда, 1989, 767 с.
- Солоухин В.А.* Письма из Русского музея, М., Молодая гвардия, 1990, 414 с.
- Социальное пространство России («круглый стол») // Социологические исследования, 1992, № 3, С. 49–67.
- Стрелецкий В.Н.* Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН, серия географическая, 2008, № 5, С. 21–33.
- Тамбовская энциклопедия. Главный научный редактор Л.Г. Протасов, Тамбов, Администрация Тамбовской области, Изд-во Юлис, 2004, 707 с.
- Татевосов Р.В.* География населения, М., Изд-во МНЭПУ, 1999, 132 с.
- Тимашев Н.С.* Научное наследие П.А. Сорокина // Социологос, вып. 1. Общество и сферы смысла, М., Прогресс, 1991, С. 461–464.
- Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XV вв., М., Изд-во МГУ, 1957, 318 с.
- Тойнби А. Дж.* Постижение истории, М., Прогресс, 1992, 731с.
- Тоффлер А.* Футурошок, СПб., Лань, 1997, 464с.
- Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа, М., Новый хронограф, 2009, 372 с.
- Трубецкой Н.* О туранском элементе в русской культуре // Русский мир. Геополитические заметки по русской истории, М., Эксмо, 2003, С. 738 – 765.
- Трубачев О.Н.* В поисках единства, М., Наука, 1997, 284 с.
- Тульчинский Г.Л.* Культурогенез в условиях глобализации // Глобальное пространство культуры. Материалы международного форума 12–16 апреля 2005 г., СПб, 2005.
- Туровский Р.Ф.* Бремя пространства как политическая проблема России // Логос, 2005, №1, С. 124–171.
- Туровский Р.Ф.* Региональные особенности русского национального самосознания // Гуманитарная география, вып.3, М., Институт Наследия, 2006, С. 287–313.
- Уиттлси Д.* Региональная концепция и региональный метод // Американская география. Современное состояние и перспективы. Пер. с англ. М., ИЛ, 1957, С. 37–80.
- Уэллс Г.* Облик грядущего // Герберт Уэллс. Собрание сочинений в пятнадцати томах, том 13, М., Правда, 1964, С. 401–514.
- Федотова В.Г.* Анархия и порядок в российском развитии // Вопросы философии, 1998, № 5, С. 3–20.
- Федотова В.Г.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии, 2002, № 12, С. 3–21
- Федотова В.Г.* Апатия на Западе и в России // Вопросы философии, 2005, № 3, С. 3–19.
- Федоров Н.Ф.* Музей, его смысл и назначение. Обзор, М., Росинформ-

- культура, 1992, 58 с.
- Феоктистов Г.Г.* Империя как тип структурного деления мира (опыт классификации) // *Общественные науки и современность*, 2000, № 2, С. 108.
- Филиппов А.Ф.* Гетерономия родных просторов // *Отечественные записки*, 2002, №6, С. 48–62.
- Филиппов А.Ф.* Социология пространства, СПб., Изд-во «Владимир Даль», 2008, 285 с.
- Формозов А.А.* Древнейшие этапы истории Европейской России, М., Наука, 2002, 154 с.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси, Л., Изд-во ЛГУ, 1988.
- Хлебопрос Р.Г., Фет А.И.* Природа и общество: модели катастроф, Новосибирск, Сибирский хронограф, 1999, 343 с.
- Хорос В.Г.* Выступление. Российская модернизация: проблемы и перспективы. Круглый стол // *Вопросы философии*, 1993, № 7, С. 12–16.
- Цимбаев Н.И.* До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // *Вопросы философии*, 1997, № 1, С. 18–42.
- Черменский П.Н.* Прошлое Тамбовского края, Тамбов, Тамбовское кн. изд-во, 1961, 199 с.
- Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке, СПб., 1889, 349 с.
- Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII веке, М., 1854, 531 с.
- Чубайс И.Б.* Как преодолеть идентификационный кризис России в XXI веке // *Мир России*, 2002, № 2, С. 3–27.
- Чучин-Русов А.Е.* Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неорархаика? // *Вопросы философии*, 1999, № 4, С. 33.
- Шелехов Д.* Путешествие по русским просёлочным дорогам // *Литературная учёба*, 1990, Кн.1, С. 3–11.
- Шемякин Я.Г.* Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия) в сравнительно-историческом освещении // *Общественные науки и современность*, 2000, № 3, С. 92–96.
- Шкаратан О.И.* Информационная экономика и пути развития России // *Мир России*, 2002, № 3, С. 55.
- Штарк Ф.* Волшебный мир немецкого языка. Пер. с нем. Т.В. Юдиной, М., Изд-во МГУ, 1996, 240 с.
- Шпенглер О.* Годы решений. Пер. с нем. В.В. Афанасьева, общая ред. А.В. Михайловского, М., Скимень, 2006, 239 с.
- Щапов А.П.* Великорусские области и смутное время (1600-1613) // *Избранное. Репринт: Сочинения*, СПб., т. 1, 1906, Иркутск, Оттиск, 2001, С. 67–164.
- Щедровицкий П.Г.* Сбежать из мёртвой зоны (запись М. Кактурской) // *Аргументы и факты*, 2005, № 6.

- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., Аспект Пресс, 1999, 416 с.
- Экономическая география в СССР. История и современное развитие. М., Просвещение, 1965, 663 с.
- Эшштейн М.Н.* Все эссе. Том 1. В России. Екатеринбург. V – Фактория, 2005, 535 с.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. М., Прогресс, 1996, 342 с.
- Юревич А.В.* Психологические особенности российской науки // Вопросы философии, 1999, № 4, С. 11–17.
- Ядов В.А.* Выступление. Российская модернизация: проблемы и перспективы. Круглый стол // Вопросы философии, 1993, № 7, С. 38–39.
- A sense of Place: Regional Identity, Informal Economy and resource Management by Cheryl Aman. Backgrounders by Linda Mattson. Forests for the Future, Unit 5, 2003, The University of British Columbia, 137 pp.
- Biggs M.* Putting the state on the map : cartography, territory and European state formation // Comparative studies in society and history. Cambridge; N.Y., 1999. Vol. 41, № 2, pp. 374–405.
- Bond A., Bellkinder, M., and Treyvish, A.* Economic development trends in the USSR: 1970–1988 // Soviet Geography, 1991, No 1, pp. 1–57.
- Carrus Giuseppe, Bonaiaiuoto Marino, Bonnes Mirilia.* Environmental concern, regional Identity, and Support for protected Areas in Italy // Environment and Behavior, vol. 37, 2005, No. 2, pp. 237–257.
- Costache Stefania.* Construction the “Transylvanian Identity” // Regional Identity in Provincia 2000–2002. Submitted to Central European University, Nationalism Studies Program, Budapest, 2004.
- Cresswell, Tim.* Place. A short introduction, Blackwell Publishing, Oxford, 2009, 153 pp.
- Cultural Continuum and Regional Identity in architecture. Editor Balkrishna Doshi, Singapore, 1985.
- Doosje B., Spears R, Ellemers N.* Social identity as both cause and effect: the development of group identification in response to anticipated and actual changes in intergroup status hierarchy // British Journal of Social Psychology, 2002, Vol. 41, Part 1., pp. 57–76.
- Fischer C.* Evermore Rooted Americans // City & Community. 2002, Vol. 1, № 2, pp. 177–198.
- Gilbody Simon.* Regional Identity, 1996 (MP.65@Umail/UMD.EDU)
- Glinsky P.* Swiadomosć ecologiczna spote // Cultura I sponeczenstvo W-wa. 1988. T.32, #3, S. 168-196.
- Gruenewald, Kim M.* The Commercial Origins of Regional Identity in the Ohio Valley, 1790 – 1850. Blumington: Indiana university press, 2002, XVI+214 pp.
- Hardcover Max.* Regional Identity and Behavior (England and four earlist British North American colonies), Sugar, 2002, 202 pp.
- Hettne B.* Globalization and the New Regionalism: The second Great Trans-

- formation // B. Hettne. *Globalism and the new Regionalism* ed. By B. Hettne et al. Basingstoke, Macmillan, 1999.
- Hettne B.* *Theories of New Regionalism. A Palgrave Reader*, Basingstoke, Palgrave, 2002.
- Hoare Rachel.* Linguistic Competence and Regional Identity in Brittany: Attitudes and Perceptions of Identity // *Journal multilingual and multicultural Development*, Vol. 21, No. 4, 2000, pp. 324.
- Kotkin, Joel.* *New geography. How the digital revolution is reshaping the American landscape?* NY, Ronda House, 2000, 242 pp.
- Krylov M.P.* Regional Identity of the European Russia Population // *Herald of the Russian Academy of Science. Pleiades Publishing*, 2009, Vol.79. No. 2, pp. 179–189.
- LAsharky. *Re: Critiques*, Vol. 3, 1996.
- Many Wests. Place, Culture, and Regional Identity.* Edited by David M. Wrobel and Michael C. Steiner, California State University, Fullerton, 2003, 320 pp.
- Megerle H.* Fire, ice and water; transnational regional identity and sustainable tourism development through environmental interpretation in the Geo-Region Bodensee // *ZELTSchriften, Zeitschrift für Landschaftsinterpretation und Tourismus*, Göttingen, 2003, vol. 2, Nr. 1, pp. 6–8.
- Millard J. and Christensen A. L.* *Regional Identity in the Information Society* // *BISER Domain Report No. 4.* Project funded by the European Community. Salzburg, 2004, 38 pp.
- Mlinar Zdravko.* Territorial identities: between individualization and globalization // *Globality versus Locality.* Editor Antony Kuklinski, Warsaw, 1990, pp. 57–61.
- Norman J. Vig, Michael Kraft.* *Environmental Policy in the 1990s*, pp. 83–99.
- Paasi Anssi.* Department of Geography University of Oulu. Reconstructing regions and regional identity. Nethur lecture. 7.11.2000, Nijmegen, The Netherlands, 9 pp.
- Pace Michelle.* *The politics of Regional Identity Meddling with the Mediterranean?* University of Birmingham (UK), 2005.
- Pihlak Madis.* *Re: regional identity? 1996.*
- Ploner Josef.* Tourism and the Aesthetization of Backwardness – New Symbolic Orders of Regional Identity in Alpine Austria // *Regional Studies Association International Conference, 28th–31st May 2005*, University of Aalborg, Denmark.
- Pollice F.* Il ruolo dell' identità territoriale nei processi di sviluppo locale [The Territorial Identity as a Source for the Local Development] // *Bollettino della Società Geografica Italiana, Serie XII, Volume X, Fascicolo 1*, 2005, pp. 75–92.
- The Idea of Rajasthan: Explorations in Regional Identity.* Edited by Karine Schomer? Joan L. Erdman, Deryck O. Lodrick and Lloyd I. Rudolf, 1994, 2 vol, 738 p., maps.
- Turner B.S., Rojek Ch.* *Society and Culture. Principles of Scarcity and Soli-*

darity. L., 2001.

Wood Chris. Interpretation of regional identity: By design or default? // ZELTSchriften, Zeitschrift für Landschaftsinterpretation und Tourismus, Göttingen, 2003, vol. 2, Nr. 1, pp.4–6.

http://www.sci.aha.ru/RUS/waff_.htm (Устойчивость и типы структур социума).

<http://www.sci.aha.ru/RUS/wafc1.htm> (Структура народонаселения. Гармоничность социальной структуры).

<http://www.sci/aha/RUS/wafc2.htm> (Донорство активного населения из культурных центров России).

Архивные материалы

Архив Российской Академии наук, фонд академика С.Б. Веселовского; ф. 620, ед. хр. 90. «Объяснения к историческим картам Северо-Восточной Руси XV в.», 236 л. (машинопись), 90 а, 96, 309–315, 325, 325 а.

Abstract.

Regional identity implies a set of attitudes towards the concept of “minor homeland”. Regional identity is defined as ability and will to live in and to develop the territory (including both local and regional levels of “minor homeland”). The author argues against a notion that traditional and may by modern Russian folk and urban culture “a-spatial” (that means the absence of local patriotism and regional cultural contrasts). The theoretical and the methodological aspects of the “a-spatial” problem are under discussion in the book. The author describes the phenomenon of regional identity and suggests a system of indices. The system is tested in the respective polls and interviews. Spatially changeable patterns of the role of traditions are found to shape regional identities of Russians. Regional identity, being the result of interaction between mobility and rootedness, is one of the driving forces of Russian society, ensuring its capacity for modernization. Mobility that destroys rootedness cannot be regarded as progressive.

The thesis of local patriotism as a source of different forms of social activity is illustrated by the case of support of the local “green” movements given by the inhabitants of towns and cities as a variety of a local community and the environmental solidarity. The “green” movements constitute a crucial subject of contemporary Russian modernization. Using the criterion of the ratio between proponents and opponents of local “green” movements, macroregions that can be interpreted as various civilizations we identified (Russia, Belarus, Ukraine – the ratio 1 : 1; Latvia, Lithuania, Estonia – the ratio 3 : 1; Islamic states of the former USSR – the ratio 1: 10). The local patriotism intensifies environmental trends mostly in medium size towns that have a historical and cultural individuality.

The author has substantiated the existence of the cultural trinity of regional identity, i.e., the autonomous aspects of regional identity that characterize society`s attitude towards tradition in the different ways. That are transtraditional, traditionalists, and supratraditional types of identity. Transtraditional regional identity includes characteristics

such as love for native town, city, region, Russian patriotism, and attitudes toward Russian sayings “Die but don’t leave anywhere as long as one’s stomach is full (the author do not consider these sayings-indicators mutually exclusive). Traditionalist regional identity includes the characteristics subethnicity (measured by answers to the questions “Do you agree with the statement: ‘One should do everything possible to preserve the local differences in dialects, behavior, nutrition, etc?’) and off-economic thinking. The aspects of regional identity demonstrate a significant positive relationship with a number of social and economic indicators.

Despite the globalization process, the active migration of population inside Russia, and the artificial leveling of cultural specific features in the Russian regions during the period of the USSR, Russian urban culture has not lost its individual features. The core of local communities is made up of people that identify themselves as “local” by birth or by conviction, for whom their minor homeland is highly important. The total share of locals “by birth” and “by conviction” is approximately similar in all the regions under study: from 81% in Kostroma oblast to 84% in Yaroslavl oblast. For the locals by birth, it also changes insignificantly: from 48.7% in Voronezh oblast to 54.7% in Vologda oblast.

Among the respondents dominates a negative attitude towards the image of their towns as symbols of an out-of-the way place. Experts have formulated positive and negative features of their “minor homeland” as a base for their positive and negative self-identification. They put into words their sense of local patriotism. Within the frame work of regional identity, of interest is the town residents’ self evaluation of what they consider their most significant traits of character and lifestyle, which is often ironical or even negative. The cultural folk meaning of the regions in European Russia is clear according to “Tambov Wolf” symbol.

The approximately similar share of those surveyed on the territories where we conducted our research experience pressure and competition on the part of other territories, 11-13%. Practically everywhere dominates the opinion on the pressure on the part of Moscow, excluding Kostroma and Tutaev, where respondents more

often point to competition with Yaroslavl. In Tambov there is a widespread opinion on the pressure on the part of Moscow, as well as Lipetsk.

Regional identity is a relatively autonomous cultural phenomenon with its own inner logic that does not depend directly on the level of socioeconomic development of a territory, yet tied to it with thousands of strings. One does not observe a direct relationship between regional identity and individual characteristics, such as education level and age. Regional identity is indifferent even to the social and cultural potential of the town and city. Despite autonomy and stability regional identity can transform under the influence of social and cultural stress (“neighborhood stress”) or radical change in the material environment and social atmosphere. However, stability is a specific feature of regional identity; therefore, it should generally be regarded as a poorly controlled phenomenon.

Within the framework of regional identity, Russian society does not demonstrate any signs of breakdown into univocal adherents of tradition or, on the contrary, modernization. On the contrary, from the standpoint of regional identity, it is becoming apparent that it is impossible to draw a strict opposition between tradition and modernization, which to be rather closely intertwined. Depending on local conditions, traditions may prove both a resource for and a handicap to modernization.

The regional identity phenomenon testifies to rootedness in the consciousness of the modern generation of the Russian population of regional entities that were formed in European Russia. From the standpoint of population, the historical grounding of the regions is significantly higher that follows from the historical and geographical materials. Nevertheless, considerable part of the population of Michurinsk, Kostroma, Novomoskovsk, and Aleksin would like to join neighboring regions (i.e. to “move” the boundaries of regions). There is a tendency to restore the once existing Balashov oblast.

The research results convince of the correctness of the image of European Russia that takes its origin from N.I. Kostomarov (on considerable territorial differences in world outlooks and lifestyles

of Russians), as opposed to the most popular in Russia and abroad views of M.P. Pogodin and S.M. Solov`ev on the European Russia and Russians cultural homogeneity and weakness of local patriotism.

CONTENTS

INTRODUCTION. INITIAL CONCEPTUAL POSITIONS.	7
PART I. METHODOLOGY AND METHODS OF STUDYING OF REGIONAL IDENTITY	33
CHAPTER 1. IDENTITY OF SOCIAL SYSTEMS. REGIONAL ASPECT	35
1.1. Spatial morphology of society and regional identity	35
1.2. Identity as the factor of stability and variability of social systems	48
1.3. Regional identity and some problems of modern Russia: methodological aspect	56
1.4. Regional identity: local patriotism, rootedness and spatial self-identification	67
CHAPTER 2. GEOGRAPHICAL-HISTORICAL ASPECTS OF REGIONAL IDENTITY IN THE EUROPEAN RUSSIA	84
2.1. Genesis of the regional structure of European Russia and a problem of historical provinces	84
2.2. Geographical-historical borders and modern regional identity in European Russia	103
2.3. Generalization of results of the geographical-historical analysis of a problem of regional identity in European Russia	107
CHAPTER 3. THE BASIC METHODOLOGICAL POSITIONS OF SOCIAL GEOGRAPHICAL STUDYING OF REGIONAL IDENTITY IN EUROPEAN RUSSIA	113
PART II. REGIONAL IDENTITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY	125
CHAPTER 4. REGIONAL IDENTITY AS CULTURAL FOCUS OF RUSSIAN SOCIETY	127
CHAPTER 5. FORMS OF POSITIVE AND NEGATIVE REGIONAL SELF-IDENTIFICATION	150
5.1. A phenomenon of «locals»: positive and negative self-identification	150

5.2. Preconditions of values of positive and negative self-identification	155
CHAPTER 6. THE SPATIAL ORGANIZATION OF REGIONAL IDENTITY	164
6.1. Spatial self-identification of the population in European Russia	164
6.2. Elements of structure of social geographical space in European Russia in a context of regional identity	170
6.3. A phenomenon of the neighbourhood stress	181
6.4. Interrelation of regional identity and Russian patriotism	184
CHAPTER 7. REGIONAL IDENTITY AND THE INHABITANCY	186
7.1. Regional identity and the relation of the population to the region and local “green” movements	186
7.2. Regional identity and perception of a cultural landscape variety	197
7.3. Regional identity as an anthropoecological phenomenon	199
SUMMARY	204
CONCLUSION	212
BIBLIOGRAPHY	217
ABSTRACT	232

А.И. Трейвиш

ГОРОД, РАЙОН, СТРАНА и МИР. Развитие России глазами страноведа

У географии есть свой «конек», который называют игрой масштабами и к которому автор этой книги относится весьма серьезно, как к принципу и дисциплинарному кредо. Его монография отражает результаты многолетних исследований России, страны с тысячелетней историей и молодого в его нынешнем виде государства, с его городами и регионами, крупными частями, странами-соседями и местом среди мировых гигантов. Чем важен их размер? Когда и насколько Россия отставала от стран-лидеров, какой ценой их догоняла? Как это сказалось на ее «ледовитом океане суши»? На сколько районов она делится и на сколько — никак? Сколько в нем уместится Германий? Как чередуются у нас централизация и регионализация? Где сосредоточены успешные и депрессивные города? Зачем нужны элитарные, высокомерные, космополитичные центры? На эти и другие вопросы автор пытается ответить с помощью полимасштабного подхода к географии социально-экономического развития.

Книга адресована географам, регионалистам и всем, кто интересуется связью исторической судьбы России с ее пространством, географическим положением, природными условиями, спецификой заселения и освоения территории.

Доманьски, Рышард

Экономическая география: динамический аспект

Книга Р. Доманьского, анализирующая теоретические представления и методы исследования в социально-экономической географии — первая на эту тему публикация, выходящая на русском языке за последние 30 лет. В ней успешно применяются теоретические конструкции и математический аппарат синергетики для анализа явлений пространственной самоорганизации расселения и экономической деятельности. Большое внимание уделяется механизмам возникновения и распространения инноваций. Для анализа последнего используется теория диффузии нововведений Т. Хегерстранда. Книга написана доступно и рассчитана не только на специалистов. Ее выпуск — важный этап в развитии экономической географии и региональной экономики.

Научное издание

Крылов Михаил Петрович

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Издатель *Леонид Янович*

Корректор *Раиса Пронина*

Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*

В оформлении обложки использованна фотография *А.А. Гриценко*

Налоговая льгота -
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-916-346-8273
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 16.02.2010
Формат 70x100/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. 15 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»
г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Тел.: (8172) 72-61-75

ISBN 978-5-94881-109-3

ISBN 594881-109-3

9 785948 811093